
Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издается на кафедре государственного и муниципального управления
историко-политологического факультета Пермского государственного национального
исследовательского университета

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Издание публикует как теоретические статьи, так и основанные на результатах эмпирических исследований. Особое внимание уделяется теориям управления, пространственной и региональной экономики; эффективности как государственных отраслевых политик в целом, так и различных управленческих структур в частности; роли политико-экономических институтов в развитии государства и общества; управлению публичной политикой; деятельности органов публичной власти; развитию человеческого потенциала, государственной и муниципальной службы; информационным и цифровым технологиям в публичном управлении и экономике; взаимодействию государственных институтов и гражданского общества; локальным управленческим практикам, а также различным аспектам региональной экономики, включая государственное регулирование экономики, проблемы моногородов, территориальную организацию населения, агломерирование и ряд других

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной специальности:
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписка на журнал осуществляется на сайте «Урал Пресс»
(<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>). Подписной индекс – 41047

Главный редактор журнала – Елена Андреевна Третьякова,
доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e.a.t.pnru@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-код (РИНЦ): 5846-1742

AuthorID (РИНЦ): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иван Александрович Антипин, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Мария Александровна Богомолова, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике и управлении Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель директора института информационных технологий, математики и механики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Яна Юрьевна Бондарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Марина Валентиновна Владыка, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Елена Георгиевна Коваленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, доцент кафедры кибербезопасности и защиты информации Института компьютерных систем и информационной безопасности Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Елена Викторовна Курушина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия

Мария Викторовна Назукина, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Антонина Владимировна Селезнева, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сергей Алексеевич Сергеев, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **главный редактор**

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **заместитель главного редактора**

Анна Александровна Урасова, доктор экономических наук, доцент, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Юлия Викторовна Усова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия

Марина Валериевна Цуркан, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Наталья Анатольевна Шibaева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления

Тел.: (342) 239-66-89

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Сайт: ars-administrandi.com

© Редакционная коллегия, 2024

Publisher: Perm State University

Published by Department of State and Municipal Governance, Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory and practices of state and municipal governance, economics, and political sciences. We publish both theoretical articles and those based on the results of empirical research. A special emphasis is placed on the issues of governance, spatial and regional economics; the effectiveness of both sectoral public policies in general and various governance structures in particular; the role of political and economic institutions in the state and society development; public policy governance; activities of public authorities; human development management, state and municipal service; information and digital technologies in public administration and economy; interaction between state institutions and civil society; local management practices, as well as various aspects of the regional economy, including state regulation of the economy, problems of single-industry towns, territorial organization of the population, agglomeration, etc.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications
in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science,
for the degree of Doctor of Science should be published for the following academic specialty:
5.5.2. Political institutions, processes, techniques (Political Sciences)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor) – Certificate PI no. FS77-66778 dated Aug. 8, 2016

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal on the website “Ural-Press” (<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>).
Subscription index – 41047

Chief Editor – Elena A. Tretyakova,

Doctor of Economics, Professor, Perm State University, Perm, Russia, e.a.t.pnrpu@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-code (RSCI): 5846-1742

AuthorID (RSCI): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

EDITORIAL BOARD

Ivan A. Antipin, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Maria A. Bogomolova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling in Economics and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director for Development of the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yana Yu. Bondareva, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Elena G. Kovalenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Natalya S. Kozyr, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Protection, Institute of Computer Systems and Information Security, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Galina B. Kozyreva, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Institutional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Elena V. Kurushina, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Ilya V. Naumov, Candidate of Economics, Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Maria V. Nazukina, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Sergeev, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Natalya A. Shibaeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Orel State University, Orel, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Political Communications, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

Elena A. Tretyakova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia – **Chief Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of State and Municipal Governance, Senior Research of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – **Deputy Chief Editor**

Marina V. Tsurkan, Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia

Anna A. Urasova, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia

Yuliya V. Usova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Marina V. Vladyka, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Publisher address:

Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Editors address:

Department of State and Municipal Governance, Perm State University,
15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Tel. +7(342)239-66-89

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Web-site: ars-administrandi.com

© Editorial Board, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Бабурина Н. А., Муравьев Д. А., Захарова К. А. Системный подход к классификации мер государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации 368

Нерослов А. Д., Паздникова Н. П. Универсализация оценки бюджетных рисков российских регионов 393

II. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ

Измайлова М. А. Реализация ESG-повестки инструментами цифровой экономики: состояние и перспективы развития 413

Якушева М. О., Медведев С. О. Проблемы эффективности управления себестоимостью продукции в лесной отрасли: информационный аспект 436

III. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Гайнанов Д. А., Мигранова Л. И., Сайфуллина Л. Д. Управление поведением индивидов на региональном рынке труда: подходы, модели и перспективы 459

Садыртдинов Р. Р., Еремеева Е. А. Социальная стратификация сельских домохозяйств России в условиях пандемии COVID-19 481

Бычкова А. А. Оценка и прогнозирование пространственной миграции с учетом транспортной специфики 498

IV. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Красильщиков Г. Г., Троицкая Е. А. Оценка эффективности регионального управления методом Data Envelopment Analysis (на материалах Пермского края и регионов-конкурентов)..... 513

V. ЛОКАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики 533

CONTENTS

I. THEORIES OF PUBLIC ADMINISTRATION, SPATIAL AND REGIONAL ECONOMICS

- Baburina, N. A., Muravev, D. A. and Zakharova, K. A.** A systematic approach to classification of state financial support measures for small and medium-sized enterprises in the Russian Federation368
- Neroslov, A. D. and Pazdnikova, N. P.** Universalization of Russian regions budget risks assessment393

II. INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION AND ECONOMY

- Izmailova, M. A.** Implementation of ESG agenda using digital economy tools: Status and development prospects413
- Yakusheva, M. O. and Medvedev, S. O.** Product cost management effectiveness issues in the forestry industry: Information aspect436

III. HUMAN DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Gainanov, D. A., Migranova, L. I. and Saifullina, L. D.** Managing the behavior of individuals in the regional labor market: Approaches, models and prospects459
- Sadyrtdinov, R. R. and Ereemeeva, E. A.** Social stratification of households in rural Russia in the context of the COVID-19 pandemic481
- Bychkova, A. A.** Spatial migration assessment and forecasting taking into account transport specifics498

IV. PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY GOVERNANCE

- Krasilshchikov, G. G. and Troitskaya, E. A.** Assessment of regional governance efficiency using Data Envelopment Analysis (based on the materials of Perm Territory and competing regions).....513

V. LOCAL MANAGEMENT PRACTICES

- Kosygina, K. E. and Ukhanova, Yu. V.** Civic participation of the population in the context of municipal public policy implementation533

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо подать статью через сайт журнала <http://ars-administrandi.com> или направить ее на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи, лицензионный договор, согласие на обработку персональных данных.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале счита-

ется акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код (РИНЦ), AuthorID (РИНЦ), адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылаются авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Авторам» по адресу: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/guide>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакции могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Заместитель главного редактора – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-68-30, 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 368–392.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 368–392.

Научная статья

УДК 338.23

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-368-392>

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Алексеевна Бабурина¹✉, Данил Анатольевич Муравьев²,

Кристина Алексеевна Захарова³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ n.a.baburina@utmn.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

² d.a.muravev@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7462-207X>

³ kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Аннотация. Введение: значимость исследования обусловливается множественностью и многообразием практики применения мер государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, появлением ситуативных мер и смещением акцента на них в условиях турбулентности экономического развития на фоне пандемии COVID-19 и геополитических изменений. Все это снижает прозрачность условий получения финансовой поддержки для субъектов бизнеса и влияет на ее эффективность в связи с необходимостью постоянной смены фокуса государственного регулирования в нестабильной среде. **Цель:** систематизация разрозненных мер государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в единую классификацию для повышения их прозрачности, формирования комплексного понимания условий предоставления и тем самым доступности и эффективности применения. **Методы:** контент-анализ,

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

систематизация и классификация. **Результаты:** проведен качественный контент-анализ мер предоставления государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на основе реестров получателей, протоколов заседаний конкурсных комиссий, нормативно-правовых актов и иной официальной информации. Полученные данные систематизированы в виде базы данных, на основе которой осуществлена комплексная классификация мер государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства по четырнадцати признакам-основаниям. **Выводы:** предложенный системный и всесторонний подход к классификации рассматриваемых мер вносит вклад в развитие теоретико-методологического аппарата государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Полученная классификация может быть положена в основу развития нормативно-правового регулирования, разработки государственных программ и сервисов. Тем самым она будет способствовать улучшению адресности и результативности принимаемых управленческих решений по выделению финансовых ресурсов на развитие бизнеса, а также повышению прозрачности их применения.

Ключевые слова: государственное регулирование бизнеса, способы обеспечения стабильного развития бизнеса, группировка инструментов финансовой поддержки, инфраструктура поддержки, база данных, систематизация, контент-анализ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01690 «Системный подход к формированию и моделированию комплексной государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условия турбулентности политической и экономической ситуации», <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

Для цитирования: Бабурина Н. А., Муравьев Д. А., Захарова К. А. Системный подход к классификации мер государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 368–392. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-368-392>.

Original article

A SYSTEMATIC APPROACH TO CLASSIFICATION OF STATE FINANCIAL SUPPORT MEASURES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Natalia A. Baburina¹✉, Danil A. Muravev², Kristina A. Zakharova³

^{1, 2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russia

¹ n.a.baburina@utmn.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

² d.a.muravev@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7462-207X>

³ kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Abstract. Introduction: the importance of systematization and classification of state financial support measures for small and medium-sized enterprises is determined by the multiplicity and diversity of their practical application, as well as the emergence of situational measures and growing emphasis on them in the turbulent economy developing against the background of COVID-19 pandemic and geopolitical changes. All this reduces the transparency of conditions for obtaining financial support for businesses and affects its effectiveness due to the need to constantly change the focus of state regulation in an unstable environment. **Objectives:** systematization of disparate measures of state financial support for small and medium-sized

businesses into a single classification to increase their transparency and form a comprehensive understanding of provision requirements, accessibility and application effectiveness. **Methods:** qualitative content analysis, systematization and classification. **Results:** a qualitative content analysis of measures to provide state financial support to small and medium-sized businesses was carried out based on recipient registries, minutes of commissions meetings, regulatory legal acts and other official information. The obtained data was systematized in the form of a database, further used as a basis for a comprehensive classification of state financial support measures for small and medium-sized enterprises according to fourteen characteristics. **Conclusions:** the proposed systematic and comprehensive approach to the classification of the measures under consideration contributes to the development of theoretical and methodological apparatus of the state financial support for small and medium-sized business entities. The obtained classification can be used as a basis for developing legal regulation, state programs and services, thereby improving the targeting and effectiveness of management decisions on the allocation of financial resources for business development, as well as increasing the transparency of their application.

Keywords: state regulation of business, ways to ensure stable business development, grouping of financial support instruments, support infrastructure, database, systematization, content analysis

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01690 "A systematic approach to the formation and modeling of comprehensive state financial support for small and medium-sized businesses in the context of turbulent political and economic situations", <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

For citation: Baburina, N. A., Muravev, D. A. and Zakharova, K. A. (2024), "A systematic approach to classification of state financial support measures for small and medium-sized enterprises in the Russian Federation", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 368–392, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-368-392>.

ВВЕДЕНИЕ

Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) является одной из стратегических задач социально-экономической политики государства. Важность предоставления мер государственной финансовой поддержки субъектам МСП в контексте стимулирования создания организаций и обеспечения их устойчивости, регулирования их деятельности и помощи в кризисных условиях и тем самым обеспечения экономического развития, повышения уровня и качества жизни населения, проживающего на территории дислокации, отмечают как отечественные (Карпов и др., 2015; Сабитова и Хайруллова, 2017; Захарова и др., 2022; Захарова и Бабурина, 2023), так и зарубежные авторы (Reynolds, 2011; Indrika, 2021; Charfeddine and Zaouali, 2022). Необходимость такой поддержки обусловлена несколькими факторами: недостатком собственного капитала для развития бизнеса у субъектов МСП, барьерами банковского кредитования, в частности высокими процентными ставками, короткими сроками кредита и повышенными требованиями к залогу, высокой налоговой нагрузкой (Кравченко и Шевелева, 2019; Белокур и Цветкова, 2020) и пр. В последние

годы одной из определяющих детерминант дополнительно выступает волатильность макроэкономической конъюнктуры и чрезмерное воздействие на нее геополитических факторов.

Значимость мер государственной финансовой поддержки для развития субъектов МСП определяет потребность в систематизации категориально-понятийного аппарата для повышения транспарентности методологии и практики их предоставления и улучшения результативности применения. В настоящее время, несмотря на выработанный опыт предоставления мер финансовой поддержки субъектам МСП, отсутствует единый, унифицированный подход к их классификации.

На уровне нормативно-правового закрепления наблюдается отсутствие единообразия и комплексности дифференциации мер государственной финансовой поддержки. В частности, в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон о развитии МСП) определены формы, условия и порядок поддержки субъектов МСП¹. В соответствии с этим документом финансовая поддержка может осуществляться путем предоставления субсидий, бюджетных инвестиций, поручительств, независимых государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов МСП и организаций, образующих инфраструктуру их поддержки, обеспечения доступа субъектов МСП к закупкам крупнейших заказчиков. В свою очередь, в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки выделяются следующие виды мер финансовой поддержки субъектов МСП: предоставление гарантий и поручительств, финансовая аренда (лизинг), инвестиции в капитал, предоставление финансирования на возвратной основе, предоставление субсидий и грантов². В дополнение Единый реестр позволяет классифицировать меры финансовой поддержки в зависимости от категорий субъектов МСП (меры финансовой поддержки, предоставленные микро-, малым или средним предприятиям), видов получателей поддержки (меры финансовой поддержки, предоставленные юридическим лицам, самозанятым или индивидуальным предпринимателям), видов регламентирующих документов (меры финансовой поддержки, регламентированные нормативным правовым актом Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципальным правовым актом или решением органа управления организации).

Анализ отечественного поля научной литературы позволил выявить и ряд иных классификационных признаков. В частности, сравнительно подробную классификацию приводят С. П. Колчин и Н. Ю. Глубокова, разделяя меры финансовой поддержки в зависимости от направления (поддержка занятости, поддержка пострадавших отраслей и т. п.), метода (бюджетные, налоговые,

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12154854/> (дата обращения: 04.12.2023).

² Статистика [Электронный ресурс] // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. 2024. 15 февр. URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#statdate=15.02.2024> (дата обращения: 08.03.2024).

кредитные и административные), уровня власти (федеральные, региональные, местные), источника и срока (краткосрочные, долгосрочные) (Колчин и Глубокова, 2022). Н. И. Морозко и ее коллеги дополнительно дифференцируют меры поддержки на прямые (использование различных видов льготного кредитования, субсидирование части затрат и др.) и косвенные (предоставление поручительств (гарантий) по банковским кредитам) (Морозко и др., 2021).

Н. С. Пионткевич и Е. Г. Шеина выделяют в группе мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП неотложные (антикризисные) меры. Необходимость их предоставления, по мнению авторов, обусловлена «нестабильностью макроэкономических процессов и допущением неточностей в измерениях влияния факторов экономического роста субъектов хозяйствования» (Пионткевич и Шеина, 2021, с. 106). В частности, ученые обособляют следующие меры поддержки: беспроцентные кредиты на выплату заработной платы, кредиты на заработную плату под льготную ставку с возможностью списания и др.

Л. И. Ильина, Н. В. Ружанская, Ж. А. Аксенова определяют меры государственной поддержки в зависимости от стадии жизненного цикла объекта поддержки: становления, роста, спада. К примеру, на этапе становления авторами выделяются такие меры, как гранты на открытие бизнеса и финансовая поддержка социального предпринимательства, на этапе роста – преобладающее число существующих мер, на этапе спада – гранты на диверсификацию (Ильина и др., 2019).

Ряд авторов детерминируют меры государственной финансовой поддержки субъектов МСП по степени их востребованности хозяйствующими единицами. В частности, наиболее востребованными мерами поддержки выступают субсидии на открытие и развитие бизнеса начинающим предпринимателям, поручительства, займы на льготных условиях и т. п. (Адаменко и др., 2018; Головецкий и Гребеник, 2018). Другие исследователи смещают фокус внимания и идентифицируют наиболее востребованные меры государственной финансовой поддержки субъектов МСП как в региональном разрезе (Найденков и др., 2019; Степанова и др., 2019), так и в отраслевом (Степанова и др., 2019). Подобный учет позволяет наиболее точно определить специфику хозяйственной направленности территориальной единицы и оценить степень соответствия предоставляемых мер поддержки запросам локального предпринимательского сообщества.

Отдельные исследования посвящены практике предоставления государственной финансовой поддержки целевым группам хозяйствующих субъектов: начинающим (Газетов, 2018) и социальным предпринимателям (Клушина и Рощупкина, 2019), экспортно ориентированным организациям (Архипова и Иванова, 2019) и др.

Изучение нормативных правовых актов и исследований экономистов позволило выявить наличие плюрализма мнений и позиций по подводу систематизации мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП на фоне отсутствия комплексной классификации. В то же время проведенный анализ существующей практики предоставления этой государ-

ственной поддержки показал, что рассмотренный выше перечень классификационных оснований не является исчерпывающим и может быть дополнен иными признаками. Таким образом, целью настоящего исследования выступает систематизация и классификация существующих мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП в России для повышения прозрачности и формирования комплексного понимания условий их предоставления, а также принятия адекватных управленческих решений на микро- и макроуровнях.

Указанная цель достигается через последовательное решение следующих задач:

- 1) изучение мер государственной финансовой поддержки, предусмотренных действующим законодательством и описанных в исследованиях экономистов;
- 2) анализ современной практики применения мер государственной финансовой поддержки в регионах России;
- 3) систематизация разрозненных мер государственной финансовой поддержки в единую классификацию.

Новизна представленного исследования – в применении комплексного подхода к систематизации разрозненных практик предоставления государственных финансовых мер поддержки субъектам МСП в единую классификацию.

Системный и всесторонний подход к классификации рассматриваемых мер вносит вклад в развитие теоретико-методологического аппарата государственной финансовой поддержки субъектов МСП, может быть положен в основу разработки государственных программ и сервисов и тем самым способствовать улучшению адресности и результативности принимаемых управленческих решений по выделению финансовых ресурсов на развитие бизнеса.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования основана на проведении качественного контент-анализа официальных источников информации о мерах государственной финансовой поддержки субъектов МСП в регионах России.

Применение контент-анализа получило широкое распространение в общественных науках в контексте решения разнообразных прикладных задач. Тем не менее в экономической науке данный метод исследования ученые используют редко, поскольку его объектом, как правило, выступает исследование не количественных закономерностей, а массивов текстовых данных. В поле экономических исследований состояния и развития МСП контент-анализ применяется при выявлении практик устойчивого развития и критериев его эффективности (Malesios et al., 2021), при изучении мотивации выбора и внедрения системы управления предприятием (ERP) (Gessa et al., 2023), тенденций развития финтех-индустрии применительно к субъектам МСП (Verma et al., 2023) и склонности к экспортоориентированности

(İpek and Bıçakcıoğlu-Peynirci, 2020), при выявлении стейкхолдеров, оказывающих наиболее существенное влияние на цифровые платформы разных типов, и их интересов (Раменская, 2021) и пр.

Помимо всего прочего, принято различать количественный и качественный контент-анализ. Количественный ориентирован на регистрацию определенных показателей, выраженных в некоторых измерителях, имеющих значимость для исследователя, и дальнейшую интерпретацию выявленных закономерностей. В свою очередь, качественный контент-анализ направлен на глубокую проработку массивов текстовых данных с целью выявления определенных смысловых связей (Олейник, 2009).

В настоящем исследовании был проведен качественный контент-анализ реестров субъектов МСП – получателей государственной финансовой поддержки, протоколов заседаний конкурсных комиссий по предоставлению финансовой поддержки субъектам МСП, опубликованных на сайтах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП, нормативно-правовых актов и иной официальной информации.

Исследование включало три этапа:

1) вычленение из реестров и (или) протоколов информации о мерах государственной финансовой поддержки субъектов МСП, предоставляемых (как в ретроспективе, так и в настоящее время) в субъектах Российской Федерации, и (при наличии) суммах поддержки за период, доступный к рассмотрению в официальных источниках (на официальных сайтах некоторых субъектов Российской Федерации данная информация представлена начиная с 2008 года). Сбор данных производился вручную, без использования компьютерных программ, с тем чтобы исключить пропуск уникальных мер поддержки, предоставляемых лишь в нескольких регионах страны;

2) на основании собранного массива как текстовой, так и стоимостной информации формирование базы данных методом агрегирования в виде ретроспективных и существующих мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП и рядов (как разрывных, так и неразрывных) статистических данных, определяющих суммы полученной поддержки;

3) с опорой на сформированную базу данных группировка мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП по различным классификационным основаниям.

В целях комплексной визуализации меры государственной финансовой поддержки сведены в единую классификационную таблицу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании анализа ретроспективного и существующего опыта предоставления субъектам МСП в регионах России мер государственной финансовой поддержки была произведена их группировка с выделением классификационных признаков (таб.).

Таблица / Table

**Классификация мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП в России /
Classification of state financial support measures for small and medium-sized businesses in Russia**

Классификационный признак	Вид
1. По видам получателей	1.1. Меры финансовой поддержки хозяйственных обществ. 1.2. Меры финансовой поддержки хозяйственных товариществ. 1.3. Меры финансовой поддержки хозяйственных партнерств. 1.4. Меры финансовой поддержки производственных кооперативов. 1.5. Меры финансовой поддержки потребительских кооперативов. 1.6. Меры финансовой поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств. 1.7. Меры финансовой поддержки индивидуальных предпринимателей. 1.8. Меры финансовой поддержки физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». 1.9. Меры финансовой поддержки семейных (родовых) и территориально-соседских общин малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России
2. По категории субъектов МСП	2.1. Меры финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства: 2.1.1 меры финансовой поддержки микропредприятий. 2.2. Меры финансовой поддержки субъектов среднего предпринимательства
3. По способу предоставления	3.1. Меры прямой финансовой поддержки, источником для предоставления которых выступает: 3.1.1 федеральный бюджет; 3.1.2 бюджет субъекта Российской Федерации; 3.1.3 местный бюджет. 3.2. Меры косвенной финансовой поддержки

Классификационный признак	Вид
4. По виду финансовой поддержки	4.1. Субсидии. 4.2. Бюджетные инвестиции. 4.3. Поручительства. 4.4. Независимые гарантии. 4.5. Обеспечение доступа субъектов МСП к закупкам крупнейших заказчиков. 4.6. Финансовая аренда (лизинг). 4.7. Инвестиции в капитал. 4.8. Финансирование на возвратной основе. 4.9. Гранты. 4.10. Частичное возмещение затрат. 4.11. Субвенции. 4.12. Меры налоговой поддержки. 4.13. Страхование и квазистраховые меры и иные меры
5. По отраслевой принадлежности получателей	5.1. Меры финансовой поддержки субъектов МСП в сфере образования. 5.2. Меры финансовой поддержки субъектов МСП в области инноваций и промышленного производства. 5.3. Меры финансовой поддержки субъектов МСП в области ремесленной деятельности. 5.4. Меры финансовой поддержки субъектов МСП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность. 5.5. Меры финансовой поддержки субъектов МСП, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства. 5.6. Меры финансовой поддержки субъектов МСП, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность. 5.7. Меры финансовой поддержки субъектов МСП, осуществляющих иные виды экономической деятельности, не относящиеся к подпунктам 1–6 настоящего пункта

Классификационный признак	Вид
6. По разделу Особенной части финансового права, регламентирующей представление мер финансовой поддержки	6.1. Меры финансовой поддержки, регламентированные бюджетным правом. 6.2. Меры финансовой поддержки, регламентированные нормами, регулирующими организационные процессы по аккумулированию средств государственных внебюджетных фондов. 6.3. Меры финансовой поддержки, регламентированные нормами, регулирующими экономические отношения в сфере государственного и муниципального кредита. 6.4. Меры финансовой поддержки, регламентированные банковским правом. 6.5. Меры финансовой поддержки, регламентированные инвестиционным правом. 6.6. Меры финансовой поддержки, регламентированные страховым правом. 6.7. Меры финансовой поддержки, регламентированные налоговым правом. 6.8. Меры финансовой поддержки, регламентированные институциональной основой хозяйственных финансов
7. По полноте предоставления	7.1. Точечные меры финансовой поддержки. 7.2. Меры финансовой поддержки, дополняющие точечные меры. 7.3. Комплексные меры финансовой поддержки: 7.3.1 меры финансовой поддержки субъектов МСП, входящих в реестр участников региональных инвестиционных проектов; 7.3.2 меры финансовой поддержки субъектов МСП, заключивших специальный инвестиционный контракт; 7.3.3 меры финансовой поддержки субъектов МСП, являющихся резидентами территории опережающего развития; 7.3.4 меры финансовой поддержки субъектов МСП, являющихся резидентами особой экономической зоны; 7.3.5 меры финансовой поддержки субъектов МСП, являющихся резидентами Арктической зоны Российской Федерации; 7.3.6 меры финансовой поддержки субъектов МСП, являющихся резидентами свободного порта Владивосток; 7.3.7 меры финансовой поддержки субъектов МСП, использующих объекты инфраструктуры, находящиеся в составе индустриального (промышленного) парка, промышленного технопарка, технопарка в сфере высоких технологий; 7.3.8 меры финансовой поддержки промышленных кластеров

Классификационный признак	Вид
8. По характеру предоставления мер	8.1. Единовременные меры финансовой поддержки. 8.2. Меры финансовой поддержки, предоставляемой траншами: 8.2.1 краткосрочные; 8.2.2 среднесрочные; 8.3.3 долгосрочные
9. По характеру состоятельности	9.1. Меры финансовой поддержки, носящие заявительный (состязательный) характер. 9.2. Меры финансовой поддержки, носящие беззаявительный характер
10. По фазе экономического цикла	10.1. Проциклические меры финансовой поддержки. 10.2. Контрциклические меры финансовой поддержки. 10.3. Ациклические меры финансовой поддержки
11. По фазе жизненного цикла объекта поддержки	11.1. Меры финансовой поддержки, предоставляемые преимущественно на стадиях возникновения и становления объекта поддержки. 11.2. Меры финансовой поддержки, предоставляемые преимущественно на стадиях развития и зрелости объекта поддержки. 11.3. Меры финансовой поддержки, предоставляемые преимущественно на стадии спада объекта поддержки
12. По методам государственного регулирования экономики	12.1. Административные меры финансовой поддержки. 12.2. Финансово-экономические меры финансовой поддержки
13. По широте охвата	13.1. Общераспространенные меры финансовой поддержки. 13.2. Локальные меры финансовой поддержки
14. По системности предоставления	14.1. Меры финансовой поддержки, предоставляемые на постоянной (частично постоянной) основе, системные меры. 14.2. Меры финансовой поддержки, предоставление которых опосредовано влиянием событий непреодолимой силы, ситуационные меры

Источник: разработано и составлено авторами.

Рассмотрим более подробно каждый из классификационных признаков и виды мер с акцентом на практику применения в регионах России.

Разделение мер государственной финансовой поддержки **по видам получателей** первоначально исходит из пункта 1 статьи 4 Закона о развитии МСП (в части подпунктов 1–7 пункта 1 классификации). Тем не менее в данную классификационную группу намеренно были включены и меры финансовой поддержки физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», и меры финансовой поддержки семейных (родовых) и территориально-соседских общин малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Причин для включения этих мер несколько. В частности, с принятием Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»³ физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и применяющие такой налоговый режим, вправе обратиться за оказанием им финансовой (или иной) поддержки, о чем свидетельствует статья 14 Закона о развитии МСП. Помимо этого, результаты анализа практики предоставления мер государственной финансовой поддержки в субъектах Российской Федерации демонстрируют, что претендовать на получение указанных мер могут семейные (родовые) и территориально-соседские общины малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, осуществляющие традиционную хозяйственную деятельность и занимающиеся традиционными промыслами. Например, в Булунском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) получателями субсидии на развитие северного домашнего оленеводства наравне с хозяйственными обществами и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами являются кочевые родовые общины коренных малочисленных народов Севера – эвенков⁴, а в Мурманской области предусмотрены субсидии, выгодополучателями по которым являются только общины коренных малочисленных народов Севера⁵.

Классификация мер государственной финансовой поддержки в зависимости **от категории субъектов МСП** является классической и проистекает из содержания пункта 3 статьи 4 Закона о развитии МСП. Субъекты МСП, получатели поддержки, категориально делятся на микро-, малые и сред-

³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/72113648/> (дата обращения: 04.12.2023).

⁴ О внесении изменений в распоряжение главы МО «Булунский улус (район)» от 21 марта 2022 г. № 97-р «О предоставлении из бюджета муниципального образования “Булунский улус (район)” субсидии на развитие северного домашнего оленеводства на 2022 год» [Электронный ресурс]: Распоряжение исполняющего обязанности главы муницип. образования «Булунский улус (район)» от 25.03.2022 № 124-р. URL: <https://мойбизнес14.рф/wp-content/uploads/2022/04/Rasporuyazhenie-124-r-ot-25.03.2022g.-po-predostavleniyu-subsidii-oleni-2022.docx.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).

⁵ Об утверждении Порядка предоставления субсидии из областного бюджета общинам коренных малочисленных народов Севера Мурманской области [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Мурман. обл. от 09.07.2020 № 499-ПП. URL: <https://base.garant.ru/16908659/> (дата обращения: 04.12.2023).

ние предприятия в зависимости от критерия среднесписочной численности работников и дохода.

В соответствии *со способом предоставления финансовых ресурсов* меры государственной финансовой поддержки подразделяются на прямые и косвенные. Первые – это меры финансовой поддержки, источником финансовых ресурсов для предоставления которых выступает бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации. Следуя данному определению, меры прямой финансовой поддержки, в свою очередь, можно подразделить на меры финансовой поддержки, источником для предоставления которых выступает федеральный бюджет, бюджет субъекта Российской Федерации или местный бюджет. Меры косвенной финансовой поддержки субъектов МСП оказываются за счет финансовых ресурсов коммерческих и некоммерческих организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП. Наиболее распространены в отечественной практике такие виды косвенной финансовой поддержки, как предоставление льготных лизинговых условий, поручительств, независимых гарантий, финансирование на возвратной основе. Таким образом, смысл разделения мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП на прямые и косвенные заключается в направлении потока финансовых ресурсов: напрямую из бюджета соответствующего уровня или через организации инфраструктуры поддержки субъектов МСП (рис.).

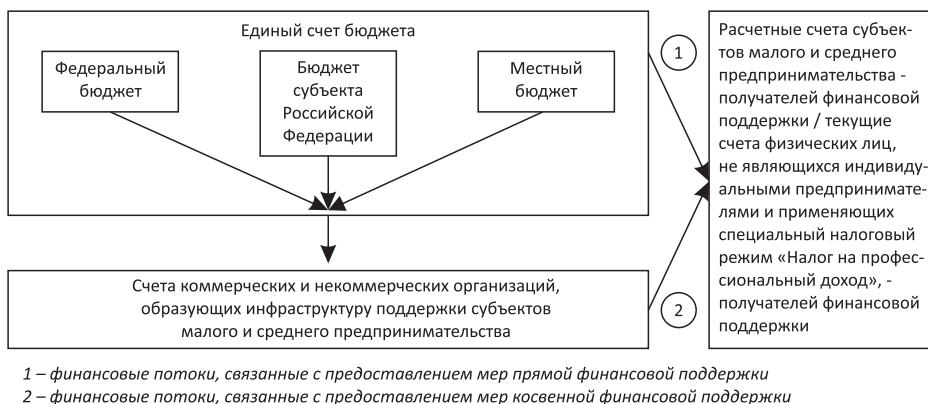

Рис. Финансовые потоки, связанные с предоставлением мер прямой и косвенной финансовой поддержки субъектам МСП / Fig. Financial flows related to the provision of direct and indirect financial support measures to SMEs

Источник: разработано и составлено авторами.

Наиболее крупной классификационной группой является разделение мер государственной финансовой поддержки *в зависимости от ее вида*. В дополнение к мерам, предусмотренным Законом о развитии МСП и представленным в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки, в российской практике нашли свое применение частичное возмещение затрат, субвенции, страхование и квазистраховые меры

и ряд иных. В отдельный комплексный вид выделены меры налоговой поддержки.

Частичное возмещение затрат, как правило, предоставляют организации инфраструктуры поддержки субъектов МСП. Оно подразумевает совместное участие субъекта МСП и организации инфраструктуры в оплате стоимости тех или иных работ или услуг. Процентное соотношение в разделении стоимости может быть различным в зависимости от субъекта Российской Федерации и типа выполняемой работы или оказываемой услуги. Кроме того, одни и те же работы или услуги в одних регионах могут предоставляться на безвозмездной основе, в других – на условиях софинансирования. Например, услуга по содействию в размещении на электронных торговых площадках (маркетплейсах) в Курганской области является бесплатной⁶, а в Новосибирской области оказывается на условиях софинансирования (АНО «Центр содействия развитию предпринимательства Новосибирской области» оплачивает 60 % от стоимости услуги, но не более 50 тыс. рублей)⁷.

Иным видом финансовой поддержки субъектов МСП являются меры, в основе которых лежит страховой механизм перераспределения. Такого рода услуги оказывают, например, АНО «Южный региональный центр поддержки экспорта» (Республика Крым), которая компенсирует экспортеру часть стоимости экспортируемого товара в случае, если импортер вовремя не оплачивает товар (поставку)⁸, и АО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций», которое осуществляет страхование отсрочки платежа, подразумевающее страхование от ненадлежащего исполнения должником его обязательств по погашению застрахованной задолженности⁹.

В самостоятельную группу видов финансовой поддержки субъектов МСП выделены меры налоговой поддержки, среди которых наибольшее распространение получили две: продление сроков уплаты налогов (страховых взносов) на определенное количество налоговых (расчетных) или отчетных периодов и понижение налоговых ставок и тарифов страховых взносов. Возможны и иные, более узкоспециализированные меры налоговой поддержки – например, изменение порядка расчета пеней или увеличение порога для признания сделок контролируемыми.

Отметим, что в отечественной практике предоставляются и такие виды финансовой поддержки субъектов МСП, как обслуживание дебиторской задолженности (факторинг) на льготных условиях, реструктуризация и рефи-

⁶ Размещение на электронных торговых площадках [Электронный ресурс] // Сайт фонда «Инвестиционное агентство Курганской области». URL: <https://мойбизнес45.рф/support/razmeshchenie-na-elektronnyh-torgovyh-ploshhakah/> (дата обращения: 21.02.2024).

⁷ Размещение на маркетплейсах [Электронный ресурс] // Портал центра «Мой бизнес» (АНО «Центр содействия развитию предпринимательства Новосибирской области»). URL: <https://mbnso.ru/support/prodvizhenie/razmeshchenie-na-marketpleysakh/> (дата обращения: 21.02.2024).

⁸ Финансовая поддержка [Электронный ресурс] // Инвестиц. портал Респ. Крым. URL: https://invest-in-crimea.ru/node/1315/minfin.rk.gov.ru/ru/structure/2021_05_13_16_09_2021 (дата обращения: 04.12.2023).

⁹ Акционерное общество «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» [Электронный ресурс] // ЭКСАР: Группа российского экспортного центра: офиц. сайт. URL: <https://www.exiar.ru/about/general-information/> (дата обращения: 04.12.2023).

нансирование задолженности, снижение ставки вознаграждения при получении поручительства или независимой гарантии.

Разделение мер **по отраслевой принадлежности получателей** финансовой поддержки в первую очередь обусловлено выделением соответствующих отраслей статьями 21–25 Закона о развитии МСП. Например, иллюстрацией меры финансовой поддержки субъектов МСП в сфере образования является частичная компенсация затрат, связанных с созданием и (или) развитием дошкольных образовательных центров, которые осуществляют образовательную деятельность по программам дошкольного образования, а также присмотр и уход за детьми в соответствии с российским законодательством¹⁰; в области ремесленной деятельности – субсидии на поддержку субъектов МСП, осуществляющих деятельность в области ремесел, народных художественных промыслов¹¹; в сфере социального предпринимательства – гранты социальным предприятиям¹².

Классификация мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП **в зависимости от раздела Особенной части финансового права**, регламентирующей предоставление соответствующих мер, вытекает из нормативно-правового закрепления предоставления тех или иных мер. Безусловно, одна мера финансовой поддержки может регулироваться несколькими разделами Особенной части финансового права. Например, освобождение от уплаты подлежащего зачислению в федеральный бюджет налога на прибыль организаций, являющихся резидентами территорий опережающего развития, регламентируется Налоговым кодексом Российской Федерации¹³ (пп. 7 п. 6 классификации), Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»¹⁴ и рядом иных нормативных правовых актов (пп. 8 п. 6 классификации).

Деление мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП **по критерию полноты предоставления** позволяет дифференцировать их на точечные меры, меры финансовой поддержки, их дополняющие, и комплексные меры финансовой поддержки. Большинство мер государственной финансовой поддержки в отечественной практике характеризуются

¹⁰ Конкурсы [Электронный ресурс] // Малый бизнес Подмосковья: портал поддержки малого бизнеса Подмосковья (Моск. обл.). URL: <https://mb.mosreg.ru/content/Конкурсы/all/40> (дата обращения: 05.12.2023).

¹¹ Реестр мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Архангельской области в 2017 году, оказываемых органами государственной власти и муниципальными образованиями [Электронный ресурс] // Корпоратив. портал ОГВ Арханг. обл. URL: <https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/7ac/iogv.mo.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

¹² О реализации мероприятия по предоставлению грантов социальным предприятиям и молодым предпринимателям [Электронный ресурс]: письмо М-ва экон. развития Рос. Федерации от 27.09.2022 № 36505-ТИ/Д13и. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405863487/> (дата обращения: 08.03.2024).

¹³ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: Федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ. Ст. 284.4. URL: <https://base.garant.ru/10900200/a9a754f9362cc6d913de8ff6886b8c4c/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁴ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70831204/> (дата обращения: 08.03.2024).

как точечные и предоставляются независимо от статуса (резидентства) их получателей. Ряд мер дополняют точечные и чаще всего предоставляются на безвозмездной основе субъектам МСП, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность. Тем не менее их получение так или иначе опосредовано движением финансовых ресурсов, связанным с предоставлением точечных мер. Например, в Тульской области при получении базовой услуги по содействию в поиске и подборе иностранного покупателя дополнительными по отношению к ней являются услуги по формированию или актуализации коммерческого предложения субъектов МСП, услуги по пересылке пробной продукции субъектов МСП потенциальным иностранным покупателям¹⁵. Комплексные меры государственной финансовой поддержки субъектов МСП – это меры, предоставляемые совокупно в зависимости от особенностей институционального статуса хозяйствующего субъекта (включен в реестр участников региональных инвестиционных проектов, является резидентом территории опережающего развития, особой экономической зоны и т. п. в соответствии с пунктом 7 классификации). В данном случае субъекты МСП, как правило, имеют возможность получить спектр мер государственной финансовой поддержки: субсидии, меры налоговой поддержки и т. д.

По характеру предоставления финансовой поддержки меры можно подразделить на единовременные и меры финансовой поддержки, предоставляемой траншами. Превалирующее количество фактов выделения денежных средств характеризуется как единовременные меры. Если же конкурсная комиссия принимает решение предоставить финансовые ресурсы частями, то, соответственно, подобную меру можно охарактеризовать с позиции временного горизонта как краткосрочную (до одного года), среднесрочную (от одного года до пяти лет) и долгосрочную (свыше пяти лет).

По характеру состязательности меры финансовой поддержки субъектов МСП подразделяются на меры финансовой поддержки, носящие заявительный (состязательный) или беззаявительный характер. В подавляющем большинстве случаев эти меры требуют подачи документов, установленных соответствующими нормативными правовыми актами, для подтверждения права на получение поддержки и носят состязательный характер. К мерам поддержки, не носящим такого характера, как правило, относятся меры налоговой поддержки, распространяющиеся на всех субъектов МСП автоматически. Предоставлению мер финансовой поддержки, не носящих заявительного характера, тоже может предшествовать этап подтверждения статуса получателя поддержки, однако состязательности в подобных отношениях нет.

С позиции макроэкономической теории предоставление мер финансовой поддержки субъектам МСП учащается (как по суммам поддержки, так и по спектру мер) на фазе спада делового экономического цикла и становится менее активным в период подъема. Следовательно, по характеру движения кривой фактического ВВП (ВРП, ВМП) относительно тренда потенци-

¹⁵ Комплексная услуга «Поиск и подбор иностранного покупателя» [Электронный ресурс] // Гос. информ. система пром-сти. URL: <https://portfolio.gisp.gov.ru/nmp/measure/12447791> (дата обращения: 08.03.2024).

ального уровня совокупного выпуска (*по фазе экономического цикла*) меры государственной финансовой поддержки можно подразделить на проциклические, контрциклические и ациклические. Проциклические меры финансовой поддержки субъектов МСП – это меры финансовой поддержки, объем предоставления которых уменьшается (увеличивается) параллельно снижению (росту) ВВП. Контрциклические – это меры финансовой поддержки, объем предоставления которых уменьшается (увеличивается) параллельно росту (снижению) ВВП. Наконец, ациклические – это меры финансовой поддержки, объем предоставления которых не зависит от характера динамики фактического ВВП относительно тренда потенциального.

Дифференциация мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП возможна и в зависимости *от фазы жизненного цикла объекта поддержки*. В этом случае они подразделяются на меры финансовой поддержки, предоставляемые преимущественно на стадиях возникновения и становления объекта поддержки, на стадиях развития и зрелости и на стадии спада. К первым относятся гранты для молодых предпринимателей и гранты в форме субсидий гражданам, впервые зарегистрированным в качестве налогоплательщиков налога на профессиональный доход. К мерам финансовой поддержки, предоставляемым преимущественно на стадиях развития и зрелости объекта поддержки, как отмечалось ранее, возможно отнести подавляющую часть существующих мер. В качестве иллюстрации меры финансовой поддержки, предоставляемой преимущественно на стадии спада объекта поддержки, можно привести возмещение части затрат на разработку программы (технического решения, проекта, плана) модернизации (развития, технического перевооружения, изменения технологических процессов, цифровизации) производства.

Оказание мер финансовой поддержки – это один *из методов государственного регулирования экономики*. Таким образом, в соответствии с положениями экономической теории меры могут быть подразделены на административные и финансово-экономические. В основе административных мер финансовой поддержки субъектов МСП лежат административные методы государственного регулирования экономики: запреты, разрешения, принуждение. Примерами таких мер являются моратории на налоговые санкции за непредоставление документов, обеспечение доступа субъектов МСП к закупкам крупнейших заказчиков. В свою очередь, финансово-экономические меры финансовой поддержки субъектов МСП – это меры, основанные на экономических методах государственного регулирования экономики. К подобным мерам относятся меры налоговой поддержки и иные меры, предусматривающие движение финансовых ресурсов от одного экономического агента к другому. Последнее и определяет их отличие от административных мер.

По широте охвата меры государственной финансовой поддержки могут быть подразделены на общераспространенные и локальные. К первым относятся меры, на предоставление которых не влияют экономико-географические особенности территории осуществления хозяйственной деятельности субъектом МСП. Примерами подобных мер являются предоставление займов, поручительств, независимых гарантий и др. Локальные меры финансовой под-

держки субъектов МСП, напротив, связаны с экономико-географическими особенностями территории осуществления хозяйственной деятельности субъектом МСП. Таковы, например, субсидии на развитие чаеводства, предоставляемые в Краснодарском крае¹⁶, или субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям (кроме граждан, ведущих личное подсобное хозяйство) на проведение мероприятий в области известкования кислых почв на пашне в Ростовской области¹⁷.

Разделение мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП **по системности применения** на системные и ситуационные меры обусловлено возникновением некоторых форс-мажорных обстоятельств, непосредственно оказывающих влияние на хозяйственную деятельность экономических субъектов. Так, к мерам, предоставление которых опосредовано влиянием событий непреодолимой силы, можно отнести все меры, связанные с поддержкой субъектов МСП в период распространения пандемии COVID-19 в 2020–2021 годах. Кроме того, к подобным видам финансовой поддержки причисляются и субсидии на возмещение части затрат по предупреждению (или) ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в сельском хозяйстве (в частности, на оплату услуг по борьбе с саранчовыми вредителями в Волгоградской области¹⁸).

Резюмируя, можно отметить, что уникальность проведенного посредством контент-анализа исследования заключается, во-первых, в систематизации практики предоставления мер государственной финансовой поддержки субъектам МСП и их классификации как по существующим, так и по принципиально новым признакам. Во-вторых, полученные в рамках контент-анализа результаты не ограничиваются лишь выведением классификационных признаков и в дальнейшем могут быть применены, например, при построении тепловых карт, изучении соответствия существующих мер запросам бизнес-сообщества и органов управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ опыта предоставления мер государственной финансовой поддержки субъектам МСП позволил не только систематизировать существующую практику и выделить ряд классификационных признаков, но и выявить ряд проблем.

¹⁶ *Субсидии* [Электронный ресурс] // Малый бизнес Кубани: офиц. портал МСП на Кубани. URL: <https://mbkuban.ru/financial-support/subsidies/> (дата обращения: 05.12.2023).

¹⁷ *Об утверждении* Административного регламента предоставления государственной услуги «Предоставление субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям (кроме граждан, ведущих личное подсобное хозяйство) на проведение гидромелиоративных, культуртехнических, агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий, а также мероприятий в области известкования кислых почв на пашне [Электронный ресурс]: Постановление М-ва сел. хоз-ва и продовольствия Ростов. обл. от 30.06.2022 № 46. URL: https://pravo.donland.ru/doc/view/id/Постановление_46_15072022_31581/ (дата обращения: 05.12.2023).

¹⁸ *Субсидии на возмещение части затрат по предупреждению и (или) ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в сельском хозяйстве (саранча)* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Ком. сел. хоз-ва Волгоград. обл. URL: <https://ksh.volgograd.ru/apk/locut/> (дата обращения: 05.12.2023).

Во-первых, приведенный как в Законе о развитии МСП, так и в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки перечень видов финансовой поддержки является ограниченным по сравнению с комплексом мер, предоставляемых на практике в субъектах Российской Федерации.

Во-вторых, информация о мерах финансовой поддержки, представленная на официальных сайтах органов исполнительной власти, в том числе субъектов Российской Федерации, местных администраций, организаций инфраструктуры поддержки субъектов МСП, крайне дезагрегирована и диффузно распределена от сайта к сайту, а кроме того, может дублироваться, что создает информационный шум. Отсутствует единая всероссийская платформа, агрегирующая в себе все меры поддержки (не только финансовой), которые доступны предпринимательскому сектору (несмотря на наличие Цифровой платформы МСП.РФ, Государственной информационной системы промышленности и иных сайтов-платформ, которые не лишены недостатков).

В-третьих, в ряде регионов отсутствует заинтересованность в принятии управленческих решений, нацеленных на построение доступных для бизнес-сообщества интеллектуальных систем, ориентированных на предоставление комплексной информации о формах поддержки субъектов МСП. Хотя в результате анализа установлено, что в некоторых субъектах Российской Федерации (например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре¹⁹, Санкт-Петербурге²⁰, Вологодской области²¹) созданы хорошие системы, агрегирующие необходимую информацию.

Усложнение форм экономических отношений, усиление процессов глобализации порождают новые способы взаимодействия государства и бизнеса, в том числе по вопросам предоставления тех или иных форм поддержки. По этой причине систематизация существующих мер государственной финансовой поддержки субъектов МСП в России является актуальной и значимой, поскольку снижает фактор неопределенности и способствует повышению прозрачности. Тем не менее в сложившейся турбулентной экономической конъюнктуре мы не исключаем появления иных видов финансовой поддержки и, следовательно, качественно других классификационных признаков. Таким образом, практическая ценность настоящей работы заключается в том, что она может стать методологическим фундаментом для коррекции нормативных правовых актов и разработки интеллектуальных информационных систем, предоставляющих актуальные сведения о доступных мерах финансовой (и иной) поддержки субъектов МСП, и тем самым позволит повысить их транспарентность.

¹⁹ Меры поддержки [Электронный ресурс] // Портал малого и среднего предпринимательства Югры. URL: <https://бизнесюгры.рф/support> (дата обращения: 30.12.2023).

²⁰ Навигатор по мерам поддержки бизнеса в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Сайт Ком. по экон. политике и стратег. планированию Санкт-Петербурга. URL: https://navigator.cedipt.gov.spb.ru/meri?di_name=Информационн (дата обращения: 30.12.2023).

²¹ Региональные меры поддержки [Электронный ресурс] // Сайт Агентства развития предпринимательства Вологод. обл. URL: <https://mb35.ru/mpb/find/?b=u&SD=57&OF=&RB=&NP=&S=> (дата обращения: 30.12.2023).

Список источников

Адаменко А. А., Петров Д. В., Стадник А. И. Виды и формы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в России // Вестник Академии знаний. 2018. № 5. С. 10–14.

Архипова В. А., Иванова А. А. Совершенствование системы государственной поддержки экспортно ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2019. № 4. С. 1–12. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2019/4/1/> (дата обращения: 13.03.2024).

Белокур О. С., Цветкова Г. С. Ограничения развития предпринимательства в провинциальном регионе: результаты полевого исследования // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 12. С. 3043–3058. <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111440>.

Газетов А. Н. Стимулирование развития молодежного (начинающего) предпринимательства в системе поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 49–61. https://doi.org/10.12737/art_2018_12_5.

Головецкий Н. Я., Гребеник В. В., Кохановская И. И. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России на федеральном и региональном уровнях // Вестник университета. 2018. № 12. С. 71–76. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-71-76>.

Захарова К. А., Актаев Н. Е., Пургина А. Д. Влияние финансов малого и среднего бизнеса на уровень экономического благосостояния региона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183>.

Захарова К. А., Бабурина Н. А. Развитие организаций малого и среднего предпринимательства в регионах России: кластерный анализ с учетом экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 4. С. 109–130. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.6>.

Ильина Л. И., Ружанская Н. В., Аксенова Ж. А. Совершенствование механизма государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на региональном и муниципальном уровнях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 1А. С. 385–395. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.80.1.039>.

Карнов В. В., Кораблева А. А., Мозжерина Н. Т. Анализ и совершенствование механизма государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 8. С. 38–49.

Клушина Н. П., Рошупкина В. В. Приоритеты финансового сопровождения социального предпринимательства: российская ситуация // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6–2. С. 46–51. <https://doi.org/10.17513/vaael.612>.

Колчин С. П., Глубокова Н. Ю. Классификация мер финансовой поддержки в период чрезвычайной ситуации // Экономика и управления: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 5. С. 119–125. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.018>.

Кравченко Е. Н., Шевелева Н. Е. К вопросу об эффективности финансирования малых предприятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4–2. С. 210–216. <https://doi.org/10.17513/vaael.430>.

Морозко Нат. И., Морозко Н. И., Диденко В. Ю. Финансовые и нефинансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на 2021 год и среднесрочную перспективу // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 1. С. 31–40. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>.

Найденков В. И., Мартынович В. И., Миронов М. Г. Малое и среднее предпринимательство Саратовской области: показатели развития и формы государственной поддержки // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 5. С. 67–71.

Олейник А. Н. Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 65–79.

Пионткевич Н. С., Шеина Е. Г. Финансовые аспекты обеспечения устойчивого развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях новых вызовов // Journal of New Economy. 2021. Т. 22, № 1. С. 105–130. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-1-6>.

Раменская Л. А. Взаимодействие цифровых платформ с ключевыми заинтересованными сторонами: контент-анализ // Управленец. 2021. Т. 12, № 5. С. 96–106. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-5-7>.

Сабитова Н. М., Хайруллова А. И. Развитие альтернативных инструментов финансирования малого и среднего бизнеса // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, № 44. С. 2631–2645. <https://doi.org/10.24891/fc.23.44.2631>.

Степанова Э. В., Рожкова А. В., Далисова Н. А. Региональная поддержка малого и среднего бизнеса в АПК Красноярского края // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 56–65.

Charfeddine L., Zaouali S. The effects of financial inclusion and the business environment in spurring the creation of early-stage firms and supporting established firms // Journal of Business Research. 2022. Vol. 143. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.014>.

Gessa A., Jim'enez A., Sancha P. Exploring ERP systems adoption in challenging times. Insights of SMEs stories // Technological Forecasting & Social Change. 2023. Vol. 195. Art. № 122795. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122795>.

Indrika R. Features of state financial support to the small business sector in the Republic of Latvia // Taikomieji tyrimai studijose ir praktikoje – Applied Research in Studies and Practice. 2021. Vol. 8, № 17. P. 5–12.

İpek I., Bıçakcıoğlu-Peynirci N. Export market orientation: An integrative review and directions for future research // International Business Review. 2020. Vol. 29, № 4. Art. № 101659. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2019.101659>.

Malesios C., De D., Moursellas A. et al. Sustainability performance analysis of small and medium sized enterprises: Criteria, methods and framework // Socio-Economic Planning Sciences. 2021. Vol. 75. Art. № 100993. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100993>.

Reynolds P. D. Informal and early formal financial support in the business creation process: Exploration with PSED II data set // Journal of Small Business Management. 2011. Vol. 49, № 1. P. 27–54. <https://doi.org/10.1111/j.1540-627X.2010.00313.x>.

Verma S., Shome S., Hassan M. K. FinTech in small and medium enterprises (SMEs): A review and future research agenda // *European Management Journal*. 2023. Vol. 41, № 6. P. 950–22971. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2023.07.003>.

Інформація об авторах

Н. А. Бабурина – кандидат економічних наук, доцент, доцент кафедри економіки і фінансів ФГАОУ ВО «Тюменський державний університет», 625003, Росія, г. Тюмень, ул. Володарського, 6

SPIN-код (РИНЦ): 9074-0551

AuthorID (РИНЦ): 249876

Web of Science ResearcherID: O-7993-2016

Scopus Author ID: 57200753581

Д. А. Муравьев – лаборант-дослідник кафедри економіки і фінансів ФГАОУ ВО «Тюменський державний університет», 625003, Росія, г. Тюмень, ул. Володарського, 6

SPIN-код (РИНЦ): 7093-9190

AuthorID (РИНЦ): 1227894

К. А. Захарова – кандидат економічних наук, доцент, ведучий науковий співробітник, завідувач кафедри економіки і фінансів ФГАОУ ВО «Тюменський державний університет», 625003, Росія, г. Тюмень, ул. Володарського, 6

SPIN-код (РИНЦ): 4912-0477

AuthorID (РИНЦ): 768881

Web of Science ResearcherID: B-8096-2016

Scopus Author ID: 57118103100

Вклад авторів: всі автори зробили еквівалентний вклад у підготовку публікації.

Автори заявляють про відсутність конфлікту інтересів.

Стаття поступила в редакцію 25.03.2024; одобрена після рецензування 14.05.2024; прийнята до публікації 14.05.2024.

References

Adamenko, A. A., Petrov, D. V. and Stadnik, A. I. (2018), "Types and forms of state support of subjects small business in Russia", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 5, pp. 10–14.

Arkhipova, V. A. and Ivanova, A. A. (2019), "Improving the system of state support for export oriented small and medium enterprises in the Russian Federation", *Oeconomia et Jus*, no. 4, pp. 1–12 [Online], available at: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2019/4/1/> (Assessed Mar. 13, 2024).

Belokur, O. S. and Tsvetkova, G. S. (2020), "Entrepreneurship development restraints in the provincial region: Field study results", *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 10, no. 12, pp. 3043–3058, <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111440>.

Gazetov, A. N. (2018), "Stimulating youth (startup) entrepreneurship development in the system of support for small and medium-sized enterprises in the Russian Federation", *Journal of Russian Law*, no. 12, pp. 49–61, https://doi.org/10.12737/art_2018_12_5.

Golovetskii, N. Ya., Grebenik, V. V. and Kokhanovskaya, I. I. (2018), "State support of small and medium entrepreneurship in Russia at federal and regional levels", *Vestnik Universiteta*, no. 12, pp. 71–76, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-71-76>.

Zakharova, K. A., Aktaev, N. E. and Purgina, A. D. (2022), "The impact of small and medium business finance on the level of economic wealth of the region", *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 8, no. 2, pp. 164–183, <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183>.

Zakharova, K. A. and Baburina, N. A. (2023), "Development of small and medium-sized enterprises in the regions of Russia: Cluster analysis taking into account the economic development of the territory", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no. 4, pp. 109–130, <https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.6>.

Il'ina, L. I., Ruzhanskaya, N. V. and Aksenova, Z. A. (2019), "Improving the mechanism of state support for small and medium-sized businesses at the regional and municipal levels", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 9, no. 1A, pp. 385–395, <https://doi.org/10.25799/AR.2019.80.1.039>.

Karpov, V. V., Korableva, A. A. and Mozzherina, N. T. (2015), "Analysis and improvement of the mechanism of state support to small and medium-sized businesses", *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 8, pp. 38–49.

Klushina, N. P. and Roshchupkina, V. V. (2019), "The priorities of financial support for social entrepreneurship: The Russian situation", *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 6–2, pp. 46–51, <https://doi.org/10.17513/vaael.612>.

Koltchin, S. P. and Glubokova, N. Yu. (2022), "Classification of financial support measures during an emergency", *Economics and Management: Problems, solutions*, vol. 2, no. 5, pp. 119–125, <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.018>.

Kravchenko, E. N. and Sheveleva, N. E. (2019), "To the question about the efficiency of financing small enterprises", *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 4–2, pp. 210–216, <https://doi.org/10.17513/vaael.430>.

Morozko, Nat. I., Morozko, N. I. and Didenko, V. Y. (2021), "Financial and non-financial measures to support small and medium-sized businesses in 2021 and in the medium term", *Economics, Taxes & Law*, vol. 14, no. 1, pp. 31–40, <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>.

Naydenkov, V. I., Martynovich, V. I. and Mironov, M. G. (2019), "Small and medium businesses of Saratov region: Indicators of performance and forms of state support", *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 67–71.

Oleynik, A. N. (2009), "Triangulation in content analysis. Methodology issues and empirical testing", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 65–79.

Piontkевич, N. S. and Sheina, E. G. (2021), “Financial aspects of ensuring sustainable development of small and medium-sized businesses in the face of new challenges”, *Journal of New Economy*, vol. 22, no. 1, pp. 105–130, <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-1-6>.

Ramenskaya, L. A. (2021), “Interaction between digital platforms and key stakeholders: A content analysis”, *The Manager*, vol. 12, no. 5, pp. 96–106, <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-5-7>.

Sabitova, N. M. and Khairullova, A. I. (2017), “The development of alternative financing instruments for small and medium-sized businesses”, *Finance and Credit*, vol. 23, no. 44, pp. 2631–2645, <https://doi.org/10.24891/fc.23.44.2631>.

Stepanova, E. V., Rozhkova, A. V. and Dalisova, N. A. (2019), “Regional support of small and medium business in agriculture of Krasnoyarsk region”, *The Social and Economic and Humanitarian Magazine*, no. 2, pp. 56–65.

Charfeddine, L. and Zaouali, S. (2022), “The effects of financial inclusion and the business environment in spurring the creation of early-stage firms and supporting established firms”, *Journal of Business Research*, vol. 143, pp. 1–15, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.014>.

Gessa, A., Jimenez, A. and Sancha, P. (2023), “Exploring ERP systems adoption in challenging times. Insights of SMEs stories”, *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 195, art. no. 122795, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122795>.

Indrika, R. (2021), “Features of state financial support to the small business sector in the Republic of Latvia”, *Taikomieji tyrimai studijose ir praktikoje – Applied Research in Studies and Practice*, vol. 8, no. 17, pp. 5–12.

İpek, I. and Bıçakcıoğlu-Peynirci, N. (2020), “Export market orientation: An integrative review and directions for future research”, *International Business Review*, vol. 29, no. 4, art. no. 101659, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2019.101659>.

Malesios, C., De, D., Moursellas, A. et al. (2021), “Sustainability performance analysis of small and medium sized enterprises: Criteria, methods and framework”, *Socio-Economic Planning Sciences*, vol. 75, art. no. 100993, <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100993>.

Reynolds, P. D. (2011), “Informal and early formal financial support in the business creation process: Exploration with PSED II data set”, *Journal of Small Business Management*, vol. 49, no. 1, pp. 27–54, <https://doi.org/10.1111/j.1540-627X.2010.00313.x>.

Verma, S., Shome, S. and Hassan, M. K. (2023), “FinTech in small and medium enterprises (SMEs): A review and future research agenda”, *European Management Journal*, vol. 41, no. 6, pp. 950–971, <https://doi.org/10.1016/j.emj.2023.07.003>.

Information about the authors

N. A. Baburina – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, University of Tyumen, 6 Voldarsky Str., Tyumen, 625003, Russia

SPIN-code (RSCI): 9074-0551

AuthorID (RSCI): 249876

Web of Science ResearcherID: O-7993-2016

Scopus Author ID: 57200753581

D. A. Muravev – Laboratory Assistant-Researcher of the Department of Economics and Finance, University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russia

SPIN-code (RSCI): 7093-9190

AuthorID (RSCI): 1227894

K. A. Zakharova – Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Economics and Finance, University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russia

SPIN-code (RSCI): 4912-0477

AuthorID (RSCI): 768881

Web of Science ResearcherID: B-8096-2016

Scopus Author ID: 57118103100

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 393–412.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 393–412.

Научная статья

УДК 336.14

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-393-412>

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Алексей Дмитриевич Нерослов¹✉, Наталья Павловна Паздникова²

^{1,2}Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹9091069060@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8870-1607>

²pazdnikovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0624-7894>

Аннотация. Введение: множественность научных подходов к понятию бюджетных рисков, стремительное развитие баз данных и, соответственно, противоречивость способов предлагаемых оценок обуславливают актуальность изучения данной темы. **Цель:** предложить универсальный, предусматривающий использование современных способов исследования алгоритм оценки бюджетных рисков на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа для универсализации оценки, идентификации и минимизации бюджетных потерь. **Методы:** системный, сравнительный, корреляционный и дисперсионный анализ, статистический обзор, обработка пространственных данных, индексный метод, метод группировок, метод стресс-теста. **Результаты:** представлена авторская модель оценки бюджетных рисков для регионов Северо-Кавказского федерального округа, в основании которой лежат ключевые социально-экономические показатели, а именно: валовый региональный продукт, индекс потребительских цен, уровень безработицы, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, средняя заработная плата граждан. Авторами апробирован алгоритм оценки и выявлены регионы с нарастающими и снижающимися бюджетными рисками. **Выводы:** в Северо-Кавказском федеральном округе обозначены проблемные регионы с жесткой политикой регулирования бюджетных рисков и регионы с мягкой политикой регулирования, которые не являются проблемными. Кроме того, предложены нормативные рекомендации по выравниванию ситуации. Теоретическая значимость исследования состоит в выработке нового подхода к оценке бюджетных рисков регионов; практическая значимость – в применении универсальной методики оценки бюджетных рисков различных регионов, что позволяет проводить их сравнительную характеристику.

Ключевые слова: риски бюджета, уровень риска, универсальная оценка, бюджетный процесс, устойчивость бюджета, минимизация бюджетных потерь

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FSNM-2024-0005.

Для цитирования: Нерослов А. Д., Паздникова Н. П. Универсализация оценки бюджетных рисков российских регионов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 393–412. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-393-412>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

UNIVERSALIZATION OF RUSSIAN REGIONS BUDGET RISKS ASSESSMENT

Alexey D. Neroslov¹✉, Natalya P. Pazdnikova²

^{1,2} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

¹ 9091069060@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8870-1607>

² pazdnikovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0624-7894>

Abstract. Introduction: the relevance of the research is determined by the multiplicity of scientific approaches to the concept of budget risks, the rapid development of databases and, accordingly, the inconsistency of their assessments methods. **Objectives:** to propose a universal algorithm for assessing budget risks based on the example of North Caucasus Federal District regions and using modern research methods, with the aim of universalizing the assessment, identifying and minimizing budget losses. **Methods:** systemic and comparative analysis, correlation and dispersion analysis, statistical review, spatial data processing, index method, grouping method; stress test method. **Results:** the author's model for assessing budget risks for the North Caucasus Federal District regions has been presented, based on key socio-economic indicators, namely: gross regional product, consumer price index, unemployment rate, subsidies for equalizing budgetary security, average wages. The authors tested the assessment algorithm and identified regions with increasing and decreasing budget risks. **Conclusions:** in the regions of the North Caucasus Federal District, there have been identified the problem regions with a strict policy for regulating budgetary risks and non-problem regions with a soft regulation policy. In addition, normative recommendations for leveling the situation have been proposed. The theoretical significance lies in the development of a new approach to assessing regional budget risks. The practical significance lies in the application of a universal methodology for assessing the budgetary risks of various regions, which allows for their comparative characteristics.

Keywords: budget risks, risk level, universal assessment, budget process, budget sustainability, minimizing budget losses

Acknowledgments: the research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. FSNM-2024-0005.

For citation: Neroslov, A. D. and Pazdnikova, N. P. (2024), "Universalization of Russian regions budget risks assessment", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 393–412, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-393-412>.

ВВЕДЕНИЕ

Бюджетная система представляет собой сложный механизм управления, состоящий из множества элементов. Для органов власти крайне важно грамотно распоряжаться природными, финансовыми, человеческими и иными имеющимися ресурсами. И каждый ресурсный компонент несет определенный фактор риска, с которым необходимо комплексно работать при бюджетном планировании. Государственная бюджетная политика во многом определяет вектор развития территорий, учитывая их отраслевую специфику и возможности. Однако исполнение бюджетной политики в рамках бюджет-

ного процесса всегда несет определенные бюджетные риски, связанные с воздействием различных факторов и событий.

По нашему мнению, риски в бюджетной системе неизбежны. Лицам, принимающим решения, необходимо качественно оценивать риски и использовать свои полномочия для минимизации ущерба от них.

В этой связи, целью настоящей работы является разработка универсального, предусматривающего использование современных способов исследования алгоритма оценки бюджетных рисков на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) для универсализации оценки, идентификации и минимизации бюджетных потерь. Для достижения поставленной цели были рассмотрены показатели регионов Северо-Кавказского федерального округа за период с 2016 по 2021 год. А именно: изучен феномен бюджетных рисков, классификации и методы их оценки; проанализированы показатели бюджетного процесса и состояние бюджетов регионов СКФО с целью выявления рисков бюджета; определена система показателей и произведена оценка уровня бюджетных рисков по предложенному алгоритму; выявлены регионы с высоким, средним и низким уровнем риска и даны рекомендации по минимизации высоких рисков регионами СКФО.

Теоретическая значимость проведенного нами исследования состоит в выработке нового универсального подхода к оценке бюджетных рисков регионов. Именно универсализация оценки позволит сравнивать регионы по уровню риска и перенимать положительный опыт тех регионов, которые успешно минимизируют высокие риски. Практическая же значимость данной работы заключается в апробировании универсальной методики оценки бюджетных рисков для разных регионов по исторической, экономической, социальной, инфраструктурной и другим составляющим. Это дает возможность органам власти, общественности, иным институтам осуществлять сравнительную характеристику уровня рисков, определять эффективность управления ими и прогнозировать усиление бюджетной безопасности в целом.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Отметим, что в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации «бюджет – это форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления»¹. Поэтому стандартизация оценки использования бюджетных средств и возникающих при этом рисков важны с точки зрения эффективности выполнения органами власти своих функциональных полномочий. Кроме того, необходимо упомянуть и о разных уровнях бюджетной системы: федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов; региональный бюджет и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов; местный бюджет. По нашему мнению, именно иерархия бюджетной системы и бюджетного процесса является основной причиной возникновения бюджетных рисков.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ. Ст. 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 24.12.2023).

В российском законодательстве отсутствует понятие «бюджетный риск», что само по себе усиливает значимость оценки рисков, поскольку отсутствие четкого понимания термина привносит определенную путаницу в идеологию управления бюджетными рисками. Но только противодействие подобным угрозам невозможно без создания эффективной системы их идентификации, оценки и устранения (Илышева и др., 2021, с. 1362). Исследуя генезис теории бюджетных рисков, авторы статьи отмечают различные подходы к толкованию данной категории, как среди зарубежных специалистов (Voskanyan and Paronyan, 2020; El-Saman, 2022), так и отечественных (Karanina and Kyzyurov, 2020; Afanasiev and Shash, 2020; Avksent'ev et al., 2020; Demin and Efremova, 2021; Mekush and Panov, 2021). Так, В. В. Гамукин считает, что бюджетный риск – это несовпадение запланированных показателей с исполненными (Гамукин, 2016, с. 71). Н. П. Паздникова и А. А. Кочарян полагают, что под бюджетными рисками следует понимать совокупность всех условий, процессов и факторов, которые реально угрожают финансово-бюджетной безопасности (Паздникова и Кочарян, 2014, с. 13). Е. В. Никулина и ее коллега определяет под риском вероятность невыполнения мероприятий, связанных с бюджетным процессом (Никулина и Федюшина, 2014, с. 413). А по мнению О. И. Тишутинной, бюджетный риск – это вероятность возникновения опасной бюджетной ситуации (Тишутина, 2008, с. 21). Р. Х. Содиков анализирует в первую очередь объемы возникающего ущерба как последствия реализации бюджетного риска (Содиков, 2020, с. 127). И. И. Кучеров определяет бюджетный риск как прогностический продукт оценки вероятности возникновения неблагоприятных событий для бюджета (Кучеров, 2019, с. 507). Есть подход, когда бюджетный процесс рассматривают как элемент прогноза экономической деятельности хозяйствующих субъектов (Аюпова, 2010, с. 83; Барбашова, 2022, с. 13). Однако, по нашему мнению, после пандемии COVID-19 сложно применять прогнозный подход к оценке бюджетных рисков из-за крайне нестабильной экономической ситуации.

Эмпирические результаты исследований представлены в трудах целого ряда ученых. Так, бюджетные риски на региональном уровне оценивались как до пандемии (Агеева и Постников, 2013; Ткачева и др., 2014; Кувалдина, 2017; Черкасова и др., 2014), так и после (Тимушев, 2020; Malkina, 2021). При этом каждый регион России оказался уникален по набору социально-экономических, политических, географических и иных характеристик, что крайне важно для формирования и исполнения регионального бюджета при оценке балансовым методом (Михайлова и Тимушев, 2020).

Разноплановая позиция отечественных исследователей только добавляет неопределенности при разборе тонкостей процесса оценки бюджетных рисков. Формулировки, выработанные учеными, имеют узкие места и, как следствие, получают неправильное толкование. Многие понимают под бюджетным риском несоответствие запланированных и/или плановых бюджетных показателей фактическим результатам. Данное определение имеет право на существование, но тогда воздействие бюджетных рисков можно рассматривать только в негативном ключе, то есть не учитывая спекулятивных рисков, в некоторых случаях приводящих к нейтральным или положительным последствиям.

Методов оценки бюджетных рисков существует множество (Малкина, 2021; Тиникашвили, 2023), однако чаще всего они базируются на статистических подходах из-за их точности и верификации. По мнению авторов настоящей

статьи, методы, не основанные на статистических данных, чаще всего нельзя принимать за объективную квалифицированную оценку бюджетной сферы.

Наблюдаются сложности и с классификацией бюджетных рисков (Милютин, 2020; Флемова, 2020). Это связано с многофакторностью воздействия на бюджетную систему и постоянным изменением факторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим классификацию бюджетных рисков по наиболее часто встречающимся признакам их возникновения (рис. 1). Данная классификация не является всеобъемлющей, поскольку полный перечень видов бюджетных рисков составить крайне сложно из-за изменчивости и уникальности каждого риска.

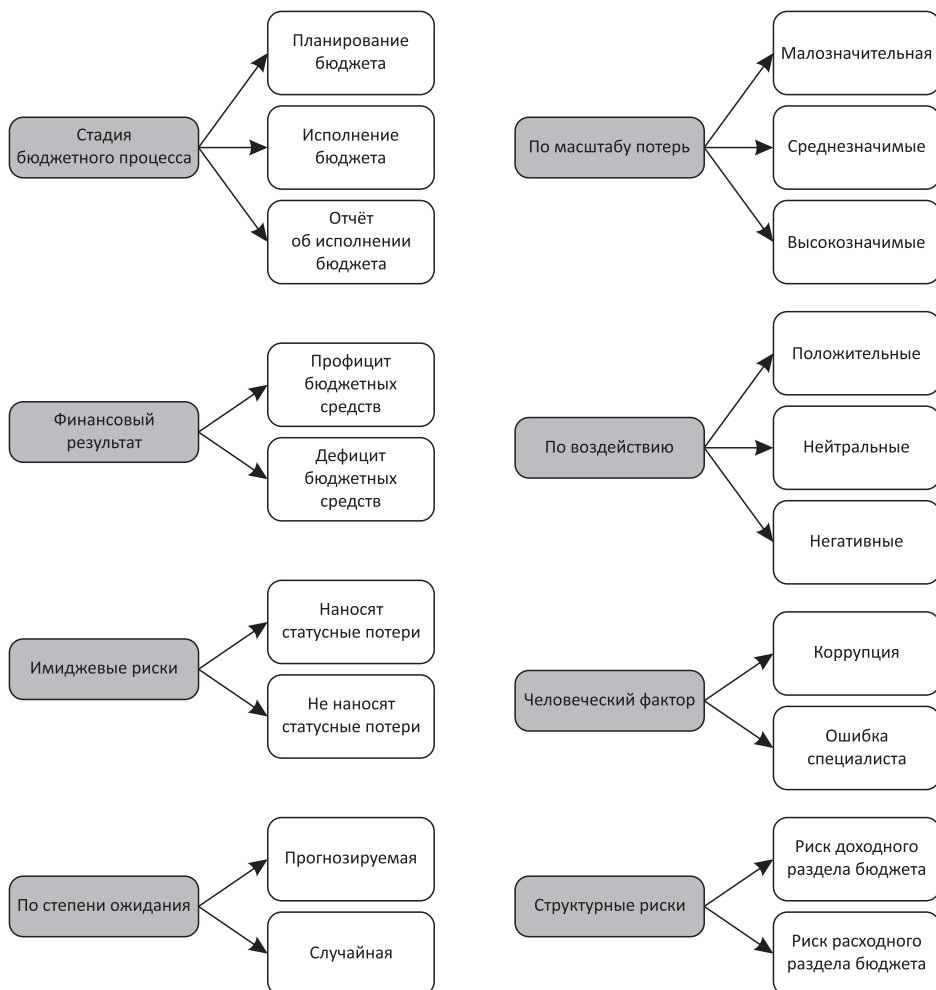

Рис. 1. Классификация бюджетных рисков / Fig 1. Classification of budget risks

Источник: собственные исследования авторов.

Проведем оценку бюджетных рисков для регионов СКФО на основе индексного и средневзвешенного методов. Индекс – это относительная величина показателей, демонстрирующая, во сколько раз уровень изучаемого явления (процесса) выше или ниже уровня того же явления, но в других условиях. Система показателей подбирается экспертами. В нашем случае индексный метод применяется и в отборе необходимых показателей (критериев) для анализа ситуации. При этом количество выбранных показателей должно быть нечетным. Далее рассчитывается уровень (рост или падение, %) по каждому показателю и определяется средневзвешенным методом уровень важности показателей, т. е. каждому показателю присваивается вес, а сумма весов должна составлять 100 % (или 1). Распределять веса необходимо с учетом специфики оценки, то есть при присвоении веса следует учитывать важность показателя для территории. После расчета темпов прироста каждого показателя происходит суммирование. При этом негативные показатели (безработица, смертность и т. д.) подсчитываются с отрицательным знаком при их растущей динамике, а положительные показатели – с положительным знаком при растущей динамике. Чем выше итоговый индекс, тем выше бюджетная устойчивость и безопасность региона в федеральном округе и тем ниже бюджетные риски.

В авторской методике выбраны пять ключевых показателей, наиболее важных для оценки бюджетных рисков: валовый региональный продукт (ВРП), индекс потребительских цен (ИПЦ), объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, средняя заработная плата, уровень безработицы. Эти параметры типичны для оценки бюджетной системы территории.

Первым из них является ВРП – показатель устойчивости региона. Чем выше ВРП, тем выше самостоятельность территории и ниже будущие бюджетные риски. Рассмотрим темпы прироста ВРП по СКФО (рис. 2).

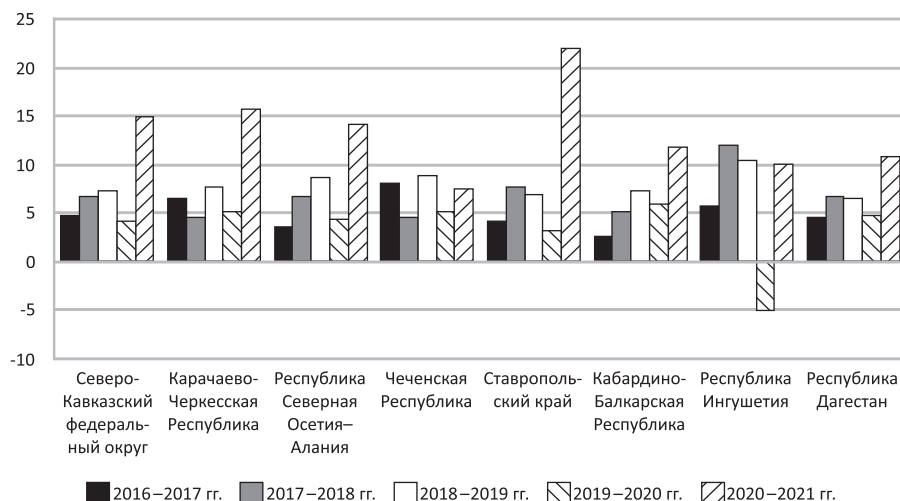

Рис. 2. Темпы прироста ВРП регионов СКФО за период 2016–2021 гг., % /
Fig. 2. Growth rate of GRP of the North Caucasian Federal District regions, 2016–2021, %

Источник: рисунки 2–8 составлены авторами на основе данных Росстата.

В период 2019–2020 годов наблюдается снижение темпов прироста данного показателя, что может быть вызвано пандемией COVID-19 (Захарчук и Трифонова, 2021, с. 39). Однако с 2020 по 2021 год идет рост в среднем на 13 % по всем регионам, что в два раза больше, чем в допандемийный период.

Второй показатель оценки бюджетных рисков – ИПЦ, который отражает инфляционные процессы. Высокий темп прироста показателя ощущается в 2020–2021 годах по всем регионам СКФО. Наибольший рост замечен в Республике Дагестан – на 3,5 % выше общероссийского показателя. Безусловно, такой резкий рост цен понижает устойчивость территории, ее платежеспособность и повышает бюджетные риски неплатежей (рис. 3).

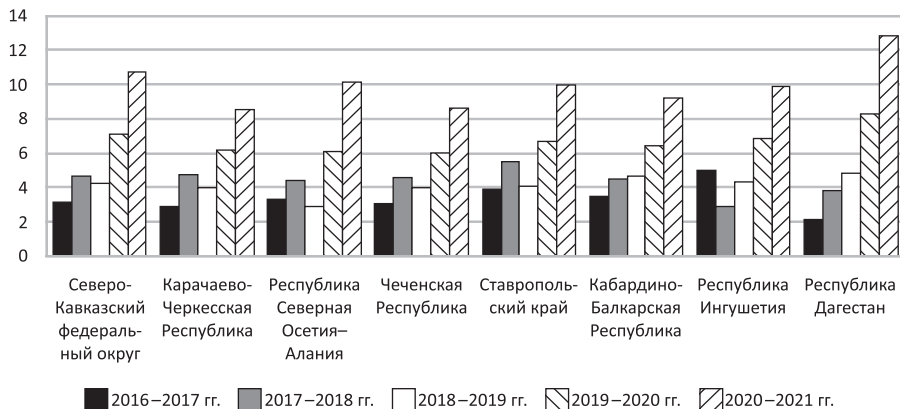

Рис. 3. Темпы прироста ИПЦ регионов СКФО за период 2016–2021 гг., % /
Fig. 3. Growth rate of the CPI of the North Caucasian Federal District regions, 2016–2021, %

Еще одним показателем оценки, определяющим устойчивость и самостоятельность территории, являются темпы прироста дотаций, выделяемых на выравнивание бюджетной обеспеченности (рис. 4).

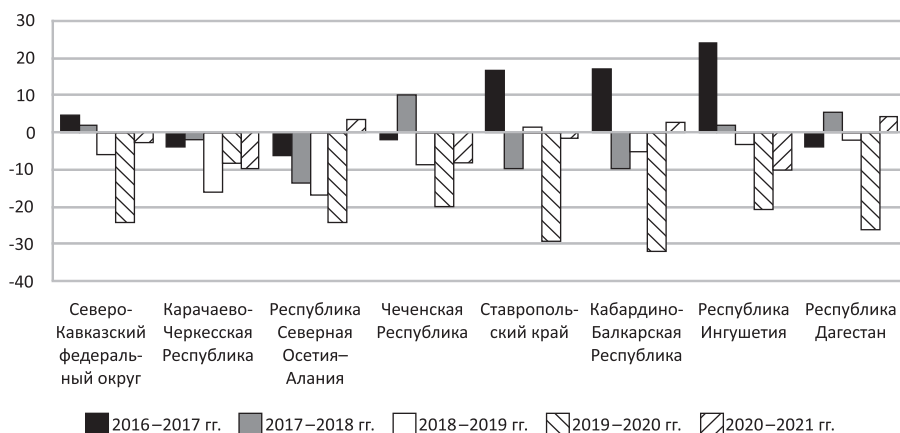

Рис. 4. Темпы роста дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов СКФО за период 2016–2021 гг., % /
Fig. 4. Growth rate of subsidies to equalize the budgetary provision of the North Caucasus Federal District regions, 2016–2021, %

В период 2019–2020 годов можно наблюдать сильнейшее снижение объемов дотаций на выравнивание бюджетов, что связано с воздействием пандемии. Несмотря, однако, на сокращение дотаций и рост субсидий и субвенций, регионы СКФО по-прежнему остаются высокодотационными (рис. 5). А это серьезно повышает бюджетные риски: бюджет становится зависим от средств, которые ему направляют из вышестоящего бюджета.

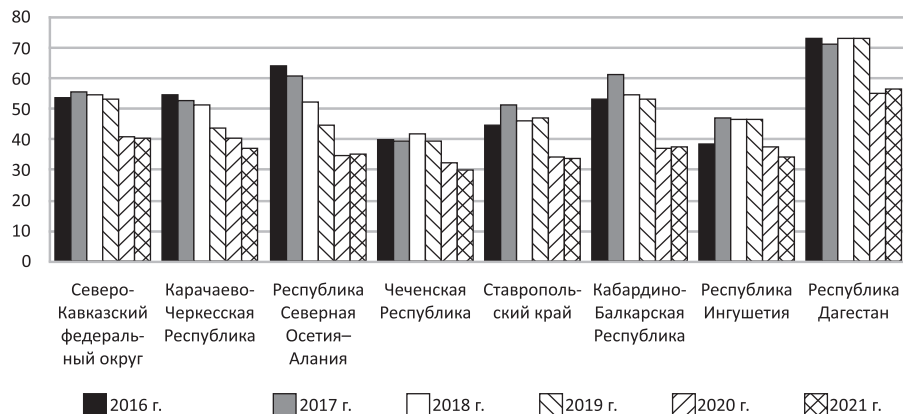

Рис. 5. Доля дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов СКФО от безвозмездных поступлений за период 2016–2021 гг., % / Fig. 5. Share of subsidies to equalize the budgetary provision of the North Caucasus Federal District regions from gratuitous receipts, 2016–2021, %

Следующий показатель – средняя заработная плата населения. Рост этого показателя оценивается положительно для экономики региона, поскольку расширяются возможности людей получать государственные и муниципальные услуги, в том числе на платной основе, повышается их качество жизни, инвестиционная привлекательность территории (рис. 6). По средней заработной плате интересные данные демонстрирует Республика Кабардино-Балкария, где с 2017 по 2018 год замечен рост на 16 %, а позднее – еще на 4 %.

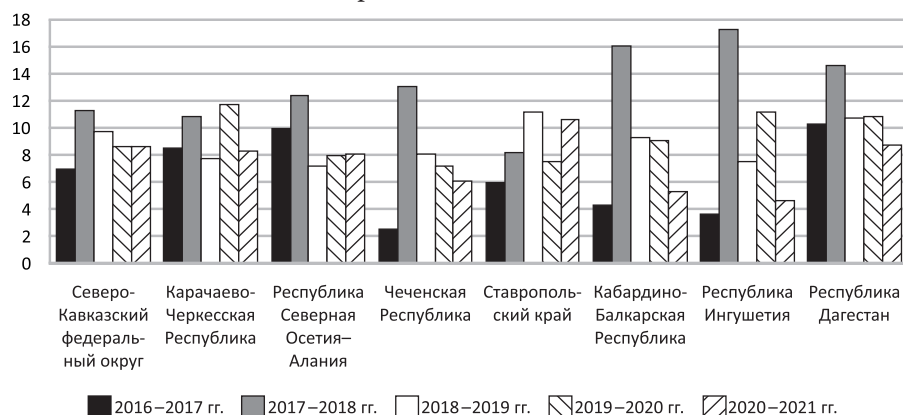

Рис. 6. Темпы прироста средней заработной платы в регионах СКФО за период 2016–2021 гг., % / Fig. 6. Growth rate of average wages in the North Caucasus Federal District regions, 2016–2021, %

Последний показатель оценки бюджетных рисков – уровень безработицы. Рост этого показателя подталкивает органы публичной власти формировать дополнительные средства для решения вопросов дисбаланса рынка труда, что препятствует экономическому росту территорий (рис. 7). В 2019–2020 годах можно наблюдать фактические последствия пандемии: резкий рост числа безработных оказал серьезное воздействие на устойчивость бюджета в тот период. Так, например, с 2018 по 2019 год в Республике Северная Осетия – Алания число безработных увеличилось почти на 38 % по отношению к предыдущему году. Это был самый высокий показатель по всему округу.

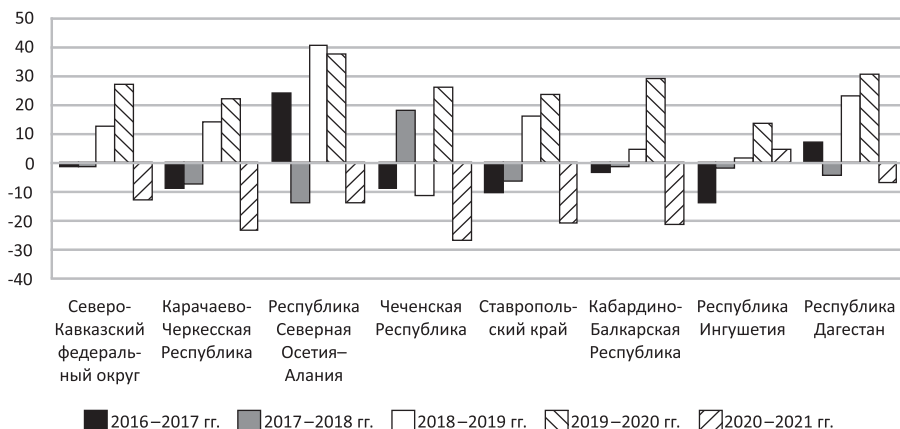

Рис. 7. Темпы прироста безработицы в регионах СКФО за период 2016–2021 гг., % /
Fig. 7. Unemployment growth rate in the North Caucasus Federal District regions, 2016–2021, %

Таким образом, для оценки бюджетных рисков и устойчивости к ним территории необходимо определить зависимость между показателями. Зависимость рассчитывается путем расчета корреляции между показателями и интерпретируется по определенным методикам. Рассмотрим корреляцию следующих пар показателей: ВРП и ИПЦ, уровень безработицы и средняя заработная плата, ИПЦ и средняя заработная плата. По нашему мнению, именно данные пары показателей взаимовлияют друг на друга.

Корреляция будет рассчитана тремя ранговыми методами – Фехнера, Спирмена и Кендалла. Мы предлагаем применить линейный коэффициент корреляции с интерпретацией Уильяма Сили Госсета (Стьюдента). Во всех способах расчета корреляции будет использована шкала Чеддока для интерпретации показателя.

Ранговая корреляция ВРП и ИПЦ весьма неоднозначна. Так, по методу Фехнера в период 2020–2021 годов она показывает высокую взаимосвязь показателей, хотя другие способы не подтверждают среднюю и слабую связи. Линейный коэффициент корреляции в целом свидетельствует о слабосредней тесноте показателей. При росте ИПЦ незначительно растет ВРП (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Корреляция ВРП и ИПЦ в СКФО за период 2016–2021 годов /
Correlation of GRP and CPI in the North Caucasus Federal District, 2016–2021

Способ расчета	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Фехнер	0,429	–0,143	–0,429	0,143	0,714	0,714
Интерпретация Чеддока	Слабая	Очень слабая отрицат.	Слабая отрицат.	Слабая	Высокая	Высокая
Спирмен	0,357	–0,214	0,429	0,143	0,143	0,500
Интерпретация Чеддока	Слабая	Очень слабая отрицат.	Слабая	Слабая	Слабая	Средняя
Кендалл	0,238	–0,143	0,333	0,143	0,048	0,333
Интерпретация Чеддока	Слабая	Очень слабая отрицат.	Слабая	Слабая	Очень слабая	Слабая
Пирсон	0,212	–0,315	0,385	0,284	0,628	0,592
Интерпретация Чеддока	Слабая	Слабая отрицат.	Слабая	Слабая	Средняя	Средняя
Стьюдент	0,486	0,743	0,932	0,663	1,807	1,642
T табличное	A = 2,57					

Источник: таблицы 1–3 рассчитаны и составлены авторами.

Корреляция уровня безработицы и средней заработной платы демонстрирует отрицательную очень слабую и слабую взаимосвязь этих показателей. Линейный коэффициент корреляции, напротив, свидетельствует о стабильной средней отрицательной связи. На основе полученных данных можно сделать вывод о наличии средней отрицательной корреляции между этими показателями: когда уровень заработной платы растет, уменьшается количество безработных на территории СКФО. Корреляция уровня безработицы и средней заработной платы отражена в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Корреляция уровня безработицы и средней заработной платы в СКФО за период 2016–2021 гг. /
Correlation of the unemployment rate and average wages in the North Caucasus Federal District, 2016–2021

Способ расчета	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Фехнер	–0,143	–0,143	–0,429	–0,143	0,143	0,143
Интерпретация Чеддока	Очень слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.	Слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.	Очень слабая	Очень слабая
Спирмен	–0,286	–0,714	–0,357	–0,393	–0,214	–0,143
Интерпретация Чеддока	Очень слабая отрицат.	Высокая отрицат.	Слабая отрицат.	Слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.

Способ расчета	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Кендалл	–0,238	–0,524	–0,333	–0,238	–0,143	–0,143
Интерпретация Чеддока	Очень слабая отрицат.	Средняя отрицат.	Слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.	Очень слабая отрицат.
Пирсон	–0,457	–0,689	–0,587	–0,701	–0,689	–0,563
Интерпретация Чеддока	Слабая отрицат.	Средняя отрицат.	Средняя отрицат.	Высокая отрицат.	Средняя отрицат.	Средняя отрицат.
Стьюдент	1,149	2,128	1,620	2,197	2,123	1,521
T табличное	A = 2,57					

Корреляция между ИПЦ и средней заработной платой демонстрирует высокую связь по Фехнеру в 2021 году после продолжительного периода колебаний между очень слабой и очень слабой отрицательной связью. Другие ранги не подтверждают наличия высокой связи. Линейный коэффициент корреляции находится в очень слабом значении, так что можно сделать вывод о несущественной связи между этими показателями в данном федеральном округе (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Корреляция ИПЦ и средней заработной платы в СКФО за период 2016–2021 гг. /
Correlation of the CPI and average wages in the North Caucasus Federal District, 2016–2021**

Способ расчета	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Фехнер	0,143	–0,143	0,143	–0,429	0,429	0,714
Интерпретация Чеддока	Очень слабая	Очень слабая отрицат.	Очень слабая	Слабая отрицат.	Слабая	Высокая
Спирмен	0,214	0,250	0,357	–0,286	0,143	0,643
Интерпретация Чеддока	Очень слабая	Очень слабая	Слабая	Очень слабая отрицат.	Очень слабая	Средняя
Кендалл	0,238	0,238	0,238	–0,238	0,048	0,429
Интерпретация Чеддока	Очень слабая	Очень слабая	Очень слабая	Очень слабая отрицат.	Очень слабая	Слабая
Пирсон	0,332	0,167	0,625	–0,221	0,026	0,164
Интерпретация Чеддока	Слабая	Очень слабая	Средняя	Очень слабая отрицат.	Очень слабая	Очень слабая
Стьюдент	0,788	0,378	1,792	0,506	0,059	0,372
T табличное	A = 2,57					

Выполнив проверку взаимосвязей исследуемых показателей, для дальнейшей оценки бюджетных рисков присвоим коэффициент значимости каждому показателю в соответствии с его значимостью для бюджетной системы (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Коэффициент значимости показателей, % / Significance coefficient of indicators, %

Показатель	Коэффициент значимости
ВРП	0,2
ИПЦ	0,15
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности	0,3
Средняя заработная плата	0,15
Уровень безработицы	0,2

Источник: составлено авторами.

Отметим, что показатели, чей рост обуславливает усиление бюджетных рисков, будут учитываться с отрицательным знаком. И наоборот. Так, рост ВРП и средней заработной платы положительно влияет на снижение рисков, рост же других показателей – отрицательно. Дотациям на выравнивание бюджетной обеспеченности присваивается самая высокая значимость: если территория получает высокие объемы дотаций, то остальные показатели теряют свою актуальность. Итоговое значение индекса бюджетных рисков представлено на рисунке 8.

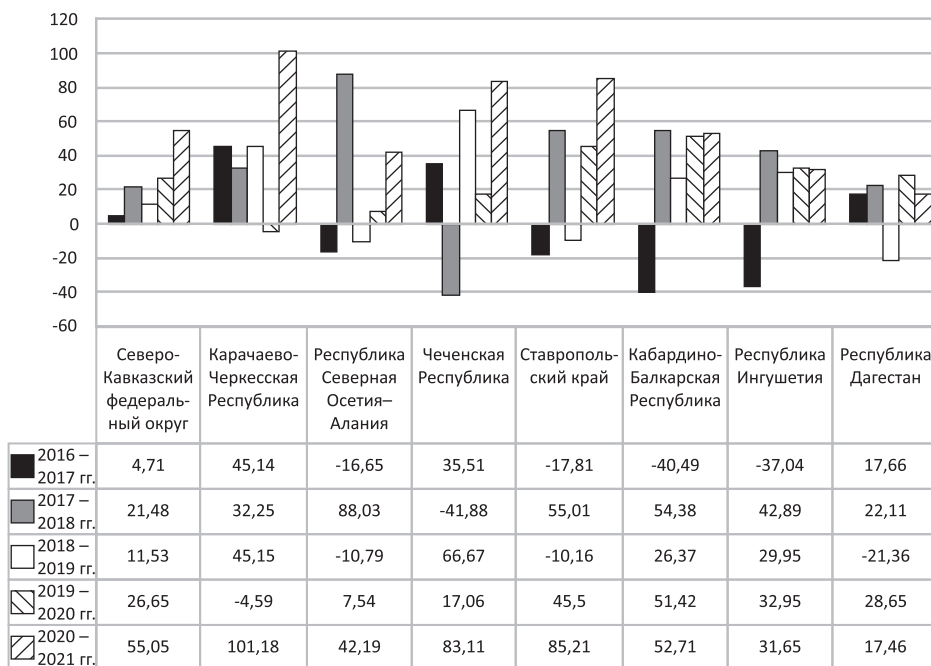

Рис. 8. Индексы бюджетных рисков регионов СКФО на период 2016–2021 гг. /

Fig. 8. Budgetary risk indices of the North Caucasian Federal District regions, 2016–2021

В последнем периоде исследования наименьшие бюджетные риски демонстрирует Карачаево-Черкесская Республика с показателем 101,18. Республика Дагестан, напротив, демонстрирует самые высокие риски – 17,46.

Если смотреть на весь пятилетний период, то наихудшая ситуация наблюдается в Чеченской Республике, Республиках Ингушетия и Дагестан, где происходят существенные скачки индекса. У остальных регионов скачки менее заметны и в последние периоды индексы растут. Прогноз уровня бюджетных рисков, выполненный с помощью наименьших квадратов, демонстрирует весьма интересную картину – смену лидера по уровню бюджетных рисков: в прогнозном периоде наименьшие риски предполагаются у Ставропольского края. По-прежнему останется аутсайдером в этом списке Республика Дагестан. Кабардино-Балкарская Республика на протяжении последних лет, за исключением 2018 года, показывает стабильный рост индекса бюджетных рисков. Такая нарастающая положительная динамика свидетельствует об эффективности политики минимизации бюджетных рисков в этом регионе.

Неоднозначная ситуация в регионах СКФО определяется факторами, которые крайне нестабильны и непредсказуемы. На наш взгляд, ключевым фактором бюджетного риска здесь является историческая несамостоятельность и зависимость от безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов (Осмоловская-Суслина и Борисова, 2022). Сохранится ли влияние данного фактора на уровень бюджетных рисков? Определим это методом стресс-тестирования.

Расчет производится по следующей формуле:

$$\text{Var} = k \times \sigma$$

где k – коэффициент, соответствующий одному из доверительных интервалов (табл. 5);

σ – стандартное отклонение.

Таблица 5 / Table 5

Квантили стандартного нормального распределения выборки /
Quantiles of standard normal sampling distribution

Доверительные интервалы	0,8	0,9	0,95	0,975	0,99
Коэффициент	0,8416	1,2816	1,6449	1,95996	2,3263

Источник: составлено на основе (Кан и Кан, 2010).

Var для бюджетного риска – ожидаемый наибольший уровень бюджетного риска, который сможет выдержать бюджет (Паздникова и Шипицина 2014, с. 215). Доверительный интервал рекомендуется брать 95 %, тогда будет 5 %-ная вероятность превышения показателя VaR. VaR для регионов СКФО представлен на рисунке 10.

Прогнозные значения индекса бюджетных рисков Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик и Ставропольского края превышают значения VaR, что свидетельствует о слабой устойчи-

ности их бюджетов и сохранении негативного влияния дотаций. При снижении объемов предоставляемых дотаций картина в этих регионах, безусловно, будет меняться к лучшему.

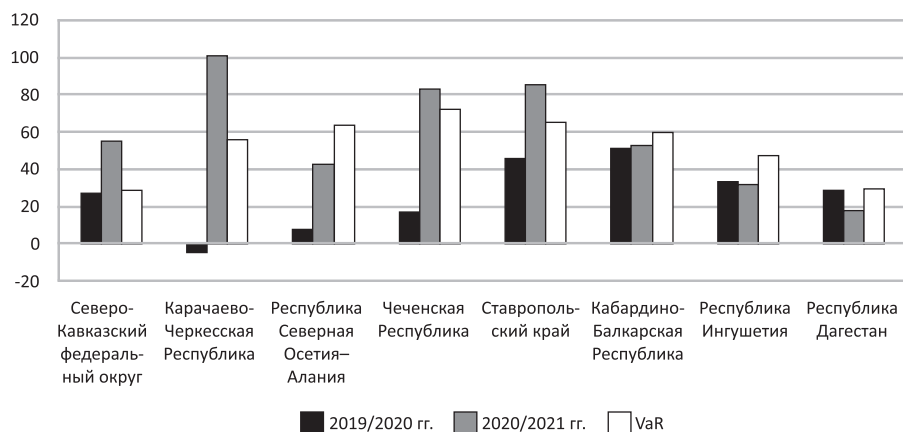

Рис. 9. Стресс-тест уровня бюджетных рисков в регионах СКФО /
Fig. 9. Stress test of budgetary risks level in the North Caucasus Federal District regions

Источник: рассчитано авторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования была разработана методика оценки бюджетных рисков регионов СКФО. Методика отличается гибкостью, прозрачностью и простотой в использовании. Формируется необходимый набор социально-экономических показателей за исследуемый период, и рассчитывается ключевой индекс с помощью коэффициента значимости. В основе оценки лежит определение не только уровня риска, но и факторного влияния. В нашем случае в качестве ключевого фактора выступили дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Если регион не в состоянии обеспечить свою бюджетную деятельность и ему необходимы трансфертные вливания для поддержания бюджетной устойчивости, значит территория находится в рисковом положении.

По результатам анализа прогнозируется нестабильный уровень бюджетных рисков в Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках и в Ставропольском крае. Превышение показателя VaR свидетельствует о бюджетных проблемах. Для уменьшения бюджетных рисков необходимо принять целый комплекс управленческих решений (Яшина и др., 2017), результаты которых станут зримыми через пять – десять лет. И начинать нужно с сокращения объемов дотаций. Работа в этом направлении проводится, но недостаточно. Важно понимать, что разнообразие традиций управления и социально-экономическая неоднородность регионов СКФО накладывают свой отпечаток. Необходимо разработать стратегию управления бюджетными рисками на региональном уровне с временным периодом не менее десяти лет. Структура такого документа может детализировать полный прогноз по всем сферам: экономической, демографической,

социальной и иным. Это необходимо для понимания ситуации и выработки мер по минимизации бюджетных рисков.

Сформулированные нами предложения не должны перерасти в очередной нормативный документ, который исполняется формально или не исполняется совсем. Необходимо признать, что проблемы есть, и они явные, а признание проблем – это первый шаг к их решению. Точечное воздействие не так эффективно, как система мер, направленная на минимизацию или предотвращение бюджетных рисков региона.

Список литературы

Агеева В. Н., Постников В. П. Об учете рисков при формировании региональных бюджетов // Финансы и кредит. 2013. № 38. С. 52–58.

Аюпова С. Г. Методологические аспекты прогнозирования бюджетных доходов с учетом оценки степени риска поступлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 6. С. 81–85.

Барбашова Н. Е. Подходы к построению и использованию модели долгосрочного бюджетного прогноза на региональном уровне // Финансовый журнал. 2022. Т. 14, № 2. С. 8–25. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-2-8-25>.

Гамукин В. В. Интегральная оценка бюджетных рисков // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13, № 1. С. 70–81. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2016-13-1-70-81>.

Захарчук Е. А., Трифонова П. С. Динамика бюджетных доходов и расходов регионов Уральского федерального округа в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 28–42. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-28-42>.

Ильишева Н. Н., Каранина Е. В., Кызьюров М. С. Диагностика угроз финансово-бюджетной безопасности региона // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 4. С. 1361–1375. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-22>.

Кан А. В., Кан Ю. С. О гарантирующем объеме выборки в задаче оценивания неизвестной вероятности // Автоматика и телемеханика. 2010. № 3. С. 46–53.

Кувалдина Т. Б. Бюджетные риск: понятие и система управления // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных ресурсов. 2017. № 2. С. 26–33.

Кучеров И. И. Риски финансовой безопасности, их негативные последствия // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 507–510.

Малкина М. Ю. Устойчивость бюджетных доходов субъектов РФ и ее источники // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 4. С. 1376–1389. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-23>.

Милютин А. Н. Взаимосвязь воздействия внешних и внутренних угроз финансовой безопасности региона // Бизнес, экономика и менеджмент. Теоретические и инновационные подходы в научных исследованиях и практические разработки: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Н. А. Красновой. СПб.: Проф. наука, 2020. С. 123–125.

Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Бюджетная система России: насколько устойчива? // Экономический журнал высшей школы экономики. 2020. Т. 24, № 4. С. 572–597. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597>.

Никулина Е. В., Федюшина И. Г. Характеристика бюджетных рисков: экономическая сущность и мероприятия по их минимизации // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 411–413.

Осмоловская-Суслина А. Л., Борисова С. Р. Доходы региональных бюджетов в начале 2022 г.: основные тенденции и факторы риска // Финансовый журнал. 2022. Т. 14, № 6. С. 25–43. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-25-43>.

Паздникова Н. П., Кочарян А. А. Методические аспекты оценки бюджетных рисков региона // Российское предпринимательство. 2014. № 15. С. 12–14.

Паздникова Н. П., Шипицына С. Е. Стресс-тестирование в управлении бюджетными рисками региона // Экономика региона. 2014. № 3. С. 208–217. <https://doi.org/10.17059/2014-3-21>.

Содилов Р. Х. Совершенствование методов управления бюджетными рисками // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2020. № 1. С. 125–131.

Тимушев Е. Н. Долговая нагрузка, местная бюджетная децентрализация и фискальные стимулы региональных органов власти // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 1. С. 58–75. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-1-58-75>.

Тиникашвили Т. Ш. Управление бюджетными рисками публично-правового образования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 236–239. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-6-236-239>.

Тишутина О. И. Методология и стратегия обеспечения устойчивости доходной базы бюджетов приграничных субъектов Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Саратов: Издат. центр Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2008. 39 с.

Ткачева Т. Ю., Афанасьева Л. В., Белоусова С. Н. Управление бюджетными рисками на региональном уровне с использованием экономико-математических методов оценки [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 981–985. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54460.htm> (дата обращения: 04.02.2024).

Фленова Е. В. Типологизация рисков экономической безопасности банковской системы и методические подходы к их оценке // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15, № 2. С. 90–97. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-2\(109\)-90-97](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-2(109)-90-97).

Черкасова Ю. И., Макарова С. Н., Гордеева Г. П. Подходы к оценке и минимизации рисков региональных бюджетов // Вестник КрасГАУ. 2014. № 11. С. 46–53.

Яшина Н. И., Прончатова-Рубцова Н. Н., Каленова Ю. С. Риск-ориентированный подход к оценке бюджетной безопасности Российской Федерации // Дайджест-Финансы. 2017. Т. 22, № 1. С. 77–93. <https://doi.org/10.24891/el.22.1.77>.

Afanasiev M. P., Shash N. N. Budget surplus management and fiscal “fine tuning” // Public Administration Issues. 2020. № 6 (special issue II). P. 84–97. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2020-0-6-84-97>.

Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu. et al. Risks in the North Caucasus: Potential or real escalation of the ethno-political situation // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2020. Vol. 25, № 3. P. 115–128. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10>.

Demin A. V., Efremova E. S. Tax compliance and its enforcement instruments: Russian approach // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14, № 11. P. 1635–1647. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0846>.

El-Saman A. A. M. A. Modern financial tools' impact on public financial management: The case of Egypt // Finance: Theory and Practice. 2022. Vol. 26, № 6. P. 175–191. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-6-175-191>.

Karanina E., Kzyurov M. Methodology for assessing the budgetary security of regional infrastructure provision (case study of the Komi Republic) // E3S Web of Conferences. 2020. T. 217, № 1. Art. № 07013. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021707013>.

Malkina M. Yu. Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the Russian regions // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14, № 7. P. 987–997. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0778>.

Mekush G. E., Panov A. A. Kuzbass economy and carbon control tools // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2021. Vol. 14, № 7. P. 1039–1046. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0783>.

Voskanyan M. A., Paronyan L. V. Solving fiscal problems through monetary policy mechanisms: Case of Armenia // Finance: Theory and Practice. 2020. Vol. 24, № 6. P. 61–81. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-6-61-81>.

Информация об авторах

А. Д. Нерослов – студент 1 курса магистратуры кафедры государственного управления и истории ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 7335-7112

AuthorID (РИНЦ): 1186504

Web of Science ResearcherID: KCK-6858-2024

Н. П. Паздникова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления и истории ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 4331-5310

AuthorID (РИНЦ): 517935

Web of Science ResearcherID: O-9295-2017

Scopus Author ID: 56386156300

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 23.04.2024.

References

- Ageeva, V. N. and Postnikov, V. P. (2013), "On account of risks in formation of regional budgets", *Finance and Credit*, no. 38, pp. 52–58.
- Ayupova, S. G. (2010), "Methodological aspects of forecasting budget revenues taking into account the assessment of the degree of risk of revenues", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 6, pp. 81–85.
- Barbashova, N. E. (2022), "Approaches to the modeling and use of a long-term budget projection at the regional level", *Financial Journal*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 8–25, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-2-8-25>.
- Cherkasova, Yu. I., Makarova, S. N. and Gordeeva, G. P. (2014), "Approaches to the assessment and risk minimization of the regional budgets", *Bulletin of KrasGAU*, no. 11, pp. 46–53.
- Gamukin, V. V. (2016), "Integrated assessment of the budgetary risks", *Issues of Risk Analysis*, vol. 13, no. 1, pp. 70–81, <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2016-13-1-70-81>.
- Zakharchuk, E. A. and Trifonova, P. S. (2021), "Dynamics of budget revenues and expenditures of regions of the Ural Federal District in COVID-19 pandemic", *Surgut State University Journal*, no. 2, pp. 28–42, <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-28-42>.
- Ilysheva, N. N., Karanina, E. V. and Kyzuyurov, M. S. (2021), "Diagnostics of threats to regional fiscal security", *Economy of Region*, vol. 17, no. 4, pp. 1361–1375, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-22>.
- Kan, A. V. and Kan, Yu. S. (2010), "On guaranteed sample volume in the problem of estimating unknown probability", *Avtomatika i Telemekhanika*, no. 3, pp. 46–53.
- Kuvaldina, T. B. (2017), "Budgetary risk: Concept and control system", *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, no. 2, pp. 26–33.
- Kucherov, I. I. (2019), "Financial security risks, their negative consequences", *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 13, pp. 507–510.
- Lukashov, A. I. (2024), "Formation of a system for evaluating the effectiveness of state financial control and budget monitoring in Russian Federation", *Finance: Theory and Practice*, vol. 28, no. 1, pp. 52–63, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-52-63>.
- Malkina, M. Yu. (2021), "Sustainability of regional budget revenues and its sources", *Economy of Region*, vol. 17, no. 4, pp. 1376–1389, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-23>.
- Milyutina, A. N. (2020), "Interrelation of external and internal threats impact to the financial security of the region", in Krasnova, N. A. (ed.), *Biznes, ekonomika i menedzhment. Teoreticheskie i innovatsionnye podkhody v nauchnykh issledovaniyakh i prakticheskie razrabotki* [Business, economics and management. Theoretical and innovative approaches to scientific research and practical developments: Proceedings of International scientific-practical conference], Professional Science, St. Petersburg, Russia, pp. 123–125.
- Mikhailova, A. A. and Timushev, E. N. (2020), "Russia's budgetary system: How much sustainable?", *Higher School of Economics Economic Journal*, vol. 24, no. 4, pp. 572–597, <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597>.

Nikulina, E. V. and Fedyushina, I. G. (2014) "Characteristics of budget risks: Economic essence and measures to minimize them", *Young Scientist*, no. 1, pp. 411–413.

Osmolovskaya-Suslina, A. L. and Borisova, S. R. (2022), "Regional budget revenues in early 2022: Main trends and risk factors", *Financial Journal*, vol. 14, no. 6, pp. 25–43, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-25-43>.

Pazdnikova, N. P. and Kocharyan, A. A. (2014), "Methodological aspects of risk assessment of a budget region", *Russian Journal of Entrepreneurship*, no. 15, pp. 4–12.

Pazdnikova, N. P. and Shipitsyna, S. Ye. (2014), "Stress analysis in managing the region's budget risks", *Economy of Region*, no. 3, pp. 208–217, <https://doi.org/10.17059/2014-3-21>.

Sodikov, R. Kh. (2020), "Budgetary risks and methods of their management", *Herald of the Tajik State University of Commerce*, no. 1, pp. 125–131.

Timushev, E. N. (2020), "Debt burden, local fiscal decentralization and fiscal incentives of regional authorities", *Finance: Theory and Practice*, vol. 24, no. 1, pp. 58–75, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-1-58-75>.

Tinikashvili, T. Sh. (2023), "Managing budgetary risks of public legal entity", *Bulletin of Economic Security*, no. 6, pp. 236–239, <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-6-236-239>.

Tishunina, O. I. (2008), "Methodology and strategy for ensuring the sustainability of the revenue base of the Russian Federation border subjects' budgets", Abstract of D. Sc. dissertation, 08.00.10 – Finance, Money Circulation and Credit, Saratov State Socio-Economic University Publishing center, Saratov, Russia.

Tkacheva, T. Yu., Afanasyeva, L. V. and Belousova, S. N. (2014), "Budget risk management at the regional level with the use of economic-mathematical methods of assessment", *Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"*, vol. 20, pp. 981–985 [Online], available at: <http://e-koncept.ru/2014/54460.htm> (Accessed Feb. 4, 2024).

Flenova, E. V. (2020), "Risks typology of the banking system economic security and methodological approaches to their assessment", *Socio-Economic Phenomena and Processes*, vol. 15, no. 2, pp. 90–97, [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-2\(109\)-90-97](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-2(109)-90-97).

Shatsky, A. A. (2023), "Forming of the national strategy for regional budgets", *Vestnik Universiteta*, no. 6, pp. 12–18, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-12-18>.

Yashina, N. I., Pronchatova-Rubtsova, N. N. and Kalenova, Yu. S. (2017), "A risk-based approach to evaluation of the budgetary security of the Russian Federation", *Digest Finance*, vol. 22, no. 1, pp. 77–93, <https://doi.org/10.24891/el.22.1.77>.

Afanasyev, M. P. and Shash, N. N. (2020), "Budget surplus management and fiscal "fine tuning", *Public Administration Issues*, no. 6 (special issue II), pp. 84–97, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2020-0-6-84-97>.

Avksent'ev, V. A., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Yu. et al. (2020), "Risks in the North Caucasus: Potential or real escalation of the ethno-political situation", *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 25, no. 3, pp. 115–128, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10>.

Demin, A. V. and Efremova, E. S. (2021), "Tax compliance and its enforcement instruments: Russian approach", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 14, no. 11, pp. 1635–1647, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0846>.

El-Saman, A. A. M. A. (2022), "Modern financial tools' impact on public financial management: The case of Egypt", *Finance: Theory and Practice*, vol. 26, no. 6, pp. 175–191, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-6-175-191>.

Karanina, E. and Kyzyurov, M. (2020), "Methodology for assessing the budgetary security of regional infrastructure provision (case study of the Komi Republic)", *E3S Web of Conferences*, vol. 217, no. 1, art. no. 07013, <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021707013>.

Malkina, M. Yu. (2021), "Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the Russian regions", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 14, no. 7, pp. 987–997, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0778>.

Mekush, G. E., Panov A. A. (2021), "Kuzbass economy and carbon control tools", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 14, no. 7, pp. 1039–1046, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0783>.

Voskanyan, M. A. and Paronyan, L. V. (2020), "Solving fiscal problems through monetary policy mechanisms: Case of Armenia", *Finance: Theory and Practice*, vol. 24, no. 6, pp. 61–81, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-6-61-81>.

Information about the authors

A. D. Neroslov – 1st year student of the Master's program of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 7335-7112

AuthorID (RSCI): 1186504

Web of Science ResearcherID: KCK-6858-2024

N. P. Pazdnikova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 4331-5310

AuthorID (RSCI): 517935

Web of Science ResearcherID: O-9295-2017

Scopus Author ID: 56386156300

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 23.04.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 413–435.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 413–435.

Научная статья

УДК 338.1

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-413-435>

РЕАЛИЗАЦИЯ ESG-ПОВЕСТКИ ИНСТРУМЕНТАМИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Марина Алексеевна Измайлова¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

MAIzmaylova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>

Аннотация. Введение: российский промышленный сектор, играя важную роль в осуществлении перехода страны к более устойчивому будущему, решает при этом широкий круг взаимосвязанных задач в области экономики, экологии и социальной политики, формируя компетенции и наращивая опыт в области управления ESG-факторами и рисками устойчивого развития. Повышение уровня социально ответственного поведения бизнеса существенно актуализируется в условиях сложной современной политической ситуации, необходимости решения национальных стратегических задач, а также необходимости ответа на технологические, социальные и экологические вызовы, включенные в контур ESG-повестки. **Цель:** выявление механизмов применения цифровых инструментов в реализации ESG-повестки и определение перспектив ее развития в модели национального ESG-ландшафта. **Методы:** в исследовании применялся комплекс методов, включая методы логического и исторического анализа, сравнения и сопоставления, экономико-статистический, абстрактный и моделирование. **Результаты:** определено, что в условиях цифровой трансформации экономики эффективность решения бизнес-задач не может быть достигнута без цифровых инструментов, которые уже нашли широкое применение в решении экологических, социальных и управленческих задач. Выявлено, что наряду с высоким потенциалом использования цифровых технологий в реализации ESG-повестки существуют и ограничения разного генеза – технологического, финансового, этического, когнитивного. Обобщены результаты ESG-трансформации российских компаний, лидирующих в области реализации повестки устойчивого развития. Приведена статистика, подтверждающая приверженность национального промышленного сектора концепции устойчивого развития в парадигме ESG. Предложен концептуальный подход к моделированию национального

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ESG-ландшафта. **Выводы:** вовлеченность бизнеса в реализацию ESG-повестки демонстрирует не только его приверженность ценностям социально ответственного поведения, но и глубокую заинтересованность в достижении установленных Целей устойчивого развития на основе системного подхода к интеграции ESG-принципов в стратегии развития и бизнес-процессы.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-повестка, окружающая среда, социальная ответственность бизнеса, корпоративное управление, цифровые технологии, глобальные вызовы

Для цитирования: Измайлова М. А. Реализация ESG-повестки инструментами цифровой экономики: состояние и перспективы развития // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 413–435. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-413-435>.

Original article

IMPLEMENTATION OF ESG AGENDA USING DIGITAL ECONOMY TOOLS: STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Marina A. Izmailova¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, MAIzmaylova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>

Abstract. Introduction: playing an important role in the country's transition to a more sustainable future, Russia's industrial sector is addressing a wide range of interrelated challenges in the field of economics, ecology and social policy, developing competencies and increasing experience in managing ESG factors and sustainability risks. Increasing the level of socially responsible business behavior is significantly growing its role in the context of a current complex political situation and the need to solve national strategic problems, as well as the need to make decisions in response to technological, social and environmental challenges in ESG agenda. **Objectives:** to identify mechanisms for using digital tools in the implementation of ESG agenda and identify prospects for its development in the national ESG landscape model. **Methods:** the study is based on the use of a set of methods, including methods of logical and historical analysis, comparison and contrast, economic-statistical, abstract methods and modeling. **Results:** it has been determined that in the context of the digital transformation of the economy, the effectiveness of solving business problems cannot be achieved without using digital tools, which are widely applied in solving environmental, social and management problems. It was revealed that along with the high potential of using digital technologies in the implementation of ESG agenda, there are also limitations of various origins – technological, financial, ethical and cognitive. The results of ESG transformation of Russian companies leading in the implementation of the sustainable development agenda are summarized. Statistics are provided confirming the commitment of national industrial sector to the concept of sustainable development in ESG paradigm. A conceptual approach to modeling the national ESG landscape is proposed. **Conclusions:** business involvement in the implementation of ESG agenda demonstrates not only its commitment to the values of socially responsible behavior, but also a deep interest in achieving the adopted Sustainable Development Goals based on a systematic approach to integrating ESG principles into development strategies and business processes.

Keywords: sustainable development, ESG agenda, environment, social responsibility of business, corporate governance, digital technologies, global challenges

For citation: Izmailova, M. A. (2024), "Implementation of ESG agenda using digital economy tools: Status and development prospects", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 413–435, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-413-435>.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальных вызовов, связанных со сложной геополитической обстановкой, с неизбежностью трансформации экономики под влиянием масштабного и глубокого проникновения цифровых технологий во все бизнес-процессы, эскалацией экологических и потребностью решения накопившихся в обществе социальных проблем, в стране складывается новая экономическая ситуация, требующая от экономических агентов поиска подходов к решению возложенных на них задач (Глазов и Глазова, 2022; Шиян, 2022). Российский промышленный сектор, осознавая всю меру ответственности не только за устойчивое развитие своих компаний, но и за судьбу своей страны и глобального социума в целом, находится на этапе переосмысления ценностных установок реализуемых корпоративных стратегий и политик в области устойчивого развития, а также практик их реализации на основе конструктивного взаимодействия с заинтересованными сторонами.

В действительности спектр задач, которые сегодня решает российский бизнес, довольно широк: они связаны с экологической повесткой (сокращение токсичных для окружающей среды выбросов, применение энергосберегающих технологий, использование возобновляемых источников энергии, поддержание биоразнообразия, лесосбережение и проч.), социальной повесткой (обеспечение достойных условий труда, гарантия безопасности рабочего места, сохранность здоровья сотрудников, гендерное равенство, социальное воздействие на территорию присутствия и проч.), корпоративным управлением (противодействие незаконным методам ведения бизнеса, вознаграждение топ-менеджмента, состав совета директоров, принятие стратегий и политик в области устойчивого развития, налоговая стратегия и проч.). Концептуально названные повестки составляют суть современного подхода к принятию ответственных управленческих решений на принципах ESG (Панасюк, 2021).

Актуальность ESG-повестки определена целым рядом факторов.

Инкорпорирование ESG-принципов в бизнес-среду способствует существенному повышению качества управления всеми процессами компании, своевременному выявлению рисков и разработке мер по их устранению или минимизации (Афанасьев и Шаш, 2022), росту доходности компании, сопоставимой и даже превышающей доходность традиционных инвестиций на финансовом рынке (Володина и Траченко, 2023).

Весьма важным стимулирующим эффектом к ускорению ESG-повестки следует считать переход к бережливой экономике, требующей обращения к технологиям, существенно снижающим негативное влияние производств на окружающую среду (Сысоева и Хорошилова, 2023). В этом аспекте следует указать на востребованность экономики замкнутого цикла, предлагающей переосмыслить подход к предпринимательской деятельности, делая приоритетными реше-

ния по использованию вторичных материальных ресурсов, что неизбежно должно привести к сокращению выбросов CO₂ и сохранению ресурсов на фоне прогнозируемого их дефицита (при текущем потреблении для приемлемого уровня жизни 10 млрд жителей к 2050 году понадобятся ресурсы трех планет Земля)¹.

Понимая, что существует предел истощаемости традиционных источников энергии, общество все более отчетливо формирует запрос на использование возобновляемых источников энергии, на изменение моделей потребления как населения, так и экономических агентов. Бесспорным приоритетом ESG-повестки следует считать Е-составляющую. Это вызвано перманентным изменением климата, эскалацией и многочисленностью экологических проблем в глобальном пространстве, что требует от прогрессивного человечества разработки новых подходов и инструментов управления климатическими рисками, негативно влияющими на финансовое положение и снижающими конкурентоспособность отдельных компаний, регионов и целых стран (Terent'ev, 2021; Bolton and Kasperczyk, 2020).

Ответственность компаний за достоверность данных, характеризующих реализацию ими ESG-повестки, усиливает давление на выпуск нефинансовой отчетности, ее актуальность, объективность и соответствие запросам заинтересованных сторон (Rosati and Faria, 2019).

Применительно к России приверженность ESG-повестке дополнительно диктуется и другими мотивами: национальными ценностями и потребностями собственного развития в глобальной конкурентной среде, заинтересованностью в международной экономической кооперации на принципах равноправности и взаимовыгодных интересов, политическими мотивами. Безусловно, создавшаяся новая экономическая ситуация способна частично изменить соотношение мотивов, но никоим образом не устранить их². Подтверждением тому являются заверения Банка России³, что к 2036 году более 80 % институциональных инвесторов планируют взаимодействовать с компаниями, приверженными достижению Целей в области устойчивого развития (ЦУР), разработанных в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН. Учитывая сложившиеся условия хозяйствования, в которых разворачивается новый дискурс относительно жизнеспособности и перспектив ESG-повестки в нашей стране, требуется систематизировать все аспекты ее реализации, чтобы определить основания для проектирования дальнейшей траектории ее развития.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Тематика устойчивого развития длительное время является центральной в научных работах зарубежных и российских авторов.

¹ Экономика замкнутого цикла. Обзор международных подходов [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. 2021. С. 1. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/55fc716c49b06e62a652d101b1be8442/220414.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

² ESG: три буквы, которые меняют мир: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / И. В. Ведерин, К. И. Головщинский, М. И. Давыдов [и др.]; науч. ред. К. И. Головщинский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. С. 138.

³ О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования [Электронный ресурс]: Информ. письмо Банка России от 15.07.2020 № ин-06-28/111. URL: https://cbr.ru/statichitml/file/59420/20200715in_06_28-111.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

Абстрагируясь от большого числа определений, данных понятию устойчивого развития и рассматривающих этот феномен на микро- и макроуровнях общественного устройства, обратим внимание на наиболее употребительное понимание: устойчивое развитие «удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (Панасюк, 2021, с. 181). В качестве плана достижения устойчивого развития в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН были приняты 17 Целей устойчивого развития, ставшие частью резолюции ООН «Повестка дня на период до 2030 года». Данная инициатива всесторонне исследована через призму интеграции в государственные программы (Батаева, 2020) и в бизнес-деятельность крупных компаний и корпораций (Крюкова и Дорофеев, 2021). С феноменом устойчивого развития тесно связано другое понятие, выраженное аббревиатурой ESG, где E (Environmental) – окружающая среда, S (Social) – социальная ответственность, G (Governance) – корпоративное управление (Khan, 2019). Концептуальная связь устойчивого развития и ESG довольно часто приводит к синонимизации этих понятий (Замбровская и др., 2022), хотя между ними есть существенное отличие: устойчивое развитие представляет собой философию ведения бизнеса, ориентированного на решение экологических, социальных и экономических задач (Мишура и Александрова, 2022), а ESG – это критерии оценивания принимаемых решений в рамках данной философии (Довбий и Коврижкина, 2022). Посвящая работы ESG-повестке, авторы исследуют ее содержание (Глазов и Глазова, 2022; Жукова, 2021) и вызовы, под влиянием которых происходит ее формирование (Шиян, 2022). Внимание к ESG-повестке становится весьма ощутимым и со стороны общественности, заинтересованной в благополучии окружающей среды (Chen et al., 2022), и со стороны инвесторов, которые осуществляют инвестиционный анализ на основе ESG-критериев (Камалова и Таибова, 2022) и оценивают риски (Bolton and Kasperczyk, 2020; Oehmke and Opp, 2024) и доходность ESG-инвестиций (Володина и Траченко, 2023), большое значение при этом придавая изучению нефинансовых отчетов (Rosati and Faria, 2019; Соболева и Зута, 2022). Все чаще исследователи стали говорить о системном подходе компаний к интеграции ESG-принципов во все их бизнес-процессы, что указывает на начало ESG-трансформации российского бизнеса (Марголин и Вякина, 2022), и прежде всего корпоративного сектора, обладающего для этого всеми необходимыми ресурсами (Афанасьев и Шаш, 2022).

Исследование проведено с использованием теоретических и прикладных методов. Применение методов теоретического анализа – анализа и синтеза, логического, исторического – позволило проследить эволюцию ESG-повестки и структурировать ее на три группы факторов: экологические, социальные, управленческие. С использованием абстрактного метода была предложена модель формирования национального ESG-ландшафта. Методы эмпирического анализа применялись для выявления востребованности цифровых технологий в реализации повестки устойчивого развития и определения актуального состояния вовлеченности российских компаний в ESG-повестку и полученных результатов.

Информационной базой исследования послужили обзорные и аналитические материалы аудиторско-консалтинговых компаний «Технологии Дове-

рия», Accenture и Boston Consulting Group (BCG), Центра устойчивого развития Школы управления СКОЛКОВО, Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применение цифровых инструментов в реализации ESG-повестки: возможности и ограничения

На этапе перехода на новый технологический уклад ключевым фактором, обеспечивающим конкурентоспособность бизнеса, выступают современные технологии, основанные на цифровых решениях. Опыт применения цифровых технологий ярко демонстрирует их возможности: собирать информацию и производить ее анализ; ускоренно анализировать огромный массив данных и на этой базе строить точный прогноз с последующей реализацией ресурсоемких и нетривиальных задач, решение которых ранее было невозможно или нецелесообразно ввиду огромных временных и материальных затрат; безопасно хранить базы данных; обеспечивать самообучение моделей и выявлять сложные взаимосвязи; в режиме онлайн реагировать на изменения производственных показателей (Васильев, 2023).

Цифровые технологии применяются не только в целях повышения эффективности производственных процессов, довольно часто они используются и для решения задач ESG-повестки (Khan, 2019). Так, согласно данным исследования, совместно проведенного аудиторско-консалтинговой компанией «Технологии Доверия» и Центром устойчивого развития Школы управления СКОЛКОВО, 65 % руководителей крупных отечественных компаний считают, что ESG-трансформация возможна исключительно на основе применения цифровых технологий⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Востребованность цифровых решений в реализации ESG-повестки, % /

Fig. 1. Demand for digital solutions in the implementation of ESG agenda, %

Источник: рисунки 1–2 составлены автором на основе исследования «ESG в цифровом мире: вызовы и возможности», совместно проведенного аудиторско-

⁴ Созвездия ESG [Электронный ресурс] // Сайт компании «Технологии Доверия». С. 3. URL: <https://data.tedo.ru/publications/esg-research.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

консалтинговой компанией «Технологии Доверия» и Центром устойчивого развития Школы управления СКОЛКОВО⁵.

Из всех цифровых технологий наибольшим потенциалом в решении ESG-задач, по мнению респондентов⁶, обладает искусственный интеллект (29 %), затем идет интернет вещей (23 %), на третьем месте – блокчейн (14 %) (рис. 2), но максимальный эффект достигается при комбинированном применении всех доступных цифровых технологий за счет их взаимодополняющего эффекта.

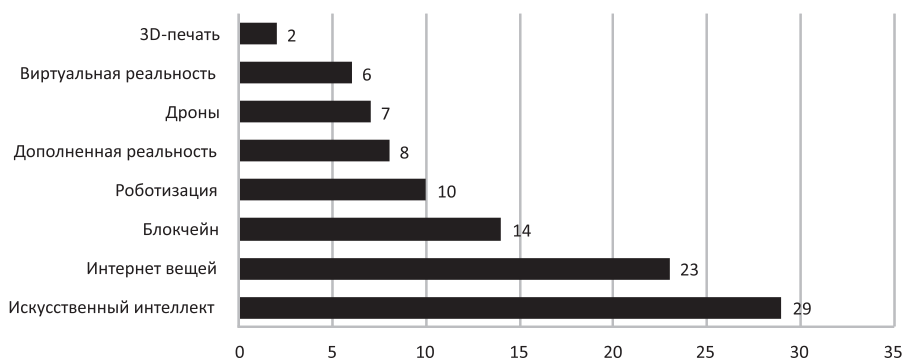

Рис. 2. Потенциал цифровых технологий в реализации ESG-повестки, % /
Fig. 2. The potential of digital technologies in implementing ESG agenda, %

Однако наряду с широкими возможностями использования цифровых технологий в реализации повестки устойчивого развития следует отметить и ограниченный характер их применения (Марголин и Вякина, 2022). Первое ограничение связано с технологической основой: обучение моделей искусственного интеллекта требует огромных вычислительных мощностей, что неизбежно сопровождается высоким энергопотреблением, а это, в свою очередь, приводит к увеличению выбросов CO₂, ухудшению ESG-показателей компании и окружающей среды в целом. По оценкам экспертов, применение продвинутой аналитики создает весомые экологические издержки, превышающие получаемые выгоды. Прогнозируется, что в ближайшие годы объем генерируемых цифровой индустрией выбросов углекислого газа будет выше, чем от всего автомобильного транспорта. Так, объем выбросов углекислого газа от применения одного из методов машинного обучения для обработки естественного языка составляет 284 019 кг, что в пять раз больше, чем автомобиль выбрасывает за свой срок службы⁷. Уже сегодня 4 % глобальных выбросов парниковых газов прихо-

⁵ Об исследовании [Электронный ресурс] // Сайт компании «Технологии Доверия». URL: <https://tedo.ru/esg-digital> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Там же.

⁷ Будущее углеродного следа сектора информации и связи (ИКТ) [Электронный ресурс] // Сайт компании «Data Bridge Market Research». 2023. 11 авг. URL: <https://www.databridgemarketresearch.com/ru/whitepaper/future-of-carbon-footprint-of-information-and-communication> (дата обращения: 01.03.2024).

дится на производство компьютеров и работу IT-индустрии⁸, а с наблюдаемым ростом цифровой индустрии, которая, по предположениям, к 2025 году будет потреблять до 20 % всей электроэнергии в мире (против 7 % в 2023 году)⁹, следует ожидать и увеличения ее негативного экологического следа. Второе ограничение имеет этическое происхождение, особенно это касается искусственного интеллекта. Как правило, для обучения моделей искусственного интеллекта используются исторические данные одной компании, поэтому решения, принятые для данной модели, могут быть необоснованными для применения в других компаниях, тем более относящихся к разным отраслям экономики (Васильев, 2023). Причина третьего ограничения, имеющего финансовый характер, – это высокая стоимость цифровых технологий. Четвертое ограничение связано с ментальностью руководства компаний, которое не видит в цифровых технологиях перспектив использования в реализации ESG-повестки (Афанасьев и Шаш, 2022).

И все же, несмотря на указанные ограничения, цифровые технологии нашли успешное применение в реализации ESG-повестки.

Рассматривая Е-аспект, отметим, что незаменимым инструментом в решении климатической и экологической повестки является комбинация технологий искусственного интеллекта и интернета вещей. Благодаря им создаются «умные» и низкоуглеродные города и устройства, которые способны регулировать потребление электроэнергии, помогают улучшать интеграцию возобновляемых источников энергии через интеллектуальные сети и выявлять тенденции опустынивания с помощью спутниковых изображений (Verhoef et al., 2021). По данным Accenture, более 70 % компаний в мире отмечают эффективность цифровых решений по снижению уровня выбросов, реализованных с использованием искусственного интеллекта¹⁰.

Технологически управление углеродным следом промышленной компании с помощью искусственного интеллекта осуществляется следующим образом: с производственных датчиков отдельных процессов собираются и консолидируются данные, отражающие эмиссию и поглощение парниковых газов; полученный массив данных с помощью машинного обучения преобразуется в предиктивные модели, позволяющие с высокой точностью оценить и оптимизировать процессы компании в целях минимизации углеродного следа (Кондратьева и др., 2022). Подобный технологический процесс, согласно данным BCG, позволит на 3 % сократить выбросы углекислого газа (около 230 тыс. тонн CO₂ в год) и снизить затраты на 40 млн долларов¹¹. Дополни-

⁸ *Выбросы парниковых газов от IT-индустрии оценили в 4 % от общего количества* [Электронный ресурс] // ТАСС. 2021. 10 сент. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/12356637> (дата обращения: 01.03.2024).

⁹ *Гийом Питрон: Черное облако. Цифровые технологии: реальная цена виртуального мира. Часть 1* [Электронный ресурс] // Дзен. 2024. 31 авг. URL: <https://dzen.ru/a/ZtK1n37Z8xqfRvFp> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁰ *What is artificial intelligence?* [Online] // Accenture official website. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/artificial-intelligence-summary-index> (Accessed Mar. 6, 2024).

¹¹ *Devar A., Sudmeijer B. The business case for carbon capture* [Online] // Boston Consulting Group official website. URL: <https://www.bcg.com/publications/2019/business-case-carbon-capture> (Accessed Mar. 6, 2024).

ние искусственного интеллекта технологиями блокчейн обеспечивает прозрачность отслеживания углеродного следа, формируемого на всех этапах производства продукции компании, по всей цепочке поставок и для всех видов охватов (Score 1, 2, 3).

Анализируя роль цифровых технологий в реализации S-составляющей ESG-повестки, следует прежде всего отметить их применимость для создания безопасных условий труда. Технологически это выглядит так: данные об окружающей сотрудников среде, полученные от специальных датчиков и тепловизионных камер, используются для формирования самообучающейся модели, распознающей стандартные рабочие условия и отклонения от нормы, и с помощью предиктивной аналитики определяются опасные рабочие участки и риски, которые могут создавать для сотрудников физическую угрозу (например, опасность падения, незакрепленные объекты оборудования) на рабочем месте. Принятие решений по информированию об угрозах и своевременное их устранение позволяют обеспечить сотрудникам установленные правила безопасности, а проводимый в реальном времени мониторинг – определить тех, кто пренебрегает правилами безопасности (Соболева и Зуга, 2022). Подобная технология особенно важна для сохранения здоровья сотрудников на производствах с высокими температурами во избежание у них «теплого стресса», с загазованностью воздуха CO₂ и летучими органическими соединениями для предотвращения отравления ими и их выброса в атмосферу, с радиацией, повышенным уровнем травматизма и проч. Кроме того, цифровые технологии способны осуществлять не только мониторинг опасных зон и условий труда, но и собирать и анализировать данные о здоровье сотрудников для оперативного оказания им медицинской помощи в случае необходимости.

Искусственный интеллект и интернет вещей востребованы и при создании интеллектуальных офисов, которые позволяют использовать гибкие форматы работы для облегчения социального дистанцирования и предотвращения переполненности рабочего пространства, что, несомненно, способствует не только рационализации труда, но и сохранению здоровья, благополучия и безопасности персонала компаний (Сысоева и Хорошилова, 2023). Цифровые технологии применимы и для объективной оценки работы сотрудников, планирования их обучения и профессионального развития, профилактики профессионального выгорания.

В части G-составляющей ESG-повестки применение цифровых технологий осуществляется в целях реализации ключевых принципов корпоративного управления – прозрачности и подотчетности деятельности (Grove et al., 2021). Использование технологий искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс отчетности – формировать ключевые ESG-показатели посредством сбора и обработки данных, производить расчет ESG-метрик, сравнивать показатели со средними значениями по отрасли и рынку, то есть осуществлять объективный анализ вклада компании в реализацию ESG-повестки, исключая риск человеческой ошибки в расчетах. Дополнительными преимуществами становятся прозрачность

и доступность ESG-отчетности для стейкхолдеров компании. Кроме того, совместное применение искусственного интеллекта и блокчейна позволяет компании проводить аудит ESG-отчетности с целью определения динамики и трендов ESG-показателей, а регуляторам и независимым экспертам – верифицировать отчетность, определять соответствие заявленных корпоративных целей и полученных результатов, принимать в отношении компании соответствующие управленческие и инвестиционные решения (Володина и Траченко, 2023; Камалова и Таибова, 2022; Oehmke and Opp, 2024).

Вовлеченность российских компаний в ESG-повестку

Социальная ответственность бизнеса, конкурентоспособность и лояльное отношение общества к компании напрямую связаны с ее вовлеченностью в реализацию ESG-повестки, принятием ключевых целей устойчивого развития и отчетностью за их достижение перед своими стейкхолдерами (Довбий и Коврижкина, 2022; Rosati and Faria, 2019). В условиях новых вызовов такая философия ответственного ведения бизнеса сохраняет свою актуальность, помогая в решении текущих задач, связанных с рационализацией производства и повышением его эффективности, сохранением рабочих мест и их интеллектуализацией, укреплением партнерских отношений, консолидацией цепочки поставок и проч. (Мишура и Александрова, 2022).

Под влиянием современных геополитических изменений руководство российских компаний уточняет ключевые направления деятельности, определяет эффективные подходы к достижению стратегических целей и решению тактических задач, учитывая при этом свои ресурсные возможности и ограничения, сохраняя приверженность ESG-повестке и при необходимости корректируя приоритеты и подходы к ее реализации (Крюкова и Дорофеев, 2021). Подтверждением долгосрочной приверженности устойчивому развитию в новых условиях санкционных ограничений являются полученные результаты исследования ESG-альянса¹²: до начала специальной военной операции (СВО) значимость ESG членами данного альянса оценивалась в 7 баллов из 10, в начале санкционного «шторма» – в 6, а в 5-летней перспективе оценка возросла до 8,5 балла. Сегодня около 80 % российских компаний из котируемых списков инкорпорируют вопросы устойчивого развития в стратегическое планирование¹³.

Основные результаты компаний, лидирующих в реализации ESG-повестки, полученные до начала СВО, представлены в таблице 1.

¹² Сохранить устойчивость. Перспективы ESG-повестки в России [Электронный ресурс] // Сайт науч.-практ. журн. «Экология производства». С. 7. URL: https://www.ecoindustry.ru/i/news/59688/retain_sustainability_russia_2022.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

¹³ Около 80 % крупных компаний РФ интегрируют вопросы устойчивого развития в стратегии [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2022. 25 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/business/874276> (дата обращения: 11.03.2024).

**Результаты ESG-трансформации российских компаний /
Results of ESG transformation of Russian companies**

Результаты	Содержание
Изменение организационного дизайна	– Создание систем управления устойчивым развитием. – Перенос управления политикой устойчивого развития с операционного уровня менеджмента на уровень советов директоров и акционеров. – Перевод проектного управления ESG в процессный с охватом всей цепочки создания стоимости. – Консолидация компаний, разделяющих принципы ESG и устойчивого развития, на уровне межотраслевых объединений
Принятие стратегий, политик, документов	– Утверждение ESG-стратегий, климатических стратегий и политик (по направлениям). – Интеграция принципов устойчивого развития в общую бизнес-стратегию. – Определение KPI, учитывающих ESG-показатели. – Формирование и публикация ESG-отчетности. – Вхождение группы компаний в международные рейтинги
Финансовые результаты	– Привлечение кредитных линий, по которым выполняются KPI. – Заключение контрактов на реализацию ESG-проектов или начало переговоров с потребителями, поставщиками. – Получение льготного финансирования на строительство производств. – Привлечение зарубежных системных инвесторов, признающих ESG-критерии приоритетными. – Положительное влияние ESG-политики на капитализацию бизнеса. – Размещение «зеленых» облигаций
Разработка или запуск новых проектов в области устойчивого развития	– Выведение на рынок продуктов с улучшенными экосвойствами («зеленая» сталь, топливо с повышенными экологическими стандартами и проч.). – Запуск инновационных разработок, ведение проектов по возобновляемым источникам энергии, замкнутому циклу производства, абсорбции CO₂, переработки мусора. – Модернизация или строительство производственной базы на основе требований экологических стандартов. – Позиционирование существующих экологических и социальных программ в качестве составляющих комплексной ESG-стратегии

Источник: составлено автором на основе данных статистического исследования ESG-альянса¹⁴.

¹⁴ Сохранить устойчивость. Перспективы ESG-повестки ... С. 7.

Согласно исследованию, проведенному в мае – июне 2022 года РСПП¹⁵, 99 % руководителей компаний, участвовавших в опросе, подтвердили неизменную актуальность ESG-повестки и проектов устойчивого развития. При этом 53 % компаний не намерены изменять горизонты планирования ключевых проектов, тогда как 47 % под влиянием кризисной ситуации намерены переосмыслить устоявшиеся представления в области ESG, а также трансформировать ранее намеченные планы и производственные программы с пересмотром содержания, сроков и темпов их реализации. При этом приоритетные темы устойчивого развития для российских компаний связаны прежде всего с Е-составляющей (54 % ответов респондентов), затем следует S-составляющая (33 %) и G-составляющая (12 %) (рис. 3).

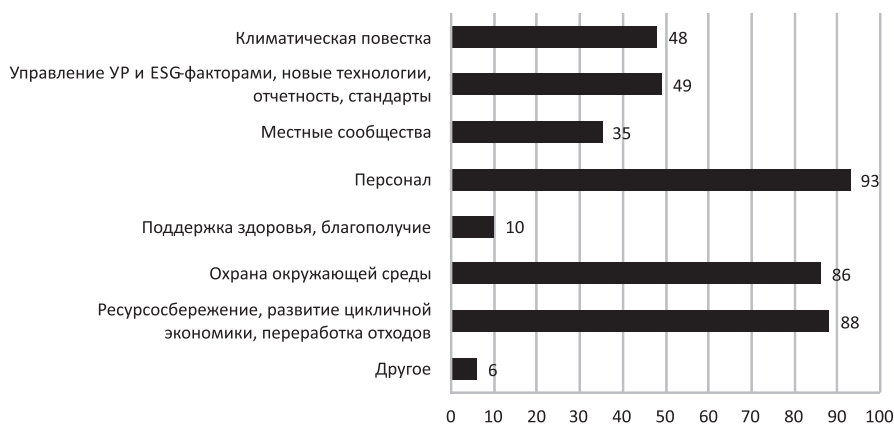

Рис. 3. Приоритетные темы устойчивого развития для российских компаний, % /
Fig. 3. Priority topics of sustainable development for Russian companies, %

Источник: рисунки 3–7 составлены автором на основе исследования РСПП.

Анализ Е-повестки показал, что наиболее значимыми экологическими проектами являются энергоэффективность, обращение с отходами, зеленые проекты. Меньший интерес вызывает переход к экономике замкнутого цикла и к альтернативным источникам энергии (рис. 4).

В области климатической повестки (снижение выбросов парниковых газов и CO₂, энергоэффективность, возобновляемые источники энергии, модернизация оборудования, производство углеродно-нейтральных продуктов) следует отметить, что большая часть респондентов (51 %), в компаниях которых были разработаны планы и проекты по достижению углеродной нейтральности, намерены продолжать их реализовывать в полном объеме; частично сократили подобные проекты 39 % компаний, а 10 % прекратили их реализа-

¹⁵ Повестка устойчивого развития (ESG повестка) в новых российских реалиях (по материалам опроса компаний май – июнь 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рос. союза промышленников и предпринимателей. 2022. С. 3–4. URL: https://rspp.ru/upload/content/84e/ir2hkwpqslxy4aflgzor494kchus5xyz/Rezultaty-oprosa_-povestka-ESG_2022.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

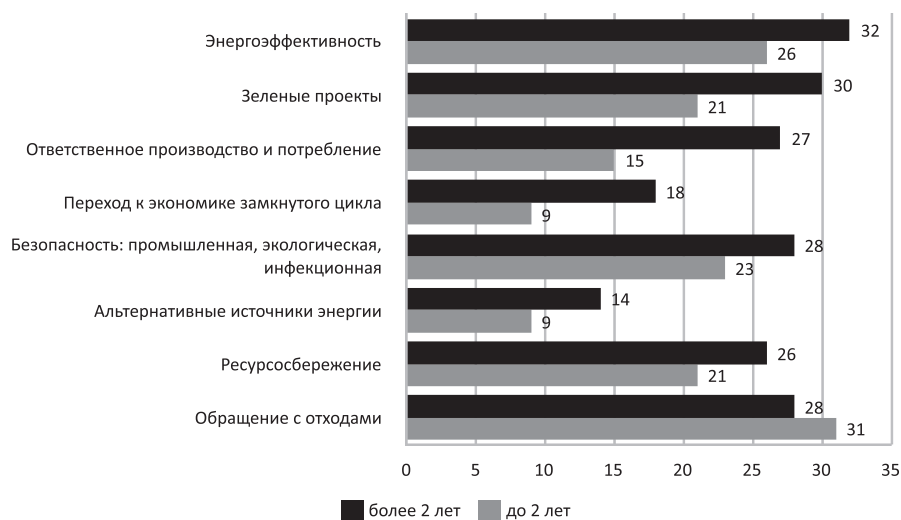

Рис. 4. Приоритетные направления Е-повестки, % /

Fig. 4. Priority areas of the E-agenda, %

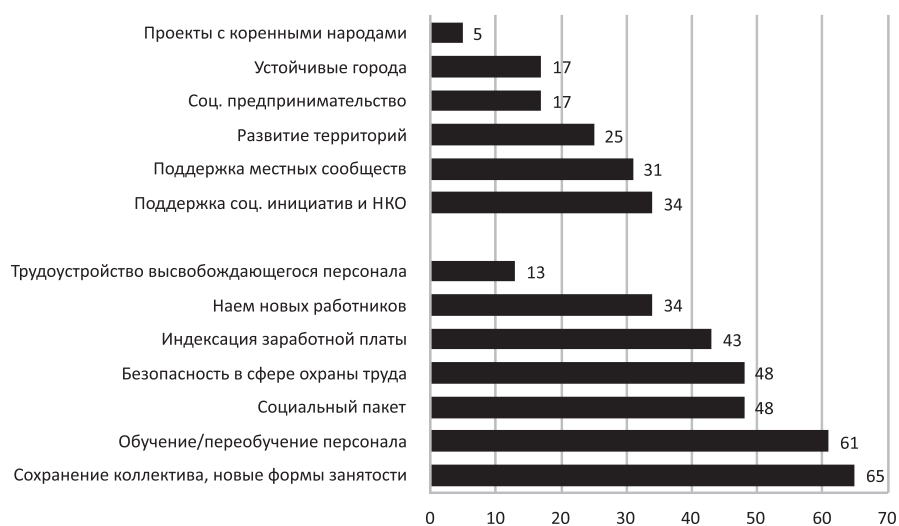

Рис. 5. Приоритетные направления S-повестки, % /

Fig. 5. Priority areas of the S-agenda, %

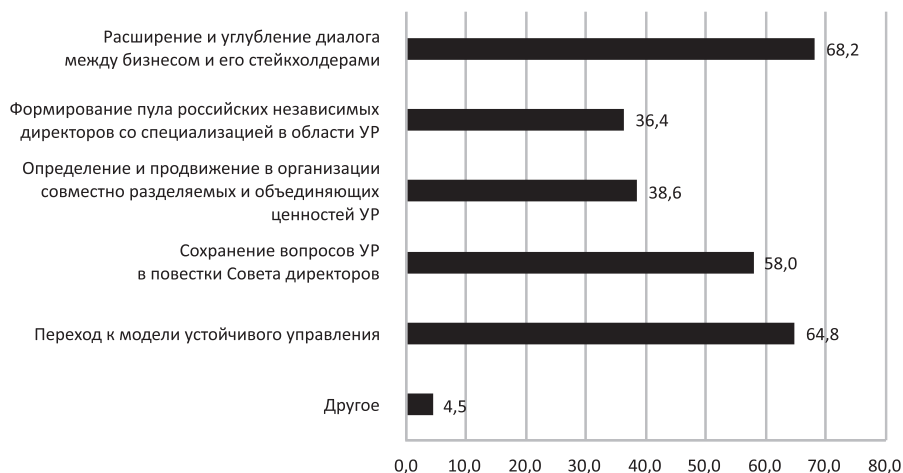

Рис. 6. Приоритетные направления G-повестки, % /

Fig. 6. Priority areas of the G-agenda, %

цию¹⁶. Среди приостановленных проектов – закупка «зеленой» электроэнергии, обновление автопарка, инфраструктурные проекты и новые технологии, реализация крупных инвестиционных проектов в обновлении инженерных систем, пригодная для переработки упаковка, экологическая модернизация в части, зависящей от импортных технологий и оборудования.

Относительно социальной составляющей ESG-повестки, направленной на собственный персонал и на территорию присутствия компании, в качестве приоритетов внутренней социальной политики отмечены сохранение коллектива компании и поиск новых форм занятости, а также обучение собственного персонала; наименьшее значение придается участию компании в трудоустройстве сотрудников, попавших под высвобождение. Во внешней социальной политике основное внимание сфокусировано на поддержке социальных инициатив и НКО, на поддержке местных сообществ и развитии территорий (рис. 5).

В числе приоритетных управленческих задач руководство российских компаний выдвигает развитие диалога с ключевыми стейкхолдерами, системный подход к построению модели устойчивого управления, сохранение вопросов устойчивого развития на стратегическом уровне (рис. 6).

Среди факторов, сдерживающих ускорение реализации ESG-повестки, большая часть респондентов (41 %) называют нестабильность ситуации в стране, связанную с беспрецедентными по своей силе и масштабам санкциями со стороны недружественных стран, закрытие доступа к традиционным рынкам, разрыв устоявшихся партнерских отношений с западными компаниями, трансформацию цепочек поставок и проч. 31 % респондентов указывают на отсутствие ясной национальной ESG-повестки и неопределенность государственной политики в области устойчивого развития, слабое стимулирующее влияние органов власти на реализацию ESG-проектов

¹⁶ Там же. С. 7.

и проч. Такая же доля (31 %) респондентов в качестве барьеров реализации ESG-повестки определяет низкую информированность гражданского общества о ее содержании и важности ESG-инициатив для устойчивого развития на уровне страны и всего социума; также указывается на недостаток профессиональной компетентности кадров, занимающихся вопросами устойчивого развития, консервативность мышления топ-менеджмента и проч. 5 % респондентов настаивают на необходимости ресурсной поддержки бизнеса и НКО, реализующих социальные и экологические проекты¹⁷.

Итоги реализации ESG-повестки находят отражение в нефинансовой отчетности компаний. Анализ корпоративных нефинансовых отчетов, выпущенных российскими компаниями в 2021–2022 годах¹⁸, подтверждает, что национальный бизнес остается в повестке устойчивого развития (рис. 7).

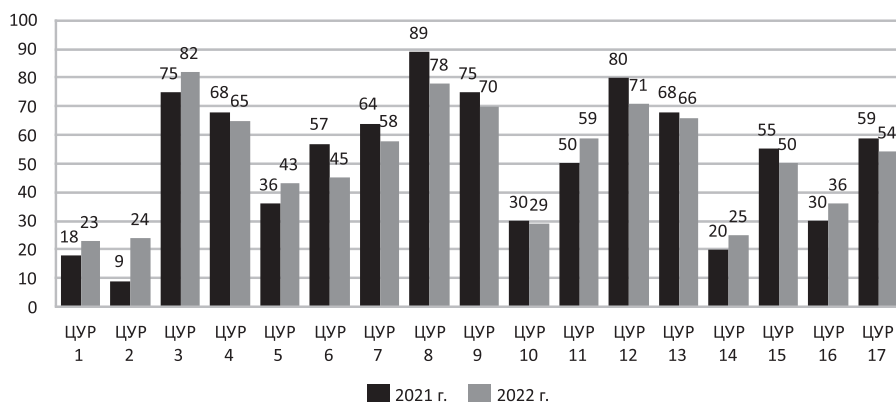

Рис. 7. Приоритетные направления в реализации повестки устойчивого развития российских компаний, % / Fig. 7. Priority areas in implementing the sustainable development agenda for Russian companies, %

Более 50 % отчитывающихся компаний по результатам решения вопросов ESG-повестки определили для себя 11 ключевых ЦУР ООН, гармонизирующих с национальными целями развития России. 5-топ целей, на достижение которых максимально ориентированы российские компании, составляют: ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие», ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство», ЦУР 13 «Борьба с изменениями климата», ЦУР 4 «Качественное образование».

Моделирование национального ESG-ландшафта

Анализ отдельных аспектов ESG-повестки, безусловно, представляет собой очень важную задачу. Он необходим в первую очередь для понимания природы и особенностей влияния каждой составляющей повестки, нахождения для ее реализации оптимальных инструментов и механизмов, определе-

¹⁷ Там же. С. 11–12.

¹⁸ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Рос. союза промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/register/ (дата обращения: 09.03.2024).

ния ожидаемых результатов (Батаева, 2020; Chen et al., 2022). Вместе с тем, учитывая, что для создания устойчивого бизнеса, который должен учитывать влияние на него комплекса факторов и вырабатывать на них системные и стратегические решения, сегодня правильнее говорить о целостном подходе к интеграции ESG-принципов во все бизнес-процессы и сферы деятельности компании, а это уже составляет смысловую основу ESG-трансформации бизнеса (Замбровская и др., 2022).

Развивая подходы к моделированию ESG-трансформации на уровне страны, необходимо рассматривать этот процесс в рамках целостной экосистемы, участниками которой выступают государство, компании, инвестиционное сообщество, общественность.

Государство, как ключевой участник экосистемы, выполняет несколько ролей – регулятора, потребителя (закупка товаров с улучшенными экологическими характеристиками), инвестора (финансирование экологических и социально значимых проектов, программ), заемщика (эмиссия «зеленых» облигаций), – в каждой из которых оно устанавливает четкие, единые ESG-критерии и на их основе создает государственный институт верификации. Отдельно следует остановиться на роли регулятора с позиции жесткого и мягкого регулирования. Так, Президентом Российской Федерации подписан Указ «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации»¹⁹, принят Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов»²⁰, принято Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил оценки достижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов...»²¹; вышла первая национальная таксономия социальных проектов²²; Минэкономразвития России подготовлены рекомендации по формированию и раскрытию добровольной нефинансовой отчетности²³ и представлен на дальнейшее рассмотрение операционный план по реализации стратегии низкоуглеродного развития, дополнены основные направления устойчивого (в том числе «зеленого») развития, вследствие чего рынок российских ESG-облигаций в 2023 году вырос на треть.

¹⁹ Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 26.10.2023 № 812. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009> (дата обращения: 02.03.2024).

²⁰ Об ограничении выбросов парниковых газов [Электронный ресурс]: Федер. закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031> (дата обращения: 02.03.2024).

²¹ Об утверждении Правил оценки достижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов и о внесении изменения в подпункт “а” подпункта 9 пункта 5 Положения о Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 24.03.2022 № 449. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203250048> (дата обращения: 02.03.2024).

²² О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30.12.2023 № 2415. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312310010> (дата обращения: 02.03.2024).

²³ Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии [Электронный ресурс]: Приказ М-ва экон. развития Рос. Федерации от 01.11.2023 № 764. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_1_noyabrya_2023_g_764.html (дата обращения: 02.03.2024).

Важными составляющими мягкого регулирования, в дополнение к вышеназванным обязательным к исполнению документам, являются, в частности, принятые в 2015 году ЦУР ООН, а также международные стандарты: стандарты GRI, нацеленные на подготовку отчетности компаний, раскрывающей их существенное воздействие на экономику, окружающую среду и социальную сферу; SASB – набор отраслевых стандартов учета устойчивого развития, в соответствии с которым компании раскрывают информацию об устойчивом развитии, а инвесторы, оценивая ее, принимают инвестиционные решения применительно к анализируемой компании; ISO – серия стандартов, одним из которых является ISO 14001 – стандарт для систем экологического менеджмента, призванный обеспечить оперативную охрану окружающей среды с целью минимизации негативного воздействия на нее; CDP – стандарт, применимый для управления углеродным следом.

Названные и ряд других стандартов в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности весьма значимы для бизнеса и для его внешних стейкхолдеров, включая регуляторов, надзорные органы, профессиональные объединения и ассоциации, инвестиционное сообщество. Компании, использующие в своей деятельности данные стандарты, кроме всего прочего, показывают более высокий уровень подготовленности к экологическим, социальным и управленческим рискам, занимают более устойчивую рыночную позицию, укрепляют деловую репутацию и повышают свою капитализацию, тем самым демонстрируя инвесторам и партнерам перспективность сотрудничества с ними, рентабельность и прибыльность потенциальных инвестиций.

Ответственные инвесторы, руководствуясь не только критериями доходности своих инвестиций, особое внимание стали уделять экологической и социальной оценке предлагаемых для финансирования проектов, с тем чтобы убедиться в соответствии объектов инвестирования принципам и ценностям собственной ESG-стратегии. Компании, приступившие или уже реализующие процессы ESG-трансформации и сообщающие о достигнутых результатах в своей нефинансовой отчетности, становятся в этом аспекте привлекательными объектами инвестирования.

Компании, позиционирующие себя как ESG-трансформирующиеся, должны:

1) *на стратегическом уровне*: принять документы в области устойчивого развития, включая ESG-стратегию, в разработку которых должны быть вовлечены ключевые стейкхолдеры компании; разработать систему целей и KPI в области ESG и учитывать их при выстраивании партнерских отношений и формировании цепочки создания стоимости; ввести в состав совета директоров независимого директора с ESG-компетенциями и создать комитет по ESG-трансформации;

2) *на исполнительном уровне*: сформировать рабочую группу по ESG-трансформации с подчинением топ-менеджменту; создать структурное подразделение с вмененным функционалом осуществления масштабирования ESG-практик по всем направлениям деятельности;

3) *в документационном обеспечении управления*: осуществлять экспертизу разработанных документов на соответствие принятым в компании ключевым целям устойчивого развития и ESG-критериям;

4) *на уровне цифровой поддержки ESG-трансформации*: обеспечить создание цифровой инфраструктуры, необходимой для реализации ESG-проектов, и достаточное по объему финансирование цифрового развития компании; обеспечить формирование цифровых компетенций у персонала в сочетании с владением технологиями интегрирования ESG-принципов в бизнес-процессы компании и предотвращения возможных рисков и угроз;

5) *на уровне корпоративной культуры*: развивать внутренние коммуникации между службами, ответственными за разные направления ESG-трансформации, такие, например, как реализация социальных программ и экологических проектов, обеспечение охраны труда и пожарной безопасности, цифровое сопровождение всех реализуемых аспектов ESG-деятельности, взаимодействие с инвесторами;

6) *для повышения инвестиционной привлекательности и в целях размещения ценных бумаг на фондовых биржах*: предусмотреть подготовку отчетов об управлении ESG-рисками, раскрывать ESG-информацию для вхождения в ESG-рейтинги и присвоения ESG-индексов;

7) *в области управления персоналом*: проводить политику информирования о важности ESG-трансформации для достижения социального благополучия и экологической безопасности; мотивировать сотрудников на ответственное потребление ресурсов и повышение ESG-компетенций; стимулировать к генерированию ESG-новаций;

8) *для построения конструктивного диалога со всеми ключевыми стейкхолдерами в области решения экономических, экологических и социальных проблем*: регулярно выпускать нефинансовые отчеты, включая стейкхолдеров в процесс их формирования.

Роль общественности в формировании повестки устойчивого развития весьма трудно переоценить, поскольку она должна формировать запрос на позитивную повестку ESG, отслеживать результаты ее выполнения и давать им оценку, вступая в открытый диалог с государством и бизнесом. Вместе с тем низкий уровень общественного запроса в России на экологическую и социальную тематику лишает процесс ESG-трансформации одного из мощнейших стимулов развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вызовы, с которыми сталкивается вся российская экономика и бизнес-сектор в частности, весьма существенны. Связаны они с трансформацией экономики, изменениями социальной и природной среды, климатической повесткой, широким внедрением цифровых технологий и новых форм занятости, решением задач в сфере развития человеческого потенциала, рационального производства и потребления, ресурсосбережения, создания экономики замкнутого цикла, а также с необходимостью импортозамещения, противодействия антироссийским санкциям. При этом бизнес, прежде всего круп-

ные компании, подтверждает актуальность повестки устойчивого развития в парадигме ESG и намерен продолжать движение в этом направлении, уточняя при необходимости стратегии и направления деятельности по срокам, приоритетам, акцентам. Практика компаний, действующих в соответствии с принципами ответственного ведения бизнеса, показывает, что повышение качества управления ESG-факторами и рисками играет существенную роль в реализации принятых стратегий и в решении оперативных задач по всему спектру и контуру бизнес-процессов. Передовой российский бизнес продолжает поиск и внедрение эффективных технологий в сфере корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития, все чаще находящих воплощение в модели ESG-трансформации.

Список источников

Афанасьев М. П., Шапш Н. Н. ESG трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6. С. 185–197. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-185-197>.

Батаева Б. С. Интеграция целей устойчивого развития ООН в программы государства и крупного бизнеса // Самоуправление. 2020. Т. 2, № 1. С. 59–63.

Васильев Д. П. Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 74–88. <https://doi.org/10.24158/пер.2023.8.9>.

Володина А. О., Траченко М. Б. Доходность ESG инвестирования на развитых и развивающихся рынках с учетом временного горизонта // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 2. С. 59–73. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-59-73>.

Глазов Р. В., Глазова Е. Д. ESG-повестка в России: современные вызовы // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6. С. 1362–1368. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.143.6.255>.

Довбий И. П., Коврижкина Л. Н. Социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации // Управление в современных системах. 2022. № 2. С. 20–32. <https://doi.org/10.24412/2311-1313-34-20-32>.

Жукова Е. В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. № 6. С. 68–82. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-68-82>.

Замбровская Т. А., Грищенко А. В., Грищенко Ю. И. Ключевые аспекты устойчивого развития Российской Федерации в контексте ESG // Менеджмент в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 86–96.

Камалова А. О., Таибова Р. А. ESG критерии и ESG факторы в инвестиционной политике // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4. С. 208–212. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.61.480>.

Кондратьева О. Е., Локтионов О. А., Кузнецов Н. С. Обзор и сравнительный анализ цифровых инструментов оценки углеродного следа // XXI век. Техносферная безопасность. 2022. Т. 7, № 4. С. 305–313. <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2022-4-305-313>.

Крюкова И. В., Дорофеев М. Л. Вовлеченность крупных российских корпораций в реализацию целей устойчивого развития ООН: оценка текущих достижений и возможностей развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 4. С. 63–76. <https://doi.org/10.17308/econ.2021.4/3660>.

Марголин А. М., Вякина И. В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 3. С. 352–368. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.3.352-368>.

Мишура Л. Г., Александрова В. С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества – вызовы современности // Modern Economy Success. 2022. № 4. С. 93–96.

Панасюк Е. А. Устойчивое развитие: теоретические аспекты // Новое в экономической кибернетике. 2021. № 2. С. 180–187.

Соболева Г. В., Зуга Е. И. Вовлеченность российских компаний в реализацию ESG-повестки: социальный и корпоративный аспект в контексте нефинансовой отчетности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. Т. 38, № 3. С. 365–384. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.302>.

Сысоева Е. А., Хорошилова Т. И. Инструменты управления промышленными предприятиями на основе принципов бережливого производства и ESG // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-123-133>.

Шиян А. А. Современные вызовы ESG-повестки // Экономический вектор. 2022. № 4. С. 31–35. <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2022-4-31-31-35>.

Bolton P., Kasperczyk M. Do investors care about carbon risk? // NBER Working Paper Series. 2020. № w26968. 80 p.

Chen L., Msigwa G., Yang M. et al. Strategies to achieve a carbon neutral society: A review // Environmental Chemistry Letters. 2022. Vol. 20. P. 2277–2310. <https://doi.org/10.1007/s10311-022-01435-8>.

Grove H., Clouse M., Xu T. Climate change risk: Challenge for corporate governance // Journal of Governance and Regulation. 2021. Vol. 10, № 2 (special issue). P. 258–268. <https://doi.org/10.22495/jgrv10i2siart7>.

Khan M. Corporate governance, ESG, and stock returns around the world // Financial Analysts Journal. 2019. Vol. 75, № 4. P. 103–123. <https://doi.org/10.1080/0015198X.2019.1654299>.

Oehmke M., Opp M. M. A theory of socially responsible investment // Swedish Review of Economic Studies (Forthcoming), Swedish House of Finance Research Paper. 2024. 53 p., <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3467644>.

Rosati F., Faria L. G. D. Business contribution to the sustainable development agenda – Organizational factors related to early adoption of SDG reporting // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2019. Vol. 26, № 3. P. 588–597. <https://doi.org/10.1002/csr.1705>.

Terent'ev N. E. Climate change as a factor in the development of companies: Corporate strategies and guidelines for state industrial policy // Studies on Rus-

sian Economic Development. 2021. Vol. 32. P. 485–491. <https://doi.org/10.1134/S1075700721050130>.

Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y. et al. Digital transformation: A multi-disciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. P. 889–901. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>.

Информация об авторе

М. А. Измайлова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления факультета экономики и бизнеса ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2

SPIN-код (РИНЦ): 4642-5831

AuthorID (РИНЦ): 491845

Web of Science ResearcherID: X-8663-2019

Scopus Author ID: 57189310428

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 03.04.2024; принята к публикации 03.04.2024.

References

Afanas'ev, M. P. and Shash, N. N. (2022), "ESG transformation in the corporate sector: Systematization of a global approach", *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, no. 6, pp. 706–714, <https://doi.org/10.1134/S1075700722060028>.

Bataeva, B. S. (2020), "Integration of sustainable development goals into state and large business programs", *Samoupravlenie*, vol. 2, no. 1, pp. 59–63.

Vasilyev, D. P. (2023), "Formation of international artificial intelligence governance regimes: Key trends and main actors", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 8, pp. 74–88, <https://doi.org/10.24158/pep.2023.8.9>.

Volodina, A. O. and Trachenko, M. B. (2023), "ESG investment profitability in developed and emerging markets with regard to the time horizon", *Financial Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 59–73, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-59-73>.

Glazov, R. V. and Glazova, E. D. (2022), "ESG agenda in Russia: Modern challenges", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 6, pp. 1362–1368, <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.143.6.255>.

Dovbiy, I. P. and Kovrizhkina, L. N. (2022), "Social responsibility of business in the context of ESG transformation", *Management in Modern Systems*, no. 2, pp. 20–32, <https://doi.org/10.24412/2311-1313-34-20-32>.

Zhukova, E. V. (2021), "Key trends in ESG-agenda development: Reviewing the situation in Russia and the world", *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, no. 6, pp. 68–82, <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-68-82>.

Zambrovskaya, T. A., Grishchenko, A. V. and Grishchenko, Yu. I. (2022), "Key aspects of sustainable development of the Russian Federation in the context of ESG", *Management in Russia and Abroad*, no. 2, pp. 86–96.

Kamalova, A. O. and Taibova, R. A. (2022), "ESG criteria and ESG factors in investment policy", *Business. Education. Law*, no. 4, pp. 208–212, <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.61.480>.

Kondratyeva, O. E., Loktionov, O. A. and Kuznetsov, N. S. (2022), "Overview and comparative analysis of digital carbon footprint assessment tools", *XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost' = XXI century. Technosphere Safety*, vol. 7, no. 4, pp. 305–313, <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2022-4-305-313>.

Kryukova, I. V. and Dorofeev, M. L. (2021), "Involvement of major Russian corporations with the fulfilment of the UN's sustainable development goals: Assessment of current achievements and development opportunities", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no. 4, pp. 63–76, <https://doi.org/10.17308/econ.2021.4/3660>.

Margolin, A. M. and Vyakina, I. V. (2022), "Risks, threats and mechanisms of management systems ESG-transformation", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 13, no. 3, pp. 352–368, <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.3.352-368>.

Mishura, L. G. and Aleksandrova, V. S. (2022), "The concept of sustainable development and ESG-transformation of society – Challenges of modernity", *Modern Economic Success*, no. 4, pp. 93–96.

Panasiuk, E. A. (2021), "Sustainable development: Theoretical aspects", *New in Economic Cybernetics*, no. 2, pp. 180–187.

Soboleva, G. V. and Zuga, E. I. (2022), "The participation of Russian companies in the implementation of the ESG agenda: Social and corporate aspects in the context of non-financial reporting", *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 38, no. 3, pp. 365–384, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.302>.

Sysoeva, E. A. and Khoroshilova, T. I. (2023), "Tools for industrial enterprises management based on the principles of lean manufacturing and ESG", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, vol. 13, no. 2, pp. 123–133, <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-123-133>.

Shiian, A. A. (2022), "Key challenges of ESG agenda", *Economic Vector*, no. 4, pp. 31–35, <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2022-4-31-31-35>.

Bolton, P. and Kacperczyk, M. (2020), "Do investors care about carbon risk?", *NBER Working Paper Series*, no. w26968, 80 p.

Chen, L., Msigwa, G., Yang, M., et al. (2022), "Strategies to achieve a carbon neutral society: A review", *Environmental Chemistry Letters*, vol. 20, pp. 2277–2310, <https://doi.org/10.1007/s10311-022-01435-8>.

Grove, H., Clouse, M. and Xu, T. (2021), "Climate change risk: Challenge for corporate governance", *Journal of Governance and Regulation*, vol. 10, no. 2 (special issue), pp. 258–268, <https://doi.org/10.22495/jgrv10i2siart7>.

Khan, M. (2019), "Corporate governance, ESG, and stock returns around the world", *Financial Analysts Journal*, vol. 75, no. 4, pp. 103–123, <https://doi.org/10.1080/0015198X.2019.1654299>.

Oehmke, M. and Opp, M. M. (2024), "A theory of socially responsible investment", *Swedish Review of Economic Studies (Forthcoming)*, *Swedish House of Finance Research Paper*, 53 p., <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3467644>.

Rosati, F. and Faria, L. G. D. (2019), "Business contribution to the sustainable development agenda – Organizational factors related to early adoption of SDG

reporting”, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 26, no. 3, pp. 588–597, <https://doi.org/10.1002/csr.1705>.

Terent'ev, N. E. (2021), “Climate change as a factor in the development of companies: Corporate strategies and guidelines for state industrial policy”, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 32, pp. 485–491, <https://doi.org/10.1134/S1075700721050130>.

Verhoef, P. C., Broekhuizen, T., Bart, Y. et al. (2021), “Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda”, *Journal of Business Research*, vol. 122, pp. 889–901, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>.

Information about the author

M. A. Izmailova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Management, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN-code (RSCI): 4642-5831

AuthorID (RSCI): 491845

Web of Science ResearcherID: X-8663-2019

Scopus Author ID: 57189310428

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 03.04.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 436–458.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 436–458.

Научная статья

УДК 338.5

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-436-458>

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТЬЮ ПРОДУКЦИИ В ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Мария Олеговна Якушева¹, Сергей Олегович Медведев²✉

^{1, 2} Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

¹ m_o_pozdnyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2015-8246>

² medvedev_serega@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7459-3150>

Аннотация. Введение: лесную отрасль в современной России нельзя назвать ведущей: при наличии самых крупных в мире запасов лесных ресурсов вклад лесопромышленного комплекса (ЛПК) в валовой внутренний продукт страны составляет менее 1 %. Проблемы эффективности управления лесной отраслью вскрываются регулярно в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. Авторы настоящего исследования обращают внимание на экономическую природу проблем эффективности управления лесопромышленным производством, в частности на один из ключевых объектов управления – себестоимость продукции. **Цель:** комплексно исследовать существующую методическую базу, используемую в отечественном ЛПК для расчета себестоимости продукции, выявить ключевые проблемы в этой области и определить основные возможности по управлению себестоимостью. **Методы:** ретроспективный анализ и контент-анализ нормативных правовых актов в области учета себестоимости на предприятиях лесной отрасли, анализ, в том числе статистический, и синтез. Предложенные программные продукты были апробированы на примере лесозаготовительного предприятия, полученные результаты подвергнуты широкому спектру исследований общими методами анализа и сравнения. **Результаты:** определены ключевые подходы к оценке себестоимости продукции. Выявлены три наиболее весомых компонента себестоимости лесоматериалов, для которых предложены варианты управления (снижения). Для эффективного управления себестоимостью предложен и апробирован комплекс взаимосвязанных программных продуктов, основная цель которого – оптимизация разнообразных процессов и повышение общей эффективности деятельности. **Выводы:** управление лесозаготовительным процессом, в том числе благодаря должному информационному сопровождению, ведет к снижению себестоимости лесоматериалов, что в конечном счете сказывается на себестоимости всей продукции отрасли. Оценка эффективности управленческих воздействий и различных аспектов текущей деятельности должна выполняться с применением комплекса взаимосвязанных программных продуктов.

Ключевые слова: себестоимость, нормативный правовой акт, лесозаготовительное производство, информационные ресурсы, эффективность, древесные ресурсы, управление

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10002 «Исследование конкурентоспособности и эффектив-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ности предприятий лесной промышленности в условиях устойчивого развития российского общества», <https://rscf.ru/project/22-78-10002/>.

Для цитирования: Якушева М. О., Медведев С. О. Проблемы эффективности управления себестоимостью продукции в лесной отрасли: информационный аспект // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 436–458. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-436-458>.

Original article

PRODUCT COST MANAGEMENT EFFECTIVENESS ISSUES IN THE FORESTRY INDUSTRY: INFORMATION ASPECT

Maria O. Yakusheva¹, Sergey O. Medvedev²✉

^{1,2} Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

¹ m_o_pozdnyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2015-8246>

² medvedev_serega@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7459-3150>

Abstract. Introduction: forestry industry in modern Russia cannot be called the leading one: with the world's largest reserves of forest resources, the contribution of the timber industry to the country's GDP is less than 1%. The problems of effective management in the forest industry are regularly revealed in the works of both domestic and foreign scientists. In the framework of this study, the authors focus on economic nature of the problems in effectiveness of timber production management, in particular, to one of the key objects of management – the cost of production. **Objectives:** to conduct a comprehensive study of the existing methodological base used in the domestic timber production for calculating the production cost, identify key problems in this area and identify the main opportunities for cost management. **Methods:** retrospective and content analysis of regulatory legal acts in the field of cost accounting at enterprises of the forest industry, analysis, including statistical one, synthesis. The proposed software products were tested for the case of a logging enterprise; the results obtained were reviewed in a wide range of studies using general methods of analysis and comparison. **Results:** key approaches to estimating the production costs were revealed. Three most significant components of the cost of timber were identified, for which management (reduction) options were proposed. For effective cost of timber management, a complex of interrelated software products has been proposed and tested, the main purpose of which is to optimize a variety of enterprise processes and increase the overall efficiency of activities. **Conclusions:** the logging process management, including a proper information support, leads to a reduction in the cost of timber, which in turn affects the cost of all products in the industry. Assessment of management impacts effectiveness and various aspects of current activities should be carried out using a set of interrelated software products.

Keywords: cost, regulatory legal act, logging production, information resources, efficiency, wood resources, management

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10002 “Research of competitiveness and efficiency of forest industry enterprises in the context of sustainable development of Russian society”, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10002/>.

For citation: Yakusheva, M. O. and Medvedev, S. O. (2024), "Product cost management effectiveness issues in the forestry industry: Information aspect", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 436–458, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-436-458>.

ВВЕДЕНИЕ

Лесную отрасль в современной России нельзя назвать ведущей: при наличии самых крупных в мире запасов лесных ресурсов вклад лесопромышленного комплекса (ЛПК) в валовой внутренний продукт страны составляет менее 1 %. Проблемы эффективности управления лесной отраслью вскрываются регулярно в работах как отечественных, так и зарубежных ученых (Бабакова и др., 2021; Гордеев и Пыжев, 2023; Bocci et al., 2020; Palátová et al., 2023). Одновременно и причиной, и следствием, и основным симптомом неэффективности управления лесной отраслью можно назвать низкий экономический эффект от заготовки леса и производства из него продукции потребления. Наиболее очевидно он выражается в показателях рентабельности, низких в сравнении и с другими отраслями народного хозяйства, и с показателями лесопромышленного комплекса других стран (Антонова, 2021; Логинов и др., 2020; Петров и др., 2019; Шум, 2023). Среди возможных причин низкой эффективности экономики ЛПК выделяют как естественно-природные факторы (связанные со специфичностью добычи природных ресурсов в условиях нашей страны), так и производственно-технические, а также сугубо экономические. В рамках настоящего исследования внимание авторов обращено на экономическую природу проблем эффективности управления лесопромышленным производством, в частности на один из ключевых объектов управления – себестоимость продукции.

Себестоимость, будучи одной из наиболее простых, базовых с точки зрения бухгалтерского учета категорий, является в то же время очень гибкой, легко поддающейся прямому воздействию инструментов финансового управления предприятием (Rinn et al., 2023). Зачастую себестоимость сама становится самостоятельным инструментом финансового администрирования – когда посредством изменения ее параметров пытаются добиться изменений общего финансового положения.

В отечественной практике расчет себестоимости на производственных предприятиях ЛПК производится по общим принципам теории экономики предприятия и основ анализа финансово-хозяйственной деятельности, а также на основании собственного хозяйственного опыта. Внутри крупных организаций, имеющих свой административно-финансовый и нормотворческий аппарат, создаются локальные нормативные акты в виде положений или методик. Данные документы являются подробными инструкциями, опирающимися на требования законодательства в области бухгалтерского и финансового учета, а также на традиционно сложившиеся в компании правила и служат для обеспечения слаженной и ритмичной работы ее отдельных подразделений или хозяйственных единиц.

Цель данной работы – провести комплексное исследование существующей методической базы, используемой в отечественном ЛПК для расчета себестоимости продукции, выявить ключевые проблемы в этой области и определить основные возможности по управлению себестоимостью.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа опирается на существующую и действовавшую ранее нормативно-правовую базу в части учета себестоимости на лесопромышленных предприятиях России. Анализ был использован для оценки структуры себестоимости действующих производств, а также оценки вариантов управления данной категорией.

Государственное регулирование в области расчетов себестоимости носит скорее рекомендательный характер и служит по большей части для определения правил взаимодействия налоговых органов и хозяйствующих субъектов. К такому выводу авторы пришли в ходе исследования нормативных правовых актов (НПА), изданных и применявшихся с периода действия плановой экономики СССР по текущий момент и содержащих правила расчета себестоимости (табл. 1). Ретроспективный анализ обозначенных документов, а также их подробный контент-анализ с учетом экономических, политических и социальных изменений, происходивших в стране и за ее пределами, позволил установить основные цели их внедрения.

Первые правоустанавливающие документы в области учета себестоимости на промышленных предприятиях создавались в условиях стабильной плановой экономики СССР 1970-х годов и преследовали цели унификации и стандартизации процессов в работе народного хозяйства страны. При этом ряд исследователей считают, что данному периоду было присуще заведомо ложное завышение показателей эффективности работы предприятий на местах в погоне за выполнением установленных плановых норм (Harrison, 2011; Shenfield, 1983). Несмотря на то, что данные о масштабах и объемах некорректного предоставления отчетности отсутствуют, практика показывает, что такой подход существовал. При этом отдельные способы «вуалирования» отчетности были, есть и будут, что вполне объяснимо комплексом факторов (Мельник, 2015). Однако общая политика в стране была нацелена на создание прозрачных условий ведения деятельности, открытость данных и учет всех возможных элементов деятельности. Ключевая цель со стороны государства, помимо множества других, заключалась в формировании объективной информации для проведения фискальной политики – пополнения бюджетов различных уровней соответствующими платежами. У предприятия цель была иная. Но только корректный учет позволял вести эффективную управленческую деятельность, достигать высоких результатов, быть конкурентоспособными. При этом также следует понимать, что официальная и внутренняя отчетность на предприятиях могли существенно различаться. Более того, информация о состоянии бизнеса могла отличаться в его различных подразделениях и структурах.

Таблица 1 / Table 1

Ретроспективный анализ и контент-анализ нормативных правовых актов в области учета себестоимости на предприятиях / Retrospective and content analysis of regulations in the field of cost accounting at enterprises

Документ (дата ввода в действие)	Документ ориентирован на ЛПК (да/нет)	Содержание	Цель
Основные положения по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на промышленных предприятиях ¹ (01.01.1971)	Нет	Подробный разбор сущности и составных элементов себестоимости продукции промышленного производства. Классификация всех возможных затрат, типовые номенклатуры статей расходов	Внедрение методов планирования, обеспечения оптимального уровня затрат и повышение эффективности производства; единообразное определение состава затрат, образующих себестоимость промышленной продукции; применение единых в своей основе методов планирования и учета этих затрат, а также калькулирования себестоимости продукции на всех промышленных предприятиях СССР
Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости промышленной продукции на предприятиях лесного хозяйства ² (06.08.1985)	Да	Детализированная и структурированная методика оценки себестоимости продукции (в том числе расходов по транспортировке и заготовке леса)	Усиление работы по экономии и рациональному использованию сырья, топливно-энергетических и других материальных ресурсов СССР

¹ Основные положения по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на промышленных предприятиях [Электронный ресурс]: Метод. рекомендации, утв. Госпланом СССР, Госкомцен СССР, Минфином СССР, ЦСУ СССР 20.07.1970. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101032/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости промышленной продукции на предприятиях лесного хозяйства [Электронный ресурс]: Метод. рекомендации, утв. Гослесхозом СССР 06.08.1985. URL: https://ussrdoc.narod.ru/ussrdoc_narod/ust_12851.htm (дата обращения: 19.01.2024).

Документ (дата ввода в действие)	Документ ориентирован на ЛПК (да/нет)	Содержание	Цель
Положение о составе затрат по производству и реализации продукции (работ, услуг), включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг), и о порядке формирования финансовых результатов, учитываемых при налогообложении прибыли ³ (05.08.1992)	Нет	Уточнения в части разделения государственного и частного имущества в вопросах формирования себестоимости: формы владения ресурсами, страховые отчисления, банковские услуги и т. д.	Упорядочение вопросов налогообложения прибыли промышленных предприятий в условиях новой рыночной экономики Российской Федерации
Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса ⁴ (16.07.1999) и последующая редакция ⁵ (26.12.2002)	Да	Подробный экономико-методический документ. Представлен детальный и структурированный анализ себестоимости, методики планирования и учета отдельных затрат и их влияния на финансовые результаты	Обеспечение единообразного определения состава затрат, образующих себестоимость промышленной продукции; применение единых методов планирования и учета этих затрат, а также калькулирования себестоимости продукции на всех предприятиях лесопромышленного комплекса Российской Федерации

³ Об утверждении Положения о составе затрат по производству и реализации продукции (работ, услуг), включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг), и о порядке формирования финансовых результатов, учитываемых при налогообложении прибыли [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 05.08.1992 № 552. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_737/ (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса [Электронный ресурс]: утв. М-вом экономики Рос. Федерации 16.07.1999. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902099223> (дата обращения: 17.01.2024).

⁵ Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса [Электронный ресурс]: утв. М-вом пром-сти, науки и технологий Рос. Федерации 26.12.2002. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105793/ (дата обращения: 17.01.2024).

Документ (дата ввода в действие)	Документ ориентирован на ЛПК (да/нет)	Содержание	Цель
Отраслевые особенности состава затрат, включаемых в себестоимость продукции на предприятиях лесопромышленного комплекса ⁶ (19.10.1994)	Да	Информация о специфичных для лесной отрасли затратах	Уточнение разработанных инструкций в связи со спецификой деятельности в ЛПК
Программа реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности ⁷ (06.03.1998)	Нет	Утверждение плана мероприятий по реализации реформы (по направлениям), при этом методические указания как таковые не предлагаются. Обоснование необходимости проведения реформирования системы учета и отчетности в России	Формирование системы стандартов учета и отчетности, обеспечивающих полезной информацией пользователей, в первую очередь инвесторов; обеспечение увязки реформы бухгалтерского учета в России с основными тенденциями гармонизации стандартов на международном уровне

Источник: составлено авторами.

⁶ Отраслевые особенности состава затрат, включаемых в себестоимость продукции на предприятиях лесопромышленного комплекса [Электронный ресурс]: Метод. рекомендации, утв. М-вом экономики Рос. Федерации 19.10.1994. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28866 (дата обращения: 20.01.2024).

⁷ Об утверждении Программы реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 06.03.1998 № 283. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18125/ba9b085f177621c2b173993a2b3dc54b0d0eb053/ (дата обращения: 20.01.2024).

Следующим шагом стала ориентация всего цивилизованного мира на сохранение экологического равновесия. В 1980-х годах для развитых стран характерно стремление к бережливому использованию природных ресурсов. Тогда же появляется первая отраслевая инструкция, ориентированная на предприятия лесного комплекса⁸. Данный документ отражает стремление руководства страны к экономии и рациональному использованию сырьевых ресурсов.

Дальнейшие изменения в области учета себестоимости продиктованы изменением общественно-политического строя страны, повлекшим за собой переход к рыночной экономике и появление частных хозяйствующих субъектов, а следовательно, необходимость организации четкой фискальной политики и объяснения ее правил и норм гражданам новой страны.

26 декабря 2002 года Министерством промышленности, науки и технологий Российской Федерации утвержден нормативный правовой акт, определяющий нормы и правила учета себестоимости на предприятиях лесной отрасли, – Методические рекомендации (инструкцию) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (далее – Инструкция)⁹. Именно этот документ является основным при формировании политики учета себестоимости на малых и крупных предприятиях современного ЛПК. Фундаментальное значение этого документа для современного финансового и бухгалтерского управления лесопромышленным предприятием не позволяет обойти его стороной. Поэтому авторами был проведен детальный анализ Инструкции с точки зрения ее информационного наполнения.

Документ имеет характерный вводный раздел, описывающий его цели и задачи и определяющий общую теоретическую и методологическую базу, на которой строятся дальнейшие указания. Следует отметить, что представленные состав, классификация и группировка элементов себестоимости продукции лесопромышленных предприятий соответствуют классическому распределению по элементам и статьям (Zeinullina et al., 2020). Не менее развернуто перечисляются все затраты, которые могут быть включены в себестоимость продукции ЛПК, вплоть до самых специфичных и редких (простое перечисление без группировок и классификаций).

Важными аспектами Инструкции выступают:

- классификация затрат по различным основаниям;
- обоснование необходимости и принципов планирования объема продаж предприятия и сметы затрат;
- описание сущности нормативного метода планирования себестоимости;
- описание сводной сметы затрат на производство;
- полный перечень расчетов и смет, составляющих информационную основу сводной сметы затрат на производство.

⁸ Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости промышленной продукции на предприятиях лесного хозяйства ...

⁹ Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса [Электронный ресурс]: утв. М-вом пром-сти, науки и технологий Рос. Федерации ...

В Инструкции перечисляются базовые для составления сметы затраты. Даны указания и рекомендации по составлению плановой калькуляции обобщенно и для отдельных производств: лесопильного, фанерного, мебельного, производства древесно-стружечных и древесноволокнистых плит.

В целом вводная часть Инструкции является ее теоретическим и методологическим фундаментом, причем необходимые данные отображены в развернутом, описательном виде, а не в формате ссылок на правила или теории экономической дисциплины. Изучая Инструкцию, конечный пользователь получает конкретно-определенные указания. При этом крайне важно, что такая информация подкрепляется необходимыми теоретическими обоснованиями. Основные части Инструкции представляют собой детализированные указания по исчислению себестоимости продукции основных направлений лесопромышленного комплекса, опирающиеся на теоретическую и методологическую базу общей части.

По итогам проведенного анализа можно сказать, что нормативно-правовые акты в области учета себестоимости на предприятиях ЛПК развивались вместе с общими представлениями и подходами к управлению себестоимостью в российской экономике. Незначительные отклонения касаются прежде всего отдельных направлений лесной промышленности, тогда как общие подходы остаются классическими и могут быть использованы в других отраслях промышленности. При этом очевидным фактором, влияющим на итоговое значение себестоимости и особенности деятельности предприятий, выступает исходное древесное сырье. От его качества зависит и стоимость производимой продукции, и сами возможности получения различных товаров, и применяемые технологии (Тамби и др., 2021; Xiong et al., 2018). От исходного сырья также во многом зависит применяемое оборудование (расходы на его содержание), кадровый состав (расходы на персонал) и многие другие элементы себестоимости. Разумеется, это не единственный фактор, но управление себестоимостью, по мнению авторов, опирающихся в том числе и на проведенный анализ нормативно-правовой базы, во многом зависит от особенностей и стоимости исходного сырья, доставляемого с лесной территории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно исследованию, проведенному В. С. Сухановым, в структуре себестоимости готовой продукции лесопромышленного комплекса доля сырья (лесоматериалов) может достигать 35 % (Суханов, 2012, с. 77), что отражено на рисунке 1.

Таким образом, снижение себестоимости лесоматериалов – реальный путь к снижению себестоимости готовой продукции деревоперерабатывающего производства, что влечет за собой повышение важных экономических показателей работы предприятия: прибыли и рентабельности. Есть и второй путь – уменьшение себестоимости готовой продукции посредством управления заготовительным процессом, то есть вовлечения в производство отходов лесозаготовки – например, в качестве топлива для снабжения предприятия паром и тепловой энергией (Калюжный и др., 2020). Следовательно, управ-

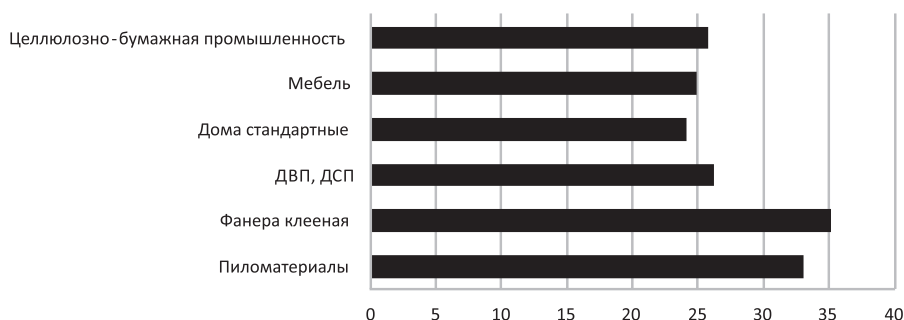

Рис. 1. Доля стоимости сырья (лесоматериалов) в общей структуре себестоимости основных видов готовой продукции лесопромышленного комплекса, % /
 Fig. 1. Share of the cost of raw materials (timber) in the overall cost structure of the main types of timber industry finished products, %

Источник: составлено авторами по (Суханов, 2012, с. 77).

ление заготовкой сырья приведет к положительным экономическим сдвигам в процессе производства готовой продукции (Шапкина и Кожурин, 2008). Спланировать и отследить такие изменения, рассчитав точные результаты каждого мероприятия, возможно при помощи различных программных продуктов (Шабаева и Шабаев, 2023).

Одним из авторов настоящей статьи проведено исследование структуры себестоимости лесоматериалов на примере предприятий, осуществляющих заготовительную деятельность на территории Красноярского края (Medvedev et al., 2022). Рассмотрены пять возможных подходов к организации технологии нижнескладских работ на данных предприятиях и действующая производственная технология. Подходы различаются применяемыми системами машин и механизмов и представляют интерес для изучения эффективности лесозаготовительного производства, в связи с чем в данной статье не будут описаны в деталях. Структура себестоимости заготовленной древесины на исследованных объектах представлена на рисунке 2.

Наиболее весомая доля в структуре себестоимости приходится на коммерческие расходы, включая транспортировку от нижнего склада до пункта непосредственного расположения деревоперерабатывающего предприятия. Вторыми по удельной величине являются расходы на содержание оборудования. В этой статье собраны расходы, связанные с обслуживанием техники, применяемой в технологическом процессе заготовки леса (запасные части и техобслуживание, горюче-смазочные материалы (ГСМ), амортизационные отчисления и т. д.). Следующие по значению (уже с существенным отрывом) – плата за древесину на корню и оплата труда производственных рабочих. Поскольку плата за пользование лесными ресурсами является законодательно установленной величиной и не может стать объектом финансового управления, этот пункт в рамках данного исследования не представляет интереса. Оплата труда основных производственных рабочих может осуществляться как сдельно, так и повременно. На практике чаще применяют сдельную оплату труда для повышения заинтересованности персонала в результатах заготовки.

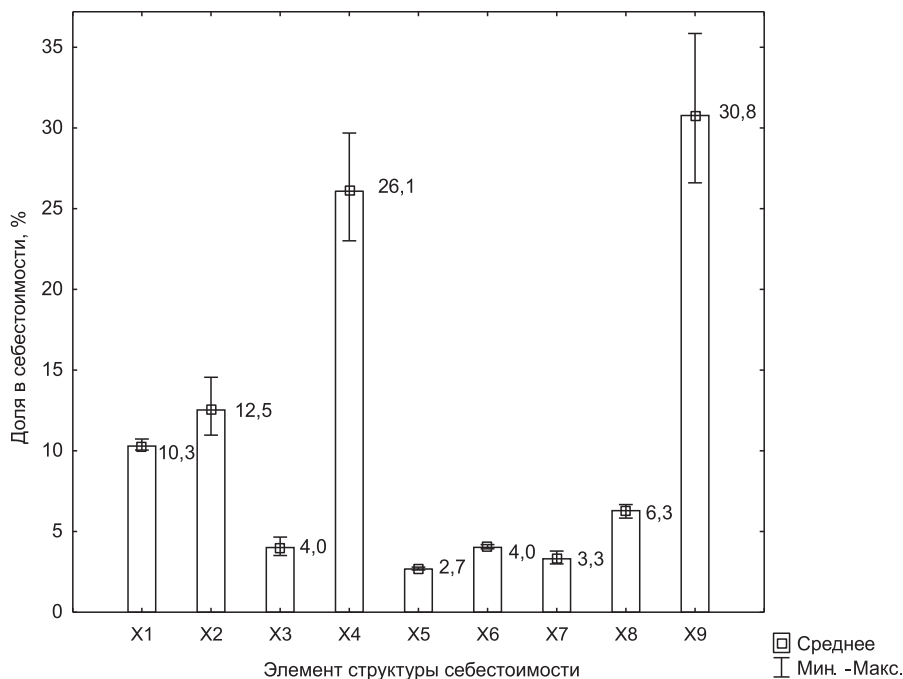

Рис. 2. Диаграмма размаха значений элементов структуры себестоимости заготовленного леса: X1 – плата за древесину, отпускаемую на корню; X2 – оплата труда производственных рабочих; X3 – страховые взносы; X4 – расходы на содержание оборудования; X5 – расходы на содержание лесовозных дорог; X6 – затраты на строительство временных лесовозных дорог; X7 – общехозяйственные расходы; X8 – прочие расходы; X9 – коммерческие расходы / Fig. 2. Diagram showing the range of values of the structure elements in the harvested timber cost: X1 – payment for standing timber; X2 – remuneration of production workers; X3 – insurance premiums; X4 – equipment maintenance costs; X5 – maintenance costs of logging roads; X6 – costs of temporary logging roads construction; X7 – general expenses; X8 – other expenses; X9 – commercial expenses

Источник: рисунки 2–3 составлены авторами на основе собственного исследования.

Таким образом, выявлены три наиболее весомых компонента себестоимости лесоматериалов: транспортировка с нижнего склада до пункта переработки, содержание оборудования, оплата труда рабочих основного производства.

Представленная структура себестоимости в целом соответствует информации в научной литературе и периодических изданиях (Фетищева, 2011; Мосягин, 2019; Уляшева, 2023; King, 2023). При этом зачастую в таких работах отсутствует детализация, а важные элементы затрат относят к категориям прочих или общехозяйственных расходов. Между тем для собственников бизнеса, непосредственно занятых производством, а также для эффективного финансового менеджмента необходима именно детальная информация обо всех процессах. В рамках настоящего исследования были структурированы и проанализированы все виды расходов, начиная от подготовительных

(инженерно-технических) работ и заканчивая вывозкой всей заготовленной продукции и завершением деятельности (сезона работ). Важнейшим итогом работы стало формирование схемы управления себестоимостью продукции (рис. 3).

Рис. 3. Схема управления себестоимостью продукции /
Fig. 3. Production cost management scheme

Транспортировка заготовленной древесины с лесосеки до пункта переработки включает в себя расходы по содержанию и обслуживанию парка лесовозной техники, в том числе расходы на ГСМ, оплату труда персонала, занятого на вывозке, а также стоимость содержания и строительства дорог (если таковое производится). Основной сложностью в процессе вывозки древесины можно назвать удаленность лесозаготовительных участков от деревоперерабатывающих предприятий. Регулярные вырубки ежегодно перемещают лесозаготовку вглубь территорий, лишенных инфраструктурных сетей, главным образом автомобильных дорог. Вследствие этого для доставки потребителю лесоматериалов предприятия вынуждены заниматься деятельностью, связанной со строительством, ремонтом и обслуживанием автомобильных дорог различного значения. В этом вопросе заготовитель самостоятельно определяет целесообразность затрат на дорожно-строительные работы (Мохирев и др., 2020).

По результатам 2023 года средняя стоимость вывозки лесоматериалов в Красноярском крае составила 8 руб./м³·км (автомобильная вывозка для предприятия среднего бизнеса). На этот показатель влияет множество природных, технических и экономических факторов, в частности сезонность, условия ландшафта (рельеф местности), колебания цен на ГСМ и запасные части оборудования. Управление величиной данного показателя может осуществляться по двум направлениям: сокращение длительности пути вывозки

и сокращение удельных затрат на вывозку. Первый вариант – это поиск оптимальных логистических решений исходя из условий местности (анализ рельефа, типов почв, естественных преград и т. д.) (Ghotb et al., 2024; Vitale et al., 2021). Второй вариант – это поиск путей сокращения удельных затрат: выбор альтернативных путей (сплав, железнодорожная перевозка), оптимизация затрат на строительство и содержание дорог, совершенствование парка лесовозной техники, оптимизация объемов разовой вывозки и т. д.

Второй по величине компонент себестоимости лесоматериалов – **расходы на содержание основного производственного оборудования**. Сюда включают технику, задействованную в технологической цепочке заготовки: валочно-пакетирующие машины, харвестеры, трелевочные тракторы, форвардеры и т. д. Модернизация парка техники позволяет повышать производительность работ на лесосеке, увеличивая итоговые объемы заготовки. Однако чем технологичнее и современнее (а значит, дороже) производственная машина, тем выше расходы на ее обслуживание и содержание (Тихоненко, 2014). Таким образом, в данном вопросе заготовитель должен найти оптимальный вариант формирования парка машин на заготовке леса (в соответствии с ним выстраивается технологическая цепочка лесозаготовительного процесса), учитывающий природные и экономические условия работы.

Третий весомый компонент структуры себестоимости – **оплата труда рабочих основного производства** – имеет, кроме экономического, социальный окрас. Сокращение размеров оплаты труда персонала в целях улучшения финансовых показателей неприемлемо с точки зрения как социальной ответственности бизнеса, так и трудового законодательства. Поэтому оплату труда необходимо оптимизировать так, чтобы повышать личную заинтересованность персонала в увеличении производительности работ, и тогда увеличение оплаты труда будет сокращать ее удельный вес в общей себестоимости (Ahmadzai et al., 2023).

На основании изложенного можно заключить, что для эффективного управления себестоимостью на лесозаготовительном предприятии необходим постоянный и детальный учет затрат, ее составляющих: трудовых, материальных, временных.

При этом, безусловно, имеется фундаментальная теоретическая и методическая база для учета себестоимости в виде отраслевой инструкции, основанной на достижениях отечественной экономики. Однако нарастающие общемировые тенденции ко всеобщей цифровизации ведут к увеличению объемов используемой информации и создают потребность в постоянной автоматизации бизнес-процессов. Эффективный учет, в том числе бухгалтерский и финансовый, невозможен без применения современных инструментов – информационных ресурсов и систем, позволяющих сократить трудовые затраты, а также исключить человеческий фактор (возможность допущения ошибок в расчетах). Спрос на такие ресурсы рождает соразмерное предложение, и на текущий момент рынок программных продуктов на первый взгляд обширен. Однако на практике подавляющее большинство предприятий сегодня используют для целей учета программные продукты семейства 1С, которые могут быть адаптированы к самым разным функциям крупных и малых предприятий – к операциям с денежными средствами, закупкам, продажам, складским рабо-

там. Популярность продуктов 1С обусловлена их универсальностью и способностью конфигурироваться под задачи пользователя и не может оспариваться. Однако для управления факторами формирования себестоимости, такими как производительность оборудования, оптимизация логистических цепочек, оптимизация оплаты труда персонала, необходимы дополнительные инструменты, позволяющие проектировать производственные процессы, производить многофакторный анализ, строить прогнозы при изменении факторов.

Авторский коллектив (Medvedev et al., 2020) провел детальный анализ возможностей применения различных программных продуктов в лесной отрасли. Несомненно, что существующее многообразие программного обеспечения позволяет решать разнообразные задачи. При этом качество решения, его визуализация и возможность использования для принятия управленческих решений существенно разнятся, даже с учетом применения в схожих процессах. Следует уточнить, что на практике, помимо упомянутой выше линейки продуктов 1С, наиболее распространенным продуктом является Microsoft Office. Однако он не способен решать отдельные задачи, в частности визуализировать данные (здесь необходима работа с геоинформационными системами). Еще одной важнейшей задачей является статистическая обработка данных о работе бизнеса, для чего на предприятиях отрасли используются и другие программные решения (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Использование программных продуктов для целей лесопромышленной логистики /
Use of software products for forestry logistics purposes**

Процесс внедрения информационных технологий	Программный продукт				
	Microsoft Office			Statistica	QGIS
	Excel	Project	Access		
Оценка текущего состояния предприятия	+	–	–	+	–
Информатизация процессов работы предприятия	+	+	+	–	+
Создание и наполнение баз данных	+	+	+	+	+
Расчет системы нормативных показателей	+	–	–	+	+
Расчет системы фактических показателей	+	+	–	–	+
Выявление отклонений от нормативных показателей	+	+	+	+	+
Определение наиболее эффективных вариантов деятельности предприятия	+	+	–	–	–
Прогнозирование изменения показателей деятельности предприятия и оценка их эффективности	+	–	–	+	–
Контроль за развитием предприятия и достижением нормативных показателей в долгосрочной перспективе	+	+	–	–	–

Источник: таблицы 2 и 3 составлены авторами на основе собственного исследования.

Представленные программные продукты позволяют реализовать основной функционал в рамках процесса внедрения информационных технологий. Не менее важно и то, что описанные выше программные продукты, как установил авторский коллектив в ходе исследования, могут быть связаны в единую информационную систему, позволяющую в случае изменения в каком-либо из них обновлять данные во всех программах, автоматически актуализировать информацию и проводить комплекс расчетов. Применение такой системы на предприятии делает возможным проведение углубленного анализа производственных процессов с точки зрения их производительности, эффективности, оптимальности.

При апробации полученных результатов на одном из лесозаготовительных предприятий Красноярского края в период с 2019 по 2024 год был внедрен комплекс взаимосвязанных программных продуктов. Основная цель – оптимизация разнообразных процессов и повышение общей эффективности деятельности. В результате обработки полученных данных было выявлено сокращение затрат практически по всем статьям калькуляции себестоимости, а также расходов на реализацию продукции (коммерческих расходов). В качестве базы сравнения использовались усредненные данные действующего производства и возможных технологических решений. В целях большей наглядности в таблице 3 показано изменение по отдельным статьям расходов.

Таблица 3 / Table 3

Изменение расходов предприятия вследствие внедрения предлагаемой информационной системы / Changes in the company's expenses due to the introduction of the proposed information system

Статья расходов	Доля в расходах, %	Изменение, %
Плата за древесину, отпускаемую на корню	10,29	0,00
Оплата труда производственных рабочих	12,53	– 0,72
Страховые взносы	4,01	– 0,23
Расходы на содержание машин и оборудования	26,09	– 1,72
Расходы на содержание лесовозных дорог	2,68	– 0,31
Затраты на строительство временных лесовозных дорог	4,02	– 0,16
Общехозяйственные расходы	3,31	– 0,04
Прочие расходы	6,29	– 0,55
Коммерческие расходы	30,78	– 4,68
Итого	100,00	– 8,41

Следует уточнить, что уменьшение расходов происходит по большей части благодаря оптимизации различных процессов, в частности сокращения времени простоев, большей загрузки техники, подбора оптимальных режимов работы, повышения производительности и выбора наилучших решений вследствие работы с геоинформационными системами.

Произошедшее снижение себестоимости на 8,41 % свидетельствует в пользу эффективности предлагаемого решения. Однако важно понимать, что его внедрение требует индивидуального подхода и не может быть транспонировано на другие предприятия без «ручной настройки». Безусловно, по авторскому мнению и предварительным расчетам, затраты на внедрение информационной системы существенно перекрываются получаемым эффектом. Тем не менее достижение подобного эффекта требует изменения всех элементов предприятия. Таким образом, необходима воля руководства, готового к преобразованиям, которые неизбежно связаны с определенными рисками и могут вызвать сопротивление со стороны коллектива (Мякшин и Песьякова, 2019; Rautio et al., 2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволили выявить ряд существенных аспектов, касающихся управления себестоимостью продукции лесопромышленного предприятия. Изучение нормативно-правовой базы подтвердило соответствие общих принципов учета себестоимости в ЛПК традиционным подходам, применяемым в промышленности и экономике в целом. Вместе с тем при оценке особенностей управления себестоимостью продукции лесопромышленного предприятия одним из наиболее важных аспектов является внимание к исходному древесному сырью. Учитывая, что древесная биомасса выступает ключевым ресурсом для всех предприятий отрасли, роль данного фактора сложно переоценить. На различных предприятиях лесной промышленности действуют разнообразные ограничения к качеству данного ресурса, что во многом обуславливает технологические особенности производственных процессов. В итоге, помимо вклада в размере до 35 % в себестоимость продукции лесопромышленных предприятий, заготовленное сырье определяет структуру и размер других важнейших статей калькуляции.

Вполне очевидно, что управление лесозаготовительным процессом, в том числе благодаря должному информационному сопровождению, ведет к снижению себестоимости лесоматериалов, что, в свою очередь, сказывается на себестоимости всей продукции отрасли. Оценка эффективности управленческих воздействий и различных аспектов текущей деятельности должна выполняться с применением комплекса взаимосвязанных программных продуктов, что подтвердило испытание отдельных авторских разработок на практике.

Выделенные в результате исследования ключевые элементы структуры себестоимости продукции лесозаготовительного производства следует признать основными направлениями повышения эффективности. При этом представленные мероприятия должны быть адаптированы к конкретному предприятию с учетом его особенностей. Таким образом, осуществление управленческих воздействий должно опираться на соответствующую информационную поддержку. Предложенный в работе комплекс программных продуктов позволяет решать широкий спектр задач, от текущего контроля до прогнозирования и моделирования различных процессов. К тому же он может дополняться отдельными решениями, важными для деятельности

конкретного предприятия. Для крупного бизнеса, где лесозаготовительные подразделения являются частью вертикально интегрированных структур, очевидными решениями выступают различные продукты SAP. Однако к их внедрению также следует подходить избирательно и оценивать риски и возможности использования в условиях лесозаготовительной деятельности.

Очевидно, что полученные результаты ведут к повышению эффективности отрасли. Однако в современных условиях ей требуется должная государственная поддержка, прежде всего, в сфере регулирования процессов использования вторичных древесных ресурсов и информационного сопровождения движения всей древесной биомассы. Это приведет к снижению себестоимости продукции, повышению прозрачности в отрасли, а также формированию новых рынков и улучшению обеспеченности сырьем предприятий, испытывающих его нехватку. С учетом предлагаемых изменений будет создан механизм, поддерживающий отрасль, без прямого государственного вмешательства в деятельность бизнеса, что крайне актуально в условиях рынка и множества ограничений.

В дальнейших работах авторский коллектив планирует расширить теоретические представления об управлении себестоимостью продукции лесопромышленных предприятий за счет разработки отдельных моделей с использованием агент-ориентированного моделирования. Также интерес вызывает детальное исследование эффективности внедрения отдельных управленческих воздействий на различных предприятиях отрасли во взаимосвязи с природно-климатическими и организационно-экономическими условиями осуществления деятельности.

Список источников

Антонова Н. Е. Лесной комплекс в программах развития ресурсного региона: намерения и реализация // ЭКО. 2021. Т. 51, № 10. С. 38–64. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-10-38-64>.

Бабакова О. М., Безгина Ю. Н., Лаптева А. В. Экономическая эффективность выборочных рубок // Леса России и хозяйство в них. 2021. № 3. С. 25–29. <https://doi.org/10.51318/FRET.2021.39.80.003>.

Гордеев Р. В., Пыжев А. И. Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 45–66. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>.

Калюжный Б. О., Монастырный Е. А., Кудрин В. Ю. Выбор технологий реализации древесных отходов при формировании и развитии экономики замкнутого цикла в лесопромышленном кластере // Инновации. 2020. № 5. С. 41–52. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.259.5.007>.

Логинов В. Г., Игнатьева М. Н., Юрак В. В. Сбалансированное недропользование в условиях вызовов и угроз // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 547–562. <https://doi.org/10.17059/2020-2-16>.

Мельник З. Ю. Балансы предприятий и их фальсификации: исторический аспект // Бизнес-Информ. 2015. № 2. С. 53–57.

Мосягин В. Планирование на предприятиях ЛПК. Часть 5. Планирование себестоимости лесопродукции // ЛесПромИнформ. 2019. № 2. С. 56–61.

Мохирев А. П., Герасимова М. М., Позднякова М. О. Анализ структуры затрат на транспортировку древесины и их сезонной динамики // Лесотехнический журнал. 2020. № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2020.2/12>.

Мякишин В. Н., Песьякова Т. Н. Экономическая оценка затрат труда в производствах регионального лесопромышленного комплекса на основе межпродуктового баланса // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 14, № 2. С. 349–365. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-2-349-365>.

Петров В. Н., Каткова Т. Е., Карвинен С. Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 140–157. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.9>.

Суханов В. С. О Стратегии развития лесопромышленного комплекса России // Лесной вестник. 2012. № 3. С. 73–81.

Тамби А. А., Григорьев И. В., Давтян А. Б. и др. Технологическая интеграция лесопромышленных предприятий // Деревообрабатывающая промышленность. 2021. № 1. С. 26–37.

Тихоненко В. А. Методы управления эффективностью затрат в лесозаготовительной отрасли // Экономика и управление. 2014. № 4. С. 46–50.

Уляшева Л. Г. Методика пофазного калькулирования себестоимости лесозаготовительной продукции [Электронный ресурс] // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 1. Art. № 1. <https://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-1-1-16>. URL: <https://refp-stgau.ru/index.php/refp/article/view/71/62> (дата обращения: 02.03.2024).

Фетищева З. И. Совершенствование методического подхода к формированию себестоимости товарной продукции лесозаготовок // Лесной вестник. 2011. № 6. С. 175–178.

Шабаетова С. В., Шабаетов А. И. Стратегические возможности цифровизации предприятий лесопромышленного комплекса России // Экономика промышленности. 2023. Т. 16, № 2. С. 155–165. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-2-155-165>.

Шапкина И. М., Кожурин С. И. Пути снижения себестоимости лесозаготовки // Труды лесинженерного факультета ПетрГУ. 2008. № 7. С. 139–140.

Шум Н. М. Методы оценки эффективности экспортного потенциала лесопромышленного комплекса Хабаровского края [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 4. <https://doi.org/10.15862/38ECVN423>. URL: <https://esj.today/PDF/38ECVN423.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

Ahmadzai M. R., Zaki P. H., Ismail M. H. et al. The societal and economic impact of reforestation strategies and policies in Southeast Asia – A review // Forests. 2023. Vol. 14, № 1. Art. № 1. <https://doi.org/10.3390/f14010001>.

Bocci C., Sohngen B., Lupi F. et al. Timber or carbon? Evaluating forest conservation strategies through a discrete choice experiment // Ecological Economics. 2020. Vol. 171. Art. № 106601. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2020.106601>.

Ghotb S., Sowlati T., Mortyn J. Scheduling of log logistics using a metaheuristic approach // Expert Systems with Applications. 2024. Vol. 238, part D. Art. № 122008. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2023.122008>.

Harrison M. Forging success: Soviet managers and accounting fraud, 1943 to 1962 // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol. 39, № 1. P. 43–64. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2010.12.002>.

King C. The costs and benefits of conservation versus logging of old-growth native forest: A case history // *Ecological Economics*. 2023. Vol. 204, part A. Art. № 107632. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2022.107632>.

Medvedev S., Mokhirev A., Rjabova T. Improvement of timber industry logistics using information systems // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. Vol. 817. Art. № 012021. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/817/1/012021>.

Medvedev S. O., Zyryanov M. A., Mokhirev A. P. et al. Russian timber industry: Current situation and modelling of prospects for wood biomass use // *International Journal of Design & Nature and Ecodynamics*. 2022. Vol. 17, № 5. P. 745–752. <https://doi.org/10.18280/ij dne.170512>.

Palátová P., Rinn R., Machoň M. et al. Sharing economy in the forestry sector: Opportunities and barriers // *Forest Policy and Economics*. 2023. Vol. 154. Art. № 103000. <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.103000>.

Rautio P., Lideskog H., Bergsten U. et al. Perspectives: Lean forestry – A paradigm shift from economies of scale to precise and sustainable use of ecosystem services in forests // *Forest Ecology and Management*. 2023. Vol. 530. Art. № 120766. <https://doi.org/10.1016/j.foreco.2022.120766>.

Rinn R., Palátová P., Kalábová M. et al. Forest bioeconomy from the perspectives of different EU countries and its potential for measuring sustainability // *Forests*. 2023. Vol. 14, № 1. Art. № 33. <https://doi.org/10.3390/f14010033>.

Shenfield S. “Pripiski: false statistical reporting in Soviet-type economies // *Corruption: Causes, consequences and control* / Ed. by M. Clarke. New York: St. Martin's Press, 1983. P. 239–258.

Vitale I., Broz D., Dondo R. Optimizing log transportation in the Argentinean forest industry by column generation // *Forest Policy and Economics*. 2021. Vol. 128. Art. № 102483. <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102483>.

Xiong L., Wang F., Cheng B. et al. Identifying factors influencing the forestry production efficiency in Northwest China // *Resources, Conservation and Recycling*. 2018. Vol. 130. P. 12–19. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2017.11.009>.

Zeinullina D. N., Madieva K. S., Nurzhanova I. S. Target costing concept: To minimize the cost price of products // *Capital of Science*. 2020. № 5. P. 141–155.

Информация об авторах

М. О. Якушева – аспирант, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Рационального использования лесных ресурсов» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 660037, г. Красноярск, пр-т им. газеты «Красноярский рабочий», 31

SPIN-код (РИНЦ): 5465-5008

AuthorID (РИНЦ): 939772

Web of Science ResearcherID: KEX-6078-2024

Scopus Author ID: 57204108631

С. О. Медведев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Рационального использования лесных ресурсов» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 660037, Красноярский край, г. Красноярск, пр-т им. газеты «Красноярский рабочий», 31

SPIN-код (РИНЦ): 1652-1042

AuthorID (РИНЦ): 733545

Web of Science ResearcherID: N-8240-2016

Scopus Author ID: 57204101621

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 01.04.2024.

References

Antonova, N. E. (2021), "The forest complex in development programs of the resource region: Intentions and results", *ECO*, vol. 51, no. 10, pp. 38–64, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-10-38-64>.

Babakova, O. M., Bezgina, Yu. N. and Lapteva, A. V. (2021), "Economic efficiency of shelterwood felling", *Forests of Russia and Economy in them*, no. 3, pp. 25–29, <https://doi.org/10.51318/FRET.2021.39.80.003>.

Gordeev, R. V. and Pyzhev, A. I. (2023), "The timber industry in Russia under sanctions: Losses and opportunities", *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 45–66, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>.

Kalioujny, B. O., Monastyrnyy, E. A., and Kudrin, V. Yu. (2020), "Choice of technologies for wood waste realization within the formation and the development of circular economy in the wood cluster", *Innovations*, no. 5, pp. 41–52, <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.259.5.007>.

Loginov, V. G., Ignateva, M. N. and Yurak, V. V. (2020), "Balanced subsoil and forest management in the context of challenges and threats", *Economy of Region*, vol. 16, no. 2, pp. 547–562, <https://doi.org/10.17059/2020-2-16>.

Melnyk, Z. Yu. (2015), "Financial statements of enterprises and falsifying: The historical aspect", *Business-Inform*, no. 2, pp. 53–57.

Mosyagin, V. (2019), "Planning at forest industry enterprises. Part 5. Planning primary cost of the products", *LesPromInform*, no. 2, pp. 56–61.

Mokhirev, A. P., Gerasimova, M. M. and Pozdnyakova, M. O. (2020), "Analysis of the cost structure of timber transportation and their seasonal dynamics", *Forestry Engineering Journal*, no. 2, pp. 123–133, <https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2020.2/12>.

Myakshin, V. N. and Pesyakova, T. N. (2019), "Economic assessment of labor costs in regional timber industry complex productions on the inter-product analy-

- sis basis”, *Perm University Herald. Economy*, vol. 14, no. 2, pp. 349–365, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-2-349-365>.
- Petrov, V. N., Katkova, T. E. and Karvinen, S. (2019), “Trends in the development of forestry in Russia and Finland”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 12, no. 3, pp. 140–157, <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.9>.
- Suchanov, V. S. (2012), “On the strategy of Russian forestry complex”, *Forestry Bulletin*, no. 3, pp. 73–81.
- Tambi, A. A., Grigoriev, I. V., Davtyan, A. B. et al. (2021), “Technological integration of timber enterprises”, *Derevoobrabatyvayushchaya promyshlennost'*, no. 1, pp. 26–37.
- Tikhonenko, V. A. (2014), “The Russian logging industry: Methods of cost management”, *Economics and Management*, no. 4, pp. 46–50.
- Ulyasheva, L. G. (2023), “Method of phase-by-phase calculation of logging products cost”, *Research in Economic and Financial Problems*, no. 1, art. no. 1, <https://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-1-1-16> [Online], available at: <https://refp-stgau.ru/index.php/refp/article/view/71/62> (Accessed Mar. 2, 2024).
- Fetishcheva, Z. I. (2011), “Perfection of the methodical approach to formation of the cost price of a commodity output of timber cuttings”, *Forestry Bulletin*, no. 6, pp. 175–178.
- Shabaeva, S. V. and Shabaev, A. I. (2023), “Strategic opportunities for digitalization of Russian timber industry enterprises”, *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 16, no. 2, pp. 155–165, <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-2-155-165>.
- Shapkina, I. M. and Kojurin, S. I. (2008), “Ways of forest harvesting cost reduction”, *Proceedings of the Forest Engineering Faculty of PetrSU*, no. 7, pp. 139–140.
- Shum, N. M. (2023), “Regional features of the development of the export potential of the timber industry of Khabarovsk Krai”, *The Eurasian Scientific Journal*, vol. 15, no. 4, <https://doi.org/10.15862/38ECVN423> [Online], available at: <https://esj.today/PDF/38ECVN423.pdf> (Accessed Mar. 2, 2024).
- Ahmadzai, M. R., Zaki, P. H., Ismail, M. H. et al. (2023), “Social and economic impact of reforestation strategies and policies in Southeast Asia – A Review”, *Forests*, vol. 14, no. 1, art. no. 1, <https://doi.org/10.3390/f14010001>.
- Bocci, S., Songen, B., Lupi, F. et al. (2020), “Timber or carbon? Evaluating forest conservation strategies through a discrete choice experiment”, *Ecological Economics*, vol. 171, art. no. 10660, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2020.106601>.
- Ghotb, S., Soulati, T. and Mortin, J. (2024), “Scheduling of log logistics using a metaheuristic approach”, *Expert Systems with Applications*, vol. 238, part D, art. no. 122008, <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2023.122008>.
- Harrison, M. (2011), “Forging success: Soviet managers and accounting fraud, 1943 to 1962”, *Journal of Comparative Economics*, vol. 39, no. 1, pp. 43–64, <https://doi.org/10.1016/j.jce.2010.12.002>.
- King, S. (2023), “The costs and benefits of conservation versus logging of old-growth native forest: A case history”, *Ecological Economics*, vol. 204, part A, art. no. 107632, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2022.107632>.
- Medvedev, S., Mokhirev, A. and Rjabova, T. (2020), “Improvement of timber industry logistics using information systems”, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, vol. 817, art. no. 012021, <https://doi.org/10.1088/1757-899X/817/1/012021>.

Medvedev, S. O., Zyryanov, M. A., Mohirev, A. P. et al. (2022), "Russian timber industry: Current situation and modelling of prospects for wood biomass use", *International Journal of Design & Nature and Ecodynamics*, vol. 17, no. 5, pp. 745–752, <https://doi.org/10.18280/ij dne.170512>.

Palatova, P., Rinn, R., Machon, M. et al. (2023), "The economics of sharing in the forest sector: Opportunities and barriers", *Forest Policy and Economics*, vol. 154, art. no. 103000, <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.103000>.

Rautio, P., Lideskog, H., Bergsten, W. et al. (2023), "Perspectives: Lean forestry – A paradigm shift from economies of scale to precise and sustainable use of ecosystem services in forests", *Forest Ecology and Management*, vol. 530, art. no. 120766, <https://doi.org/10.1016/j.foreco.2022.120766>.

Rinn, R., Palatova, P., Kalabova, M. et al. (2023), "Forest bioeconomy from the perspectives of different EU countries and its potential for measuring sustainability", *Forests*, vol. 14, no. 1, art. no. 33, <https://doi.org/10.3390/f14010033>.

Shenfield, S. (1983), "Pripiski: false statistical reporting in Soviet-type economies", in Clarke, M. (ed.), *Corruption: Causes, consequences and control*, St. Martin's Press, New York, NY, US, pp. 239–258.

Vitale, I., Broz, D. and Dondo, R. (2021), "Optimizing log transportation in the Argentinean forest industry by column generation", *Forest Policy and Economics*, vol. 128, art. no. 10483, <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102483>.

Xiong, L., Wang, F., Chen, B. et al. (2018), "Identification of factors affecting the efficiency of forest production in Northwest China", *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 130, pp. 12–19, <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2017.11.009>.

Zeynullina, D. N., Madieva, K. S. and Nurzhanova, I. S. (2020), "Target costing concept: To minimize the cost price of products", *The Capital of Science*, no. 5, pp. 141–155.

Information about the authors

M. O. Yakusheva – Graduate Student, Junior Researcher of the Research Laboratory for Rational Use of Forest Resources, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 31 Krasnoyarsky Rabochy Ave., Krasnoyarsk, 660037, Russia

SPIN-code (RSCI): 5465-5008

AuthorID (RSCI): 939772

Web of Science ResearcherID: KEX-6078-2024

Scopus Author ID: 57204108631

S. O. Medvedev – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Research Laboratory for Rational Use of Forest Resources, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 31 Krasnoyarsky Rabochy Ave., Krasnoyarsk, 660037, Russia

SPIN-code (RSCI): 1652-1042

AuthorID (RSCI): 733545

Web of Science ResearcherID: N-8240-2016

Scopus Author ID: 57204101621

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 459–480.
Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 459–480.

Научная статья
УДК 331.5:004.9
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-459-480>

УПРАВЛЕНИЕ ПОВЕДЕНИЕМ ИНДИВИДОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПОДХОДЫ, МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дамир Ахнафович Гайнанов¹, Лилия Ишмухаметовна Мигранова²✉,
Лариса Дамировна Сайфуллина³

^{1, 2, 3} Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

¹ 2d2@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2606-2459>

² lilya2710@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9794-9292>

³ saiflarisa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9159-2763>

Аннотация. Введение: текущую ситуацию на рынке труда Российской Федерации характеризует дисбаланс спроса и предложения, являющийся одним из ключевых ограничений для ускоренного роста производства. В предлагаемой статье исследование рынка труда основано на научном подходе, ориентированном на применение теории сложных систем и теории принятия решений, учитывающих множественность связей и взаимодействий между элементами системы, особенности индивидов и специфику окружающей среды, в которой формируется выбор. **Цель:** разработка концепции адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона и реализация имитационных моделей управления поведением индивидов на каждом этапе образовательной и трудовой траекторий. **Методы:** теория сложных систем, теория принятия решений, имитационное моделирование, агент-ориентированный подход, социологический опрос. **Результаты:** проведена оценка тенденций спроса и предложения на рынке труда; на основе предложенной концепции адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона реализованы имитационные модели поведения: 1) абитуриентов при выборе направлений подготовки в региональной образовательной системе – поступлении в вуз/ссуз; 2) выпускников вуза/ссуза при выходе на рынок труда; 3) претендентов, кон-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

курирующих за доступные рабочие места на рынке труда. Вычислительные эксперименты выполнены на данных рынка труда и образовательной сферы Республики Башкортостан. **Выводы:** реализация адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона в контексте теории сложных систем и теории принятия решений с использованием агент-ориентированного подхода позволяет: 1) выявить устойчивые тенденции на рынке труда и сферы образования, которые складываются из множества выборов и траекторий движения индивидов; 2) управлять поведением индивидов на основе сценарных вариантов воздействия и прогнозировать их влияние на коллективное, общественное поведение; 3) оценить эффективность регуляторных мер воздействия на систему «рынок труда – сфера образования».

Ключевые слова: рынок труда, сфера образования, кадровая обеспеченность, адаптивная система мониторинга и прогнозирования, теория сложных систем, теория принятия решений, управление поведением, агент-ориентированная модель

Благодарность: исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра РАН № 075-01134-23-00 на 2024 год и на плановый 2025 год.

Для цитирования: Гайнанов Д. А., Мигранова Л. И., Сайфулина Л. Д. Управление поведением индивидов на региональном рынке труда: подходы, модели и перспективы // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 459–480. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-459-480>.

Original article

MANAGING THE BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN THE REGIONAL LABOR MARKET: APPROACHES, MODELS AND PROSPECTS

Damir A. Gainanov¹, Lilia I. Migranova²✉, Larisa D. Saifullina³

^{1, 2, 3} Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹ 2d2@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2606-2459>

² lilya2710@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9794-9292>

³ saiflarisa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9159-2763>

Abstract. Introduction: the current situation in the labor market of the Russian Federation is characterized by an imbalance of supply and demand and is one of the key constraints for accelerated production growth. In the article, the study of the labor market is based on the principles of a scientific approach focused on the application of the complex systems and the decision-making theories, considering the relationship and interaction of all elements of the system, the characteristics of individuals and the environment in which the choice is formed. **Objectives:** to develop the concept of an adaptive system for monitoring and forecasting the region's staffing region and the implementation of simulation models for managing the behavior of individuals at each stage of educational and work trajectories. **Methods:** theory of complex systems, theory of decision-making, simulation modeling, agent-based approach, sociological survey. **Results:** an assessment of trends in demand and supply in the labor market was carried out; based on the proposed concept of an adaptive system for monitoring and forecasting the region's staffing, simulation models of behavior were implemented: applicants when choosing training areas in the regional educational system, namely admission to a university/secondary special school; graduates of a university/special secondary school when entering the labor market; applicants competing for available jobs

in the labor market. Computational experiments were performed on the data of the labor market and the educational sphere of the Republic of Bashkortostan. **Conclusions:** the implementation of an adaptive system for monitoring and forecasting the staffing of the region in the context of the theory of complex systems and decision-making theory using an agent-oriented approach makes it possible to: identify stable trends in the labor market and education, which are formed by a variety of choices and trajectories of individuals; manage the behavior of individuals based on scenario impact options and predict their impact on collective, system-wide behavior; evaluate the effectiveness of regulatory measures to influence the “labor market-education” system.

Keywords: labor market, education, human resources, adaptive monitoring and forecasting system, theory of complex systems, theory of decision-making, behavior management, agent-oriented model

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences no. 075-01134-23-00 for 2024 and for the planned 2025.

For citation: Gainanov, D. A., Migranova, L. I. and Saifullina, L. D. (2024), “Managing the behavior of individuals in the regional labor market: Approaches, models and prospects”, *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 4, pp. 459–480, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-459-480>.

ВВЕДЕНИЕ

На мировых и российских рынках труда наблюдается существенный дефицит кадровых ресурсов, что создает значительные вызовы как для страны, так и для мирового сообщества в целом. Подобная ситуация характерна для большинства отраслей и регионов и требует внимательного анализа и взвешенных решений.

Одной из основных причин этой проблемы является демографическая яма, сформировавшаяся в течение последних пятидесяти лет. Рождаемость временно увеличилась в послевоенный период, но затем снизилась, особенно в девяностых. Например, пик рождаемости за 1990–2023 годы в Республике Башкортостан пришелся на 1990 год – 63 899 человек и на 2014-й – 60 239. Рождаемость в республике продолжала снижаться и в 2023 году составила 35 512 человек – это самое низкое значение показателя за весь исследуемый отрезок времени и в 1,7 раза меньше по сравнению с 2014 годом¹. Структура населения меняется в сторону увеличения старших возрастных групп, что свидетельствует о росте демографической нагрузки и перспективе дальнейшего обострения проблемы количественной нехватки рабочей силы в долгосрочном периоде (рис. 1).

¹ Показатели естественного движения населения [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. 2023. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokazateli-estestvennogo-dvizheniya-naseleniya.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

Рис. 1. Динамика численности трудоспособного населения Российской Федерации и Республики Башкортостан, тыс. чел. / Fig. 1. Dynamics of the number of able-bodied population of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, thousand people

Источник: рисунки 1–2 составлены авторами на основе данных Росстата.

В данное время рынок труда столкнулся с пиковой потребностью в рабочей силе. Несмотря на технологический прогресс и автоматизацию производственных процессов, эта потребность постоянно росла. Особенно обострилась ситуация в промышленном секторе, сфере услуг и среди рабочего персонала (Гайнанов и Сайфулина, 2023). Официальные источники свидетельствуют о том, что спрос на кадры для промышленного сектора в Республике Башкортостан увеличится с 11,5 тыс. в текущем году до 12,4 тыс. к 2032. Если в контексте всей республики на одного безработного приходится в среднем четыре вакансии, то в промышленном секторе на каждого соискателя – в среднем восемь вакансий. Преобладающая часть вакансий в промышленном секторе (почти 90 %, то есть 11,3 тыс. единиц) связана с рабочими профессиями².

Недостаток кадров обусловлен рядом факторов, включая спрос на специальности, ранее не востребованные, и негативные тенденции как в экономике, так и в миграционной сфере. Важно отметить снижение численности трудовых мигрантов, которые исторически компенсировали недостаток кадров на российском рынке труда. К тому же последние годы характеризовались переосмыслением ценностей и отношения к работе после пандемии COVID-19, что также повлияло на рынок труда.

Согласно данным «Яндекса», запросы на тему поиска работы в 2023 году уменьшились на 30 % по сравнению с предыдущим годом. На большинстве региональных рынков труда России уровень безработицы находится на историческом минимуме. В Республике Башкортостан в 2023 году уровень безработицы составил 3,4 %³. Низкий уровень безработицы характерен для Москвы

² В Башкортостане прогнозируется рост потребности в кадрах в машиностроительной отрасли [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва семьи, труда и соц. защиты населения Респ. Башкортостан. 2023. 27 дек. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/presscenter/news/593132/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Занятость и безработица [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. 2023. URL: [https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zanyatost-i-bezrabotica-12_2023\(1\).pdf](https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zanyatost-i-bezrabotica-12_2023(1).pdf) (дата обращения: 15.03.2024).

и Санкт-Петербурга. Ожидалось, что в регионах этот показатель будет выше, однако статистика отражает реальное положение дел: в России низкая безработица и работу легко найти. Соотношение вакансий к числу соискателей находится тоже на историческом минимуме: в январе 2024 года значение данного показателя по России в целом составило 3,5, в феврале – 3,4⁴. Диапазон значений от 2 до 3,9 указывает на высокий уровень дефицита соискателей. В Республике Башкортостан в феврале 2024 года этот показатель равнялся 3,8⁵.

Требования, предъявляемые к будущей профессии соискателями, сильно зависят от поколения и его ценностей. У цифровых нативов высокие запросы на комфорт рабочей и личной жизни. Эти запросы отчетливо выделяются на фоне требований поколений восьмидесятых и девяностых, для которых важен был успех. Сегодня сотрудники все больше задумываются о балансе работы и личной жизни, о ценностях компании и ее целях. Также популярно требование к удаленной работе, и количество вакансий с этим форматом растет, а предложения оказываются более эффективными. Современные молодые люди, которые сразу начали работать удаленно, не желают тратить много времени на дорогу до офиса. Важно, чтобы работодатели осознали этот факт и были готовы к таким требованиям. Наконец, новая экономика требует физической силы и выносливости – например, для курьеров и доставщиков. Сложно представить на такой позиции маломобильного пожилого человека, и проблема с нехваткой курьеров и водителей существует, поскольку для работодателей в приоритете молодые кадры, а их недостаточно. Это создает проблемы, особенно в крупных городах, где спрос на курьерские услуги огромен.

Согласно исследованию аналитиков HeadHunter, наиболее перспективными для трудоустройства регионами являются Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий автономный округ и Рязанская область. Это следует из рейтинга регионов по перспективности карьерного роста, представленного впервые⁶. Москва заняла в этом рейтинге 65-е место из-за высокой конкуренции за рабочие места, в то время как Санкт-Петербург расположился на 12-й строчке. Ожидается появление в России новых центров притяжения квалифицированных кадров, помимо столицы. Сложившаяся ситуация требует интегрированного подхода, включающего применение передовых методик и инструментов для планирования, прогнозирования и реализации стратегий, направленных на устранение проблемы дефицита рабочей силы.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что диспропорция в кадровых потребностях региона есть следствие отсутствия эффективной обратной связи рынка труда и системы планирования, прогнозирования и подготовки трудовых ресурсов. Рассмотрение в комплексе рынка труда и сферы образования, включая дополнительное профессиональное образо-

⁴ hh Статистика: сервис открытой аналитики рынка труда [Электронный ресурс] // Офф. сайт HeadHunter. 2024. URL: <https://stats.hh.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁵ hh Статистика: сервис открытой аналитики рынка труда. Республика Башкортостан [Электронный ресурс] // Офф. сайт HeadHunter. 2024. URL: <https://stats.hh.ru/bashkortostan> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Рынок труда в СМИ: дайджест февраля 2024 года [Электронный ресурс] // Офф. сайт HeadHunter. Уфа. 2024. URL: https://ufa.hh.ru/article/32535?hhtmFrom=article_labour-market_list (дата обращения: 18.03.2024).

вание, как сложной, многоуровневой и мультиагентной системы в контексте теории сложных систем и теории принятия решений с использованием имитационного агент-ориентированного подхода позволит построить адаптивную систему мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона и управлять поведением агентов на образовательной и трудовой траекториях на основе принципов направленного воздействия (экономических, социально-демографических, поведенческих) на целевую аудиторию.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В сложившихся условиях дефицита кадров растет значимость интеллектуальной собственности и человеческого капитала. Формирование последнего происходит через образовательную и трудовую траектории индивида, которые взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Эти траектории могут изменяться в ответ на изменяющиеся условия рынка труда, технологические инновации, потребности в обучении и развитии, а также личные цели и предпочтения индивида. Проходя свой жизненный путь, индивид сталкивается с огромным количеством выборов, и принятие им тех или иных решений меняет траекторию его движения.

В связи с этим возникает необходимость в использовании инструментов, которые помогли бы выявлять устойчивые тенденции на рынке труда исходя из множества выборов и построения образовательных и трудовых траекторий индивидов с учетом их характера поведения (рационального и иррационального) и среды окружения. Такую возможность дает комплексный подход с привлечением теории сложных систем и теорий выбора и принятия решений: он позволяет исследовать как процессы, происходящие на рынке труда и в сфере образования, так и выбор и стратегии действия экономических агентов в конкретных условиях социоэкономической среды (Путачева, 2009).

Рынок труда во взаимосвязи с образовательной сферой, формирующей для него кадровый ресурс, образует структуру, в которой выделяются следующие концептуальные аспекты:

1) *сложность системы*: на формирование предложения и спроса трудовых ресурсов воздействуют различные процессы и факторы: демографические, миграционные, флуктуации в экономике, инвестиционные потоки и др.;

2) *динамические процессы и взаимосвязи*: изменения в одном секторе могут влиять на другие аспекты рынка. Например, изменения в технологиях формируют спрос на определенные навыки, что в свою очередь требует перекалфикации рабочей силы и изменения образовательных программ;

3) *эмерджентность и самоорганизация*: из отдельных актов выбора и взаимодействий индивидов формируются стабильные динамические структуры и общесистемное поведение. На рынке труда, в ответ на изменения в экономике, возникают новые специализации или формы работы (дистанционные, сетевые и др.);

4) *адаптивность и резонанс*: система рынка труда обладает адаптивностью. Это свойство может проявляться в процессе вхождения личности в новую трудовую ситуацию, в изменении отношений занятости в условиях

турбулентности внешней среды. Автоматизация, цифровизация и роботизация в рыночных условиях могут вызывать нелинейные реакции и резонансные эффекты;

5) *моделирование и анализ*: теория сложных систем реализовала подход к созданию адаптивных имитационных моделей, которые учитывают нелинейные взаимосвязи и динамические процессы. Это позволяет лучше понимать поведение индивидов как экономических агентов на рынке труда и разрабатывать эффективные политики занятости и образования на основе агентного (агент-ориентированного) моделирования.

Исследованием различных аспектов рынка труда с использованием концепций теории сложных систем занимается целый ряд зарубежных ученых. В частности, У. Б. Артур, изучая экономические системы, доказывает, что они являются сложными адаптивными системами, которые могут проявлять нелинейные и эмерджентные свойства. Он считает, что понимание этого позволяет разрабатывать более точные модели и прогнозы экономических явлений (Arthur, 2006, 2014). Л. Тесфацион и К. Джадд описывают методы и приложения к моделированию в экономике, включая анализ рынка труда, через призму агентных моделей и теории сложных систем (Tesfatsion, 2006; Judd, 2006). Л. Е. Блюм и С. Н. Дурлауф развивают концепцию экономики как эволюционирующей сложной системы, исследуя разнообразные методы анализа рынка труда и других экономических систем в контексте теории сложных систем (Blume and Durlauf, 2006). Р. Аксельрод создает модели сотрудничества и соревнования на основе агент-ориентированных моделей (Axelrod, 2003).

Возможности имитационного моделирования на основе агент-ориентированного подхода в настоящее время широко используются. Такой подход позволяет создавать динамичную нелинейную модель экономики, в которой каждый агент представлен индивидуально, со своими уникальными характеристиками, ограниченной информацией и ограниченной рациональностью, и его поведение трудно объяснить или предсказать с помощью традиционных математических моделей. При имитационном моделировании учитываются характеристики агента (его предпочтения, ожидания и др.), выборы (обучение в вузе/университете, определение специальности, устройство на работу и т.д.), совершаемые им на протяжении всей траектории жизни, и взаимодействия с другими агентами, тем самым позволяя прогнозировать результат взаимодействия агентов и их воздействие на систему в целом.

Значительный вклад в разработку методологии моделирования экономических и социальных процессов с использованием агент-ориентированного подхода был сделан и российскими учеными (Макаров и др., 2016; Бурилина и Евдокимов, 2020; Абрамов и Дохолян, 2019). Кроме того, отечественные ученые участвовали в разработке агентных моделей прогнозирования рынка труда (Маматов и др., 2019; Mamatov et al., 2020; Быкова, 2019; Россошанская, 2019).

В системе агент-ориентированного моделирования существенно важным является индивидуальное поведение агента, определяемое его выбором. Процедуре принятия решений, выбору и стратегии действий лиц, принимающих решения, в последнее время уделяется довольно большое внимание на междисциплинарном уровне. В этих работах ситуация принятия решений рассматрива-

ется в системе координат, в которых формируется выбор. Социологи называют ее экосистемой выбора, и в широком смысле она включает в себя социальные, культурные, институциональные и материальные среды, формирующие смысл и значимость выбора (Куракин и Латыпов, 2023). Выбор агента зависит от степени его включенности в эти разнородные среды и определяется с применением разнообразных подходов. Эти подходы предусматривают ряд исследований, а именно: 1) экономические, которые анализируют поведение индивида с учетом как рационального, так и иррационального выбора; 2) социологические, где неравенство интерпретируется как проблема неравномерного доступа к ресурсам и благам; 3) нейрокогнитивные, основанные на субъективном опыте индивида.

Существующие подходы и реализованные модели рассматривают каждую систему в отдельности, моделируют фрагментарно ситуации и на рынке труда, и в сфере образования, а также реакцию каждой системы на отдельные изменения условий внешней среды. В социологии изучение поведенческих аспектов, выбора и его последствий часто происходит в изоляции, без интеграции в общую систему, связывающую рынок труда и образовательную сферу. Такой подход ограничивает возможности для всестороннего планирования, прогнозирования и подготовки трудовых ресурсов, учитывая взаимосвязи между этими двумя ключевыми областями.

Авторами предложена концепция адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона, отличительной особенностью которой является комплексное рассмотрение рынка труда и сферы образования, включая дополнительное профессиональное образование, как сложной, мультиагентной системы с обратной связью. Реализация концепции в контексте теории сложных систем и теории принятия решений с использованием агент-ориентированного подхода позволяет: 1) выявить устойчивые тенденции на рынке труда и сферы образования, которые складываются исходя из множества выборов и траекторий движения индивидов; 2) управлять поведением индивидов на образовательной и трудовой траекториях на основе принципов направленного воздействия (экономических, социально-демографических, поведенческих) в рамках сценарных вариантов; 3) прогнозировать коллективное, общесистемное поведение; 4) оценить эффективность регуляторных мер и программ в этой сфере (Гайнанов и Минязев, 2022).

В качестве экономических агентов рынка труда рассматриваются хозяйствующие субъекты региона, представляющие конкретный вид экономической деятельности (ВЭД). Основными их характеристиками являются следующие параметры: производительность труда, текучесть кадров, численность занятых и освобождение мест в результате естественного возрастного выбытия, вакансии и квалификационные требования к работникам, заработная плата и т. д. Стратегии поведения зависят от ситуации на рынке: создание дополнительных/сокращение рабочих мест, увеличение/снижение заработной платы и т. д. Рекомендуется в первую очередь рассматривать системообразующие предприятия региона. Агентами системы образования региона являются образовательные учреждения по уровням образования. Они характеризуются параметрами, определяемыми их специализацией (перечень направлений обучения, предметы, необходимые для поступления), а также количеством бюджетных мест,

рейтингом, стоимостью обучения и др. Возможные варианты поведения обусловлены изменением этих параметров в результате принятой образовательным учреждением стратегии своего развития. Образовательные учреждения региона по направлениям и профилям образования необходимо рассматривать в рейтинге с аналогичными учреждениями как соседних регионов, так и России в целом, поскольку сильно их взаимовлияние на образовательную миграцию.

Агент-человек (индивид) при нахождении на образовательной траектории имеет статус «абитуриент» для получения необходимых компетенций с целью трудоустройства; при нахождении на трудовой траектории – статусы «выпускник», «безработный», «уволившийся с работы», «мигрант». Если поведение хозяйствующих субъектов и учреждений образования рационально и определено экономической средой, то поведение индивида как на образовательной, так и на трудовой траекториях существенно зависит от множества факторов и условий. Для этого предлагается использовать социологические опросы, определяющие степень включенности индивида в экосистему выбора, а также цифровой след индивида.

Региональные параметры социально-экономического развития (демографические, миграционные, структурные и технологические изменения в экономике, приоритетные отрасли, инвестиционные потоки и др.), определяемые принятыми стратегиями и программами, задают условия среды и позволяют выявить факторы, влияющие на экономических агентов. Факторами целевого воздействия на каждую категорию индивидов в узловых точках принятия решений на образовательных и трудовых траекториях выступают такие параметры, как количество бюджетных мест, рейтинг вуза, стоимость обучения по специальности, количество мест в общежитиях в регионе, уровень заработной платы, число вакантных мест и др. Управление этими параметрами позволяет имитировать различные сценарии государственного воздействия с целью формирования необходимых будущих трудовых ресурсов. Все управляющие меры можно комбинировать, чтобы оценить их эффект на поведение человека уже при выборе специальности. В итоге это позволит решить проблему обеспечения потребности в будущих специальностях, исходя из перспектив развития видов экономической деятельности в регионе (Гайнанов и Минязев, 2022; Мигранова и Минязев, 2022).

На основе предложенной концепции адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона реализованы имитационные модели поведения: 1) абитуриентов при выборе направлений подготовки в региональной образовательной системе – поступлении в вуз/ссуз; 2) выпускников вуза/ссуза при выходе на рынок труда; 3) претендентов, конкурирующих за доступные рабочие места на рынке труда.

Моделирование заключается в симуляции взаимодействия множества индивидов в системе. Это взаимодействия между работодателями, соискателями, образовательными учреждениями, государственными органами и другими экономическими агентами, влияющими на формирование и динамику рынка труда. Поскольку сценарии основаны на реальных данных о поведении участников рынка труда и их взаимодействиях (официальная статистика, социологические опросы, данные от работодателей), это делает моделирование более реалистичным и информативным.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый серьезный выбор индивид делает после окончания 9-го класса: продолжить обучение в школе или же поступать в ссуз, какую специальность при этом выбрать. Аналогичная проблема принятия решения встает перед выпускником 11-го класса – какой выбрать вуз, какую специальность, по каким предметам сдавать единый государственный экзамен (ЕГЭ), и социально-демографические характеристики индивида оказывают существенное влияние на эти решения. Получив профессию и выйдя на рынок труда, индивид снова оказывается перед выбором – на какую работу устраиваться, исходя из своих компетенций и ожиданий. Ключевое влияние на состояние рынка труда оказывают решения, принимаемые студентами вузов или ссузов в период обучения или после его завершения. В этот момент индивиды берут на себя ответственность за успешное формирование своей трудовой карьеры, определяя, где и в качестве кого они будут применять полученные специализированные знания на рынке труда или же продолжают образование на следующем образовательном уровне, повышая свои компетенции и квалификацию.

Выявлено, что подростки из семей с низким социально-экономическим статусом, несмотря на хорошие оценки, чаще выбирают ссузы или менее престижные вузы. В то же время их сверстники из обеспеченных и образованных семей с тем же уровнем успеваемости предпочитают поступать в престижные университеты. Эти решения в значительной степени зависят от «жизненных горизонтов» школьников и взглядов на ценность образования, которые формируются под воздействием социальной среды, включая установки родителей и их социально-экономический статус (образование, доходы, культурные пристрастия). Исследователи обращают внимание на так называемую парентократию, или тотальное влияние родителей (которое иногда может быть неосознанным). Это становится особенно очевидным, когда семья активно ограничивает выбор ребенка – например, решает за него, что он должен поступить в ссуз, несмотря на его способности к получению высшего образования, или, наоборот, направляет слабого ученика в университет, когда он сам склонялся к ссузу (Minina et al., 2020; Хавенсон и Чиркина, 2019; Кондратенко и др., 2020; Лукина, 2023). Опрос, проведенный авторами в мае 2021 года среди школьников 10–11-х классов Республики Башкортостан с выборкой 35 тыс. человек, выявил, что у 30 % на выбор будущей специальности повлияло мнение родителей (Гайнанов, 2021, с. 63, Гайнанов и Минязев, 2022, с. 101). Для 45,1 % респондентов также важно мнение родителей при выборе конкретного вуза. Таким образом, если результаты выбора являются предсказуемыми, то способность индивида совершать осмысленные действия, то есть действовать самостоятельно, анализируя свои возможности, желания и перспективы, оказывается ограниченной⁷.

На результат принятия решения существенно влияет также социально-экономическая, культурная и историческая привлекательность места нахож-

⁷ Соболевская О. Приговоренные к «вышке»: как старшеклассники выбирают учебное заведение [Электронный ресурс] // IQ Media. 2020. 18 июня. URL: <https://iq-media.ru/archive/373584799.html> (дата обращения: 25.02.2024).

дения и рейтинг образовательного учреждения (Малиновский и Шибанова, 2022). Большинство респондентов (98 %), отметивших высокий доход своей семьи, и 51 % с доходами выше среднего планируют поступать в более престижные вузы другого региона, несмотря на высокие затраты на проживание и обучение в другом городе (Гайнанов, 2021, с. 65).

Образовательные притязания динамичны и меняются в зависимости не только от времени, но и от тенденций изменения рынка труда. В частности, исследования образовательных притязаний девятиклассников показывают, что в 2023 году в ссузы поступило 1,2 млн студентов, то есть больше 60 % выпускников 9-х классов. В Республике Башкортостан в 2022 году конкурс на вступительных экзаменах в государственные образовательные организации, реализующие программы подготовки специалистов среднего звена, составил 3,2 заявления на одно место, и это самое высокое значение за последние двадцать два года⁸. Среди выпускников 11-х классов более 70 % поступают в вуз. На рисунке 2, где отражены данные за период с 2019 по 2023 год по Республике Башкортостан, видно, что численность студентов растет⁹.

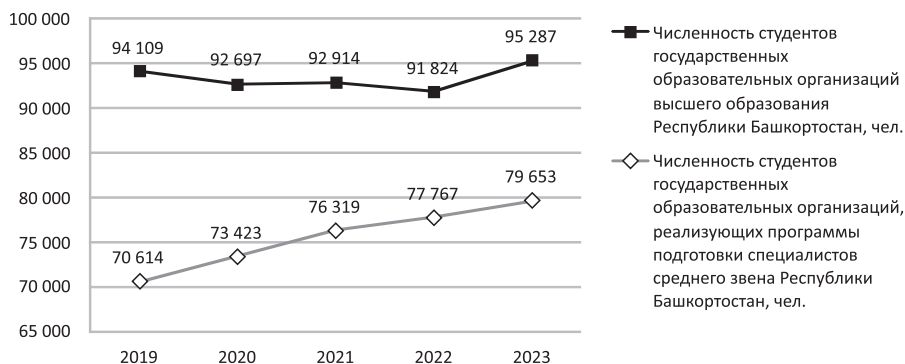

Рис. 2. Численность студентов государственных образовательных организаций, реализующих программы подготовки специалистов среднего звена, и государственных образовательных организаций высшего образования Республики Башкортостан, чел. / Fig. 2. The number of students of state educational organizations implementing training programs for mid-level specialists and state educational organizations of higher education of the Republic of Bashkortostan, people

Авторы применили результаты проведенного социологического опроса для изучения поведенческих паттернов абитуриентов и тенденций в сфере образования. Эти данные интегрировались в разработку модели поведения абитуриентов, которая воспроизводит процесс выбора ими образова-

⁸ Конкурс на вступительных экзаменах в ССУЗы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2023. 31 авг. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/konkurs-SPO--2022.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

⁹ Профессиональные образовательные организации, осуществляющие подготовку специалистов среднего звена [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2023. 31 авг. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SPO-2022.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

тельных траекторий в контексте региональной системы высшего и среднего профессионального образования. Серьезное внимание было уделено не только описанию индивидуальных характеристик абитуриента, но и возможным вариантам его поведения в зависимости от ситуации в образовательной системе, что позволило создать реальный механизм прогнозирования поведенческих реакций на основе компьютерной симуляции. Модель также включает параметры для модификации государственных регуляторных механизмов в образовательной сфере, такие как корректировка количества бюджетных мест по специальностям, интеграция новых специализаций в учебные программы, объединение вузов и др. (Гайнанов, 2021; Гайнанов и Минязев, 2022).

В результате моделирования были получены прогнозные значения численности студентов – выпускников государственных вузов Республики Башкортостан до 2025 года в разрезе направлений подготовки (рис. 3), а также реализованы сценарные эксперименты по оценке степени влияния выбора предметов ЕГЭ на численность поступивших абитуриентов в разрезе гуманитарных и технических направлений подготовки, и эксперимент объединения двух вузов Республики Башкортостан, который показал, что объединенный вуз перейдет в кластер рейтинга повыше и тем самым уровень образовательной миграции снизится не менее чем на 8 %. Существенно важным результатом исследования стало выявленное несоответствие предварительного желания абитуриентов в выборе предметов для ЕГЭ, сдача которых необходима для поступления в престижные вузы на востребованные специальности (были определены в ходе анкетирования), и фактической сдачи экзаменов (анализ отчетности Министерства образования и науки Республики Башкортостан). Абитуриенты, вероятно ориентируясь на краткосрочные цели, такие как успешная сдача ЕГЭ, в итоге выбирают предметы, которые кажутся им менее сложными, и поступают на другие специальности (Гайнанов, 2021, с. 72).

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН совместно с Министерством образования и науки Республики Башкортостан в 2022 году провели социологические опросы и исследования выпускников вузов/ссузов, включавшие в себя изучение всех аспектов образовательной траектории, начиная с анализа причин поступления и заканчивая ожиданиями выпускников по трудоустройству. Был составлен социальный портрет, определены запросы и ожидания выпускников, степень их удовлетворенности и формирование новых потребностей в образовании, выявлены факторы и мотивы построения трудовой карьеры. В структуре образовательной траектории выделены узловые точки принятия решений (Гайнанов и Минязев, 2022). Эти исследования легли в основу построения имитационных моделей поведения выпускников вуза/ссуза на рынке труда – моделей, позволяющих прогнозировать возможные варианты их трудоустройства с учетом образовательного профиля и потребностей секторов экономики Республики Башкортостан (Гайнанов и Минязев, 2022). Основные функции программы включают импорт данных из внешних

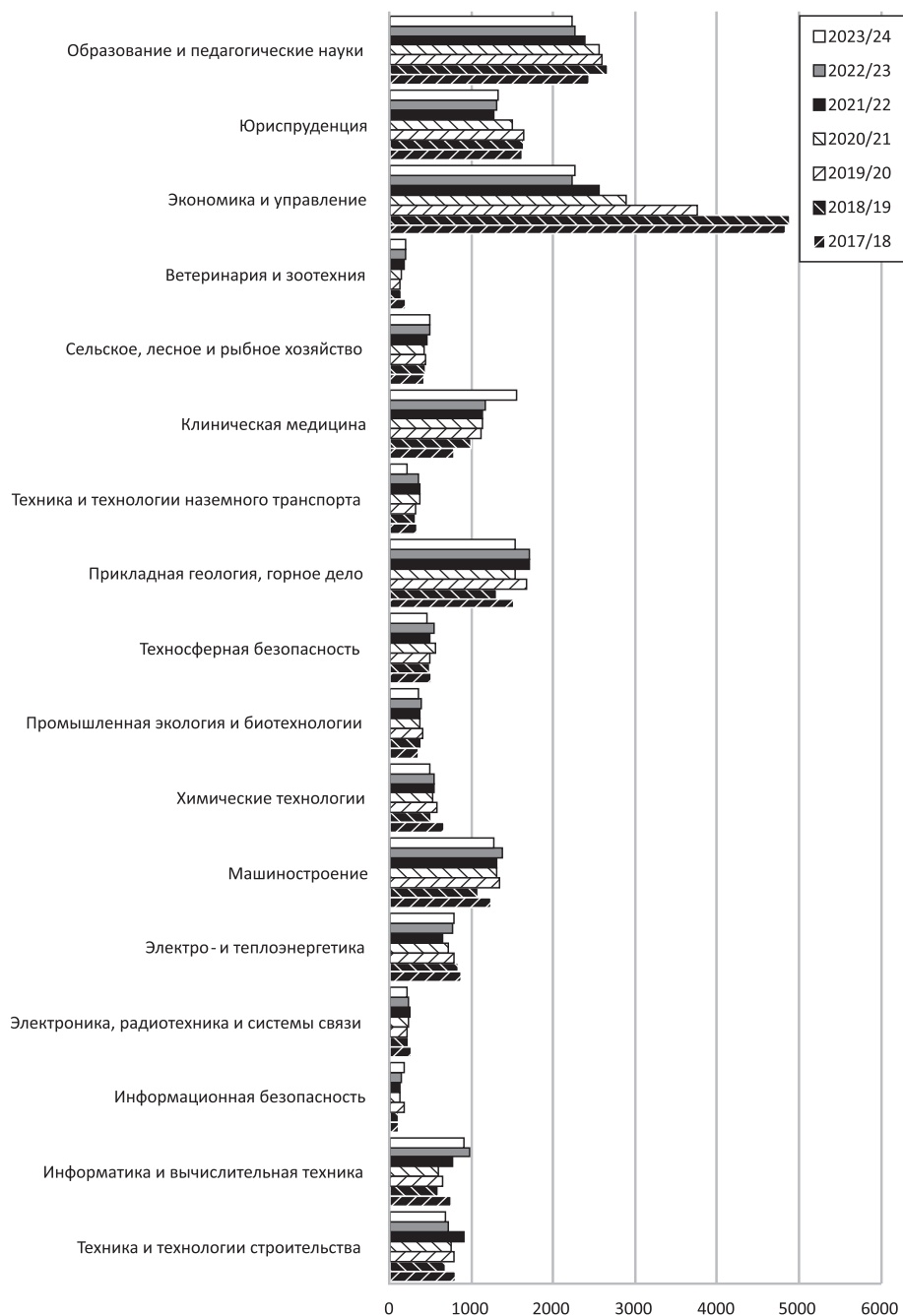

Рис. 3. Фрагмент прогноза численности выпускников вузов Республики Башкортостан, чел.
/ Fig. 3. A fragment of the universities graduates number forecast for the Republic of Bashkortostan, people

Источник: рисунки 3–4 составлены авторами.

источников, корректировку параметров, связанных с потребностями рынка, и составление прогнозов по трудоустройству выпускников в соответствии с направлениями их подготовки¹⁰.

Генерация возможных вариантов линий поведения выпускников по конкретным направлениям обучения как в части продолжения обучения, так и в части вхождения на рынок труда реализуются на основе статистических данных и результатов социологических опросов¹¹. Модель возможного поведения выпускников одного из направлений обучения приведена на рисунке 4.

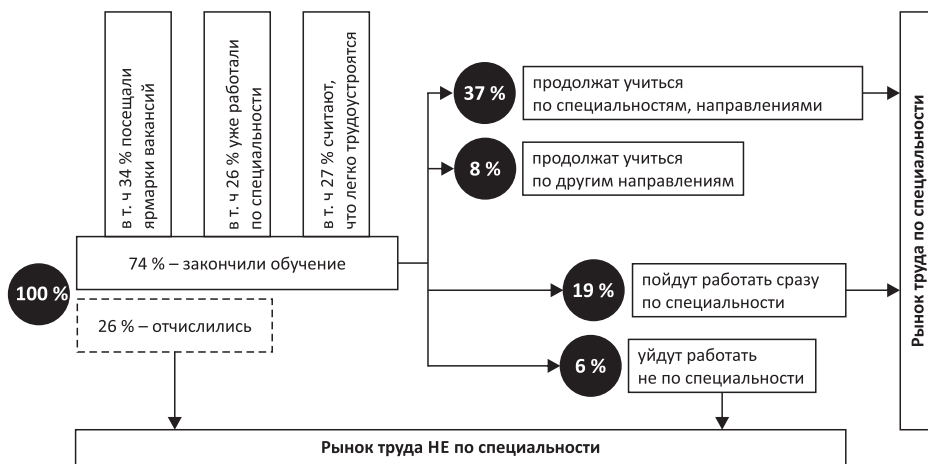

Рис. 4. Модель поведения выпускников направления «Инженерное дело, технологии и технические науки» / Fig. 4. The behavior model of graduates in Engineering, Technology and Technical Sciences

В связи с тем, что запросы выпускников в заработной плате практически по всем направлениям подготовки превышают предложения на рынке труда, проведены сценарные эксперименты, позволившие выявить предельные значения повышения заработной платы, при которой происходит рост удовлетворенной потребности на низкооплачиваемых ВЭД, и объем выпуска специалистов с профессиональным образованием для удовлетворения потребностей дефицитных ВЭД (Гайнанов и Минязев, 2022).

Взаимодействие между экономическими агентами на рынке труда в реальности происходит в условиях конкуренции между претендентами за рабочие места и должности, между потребителями и поставщиками рабочей силы за условия приема на работу, между предприятиями за квалифицированных сотрудников и дефицитные рабочие кадры. Рассмотренные выше модели

¹⁰ Гайнанов Д. А., Минязев А. И., Гайсина А. Ш. и др. Цифровая модель поведения выпускника вуза на рынке труда. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023665062, 11.07.2023. Заявка № 2023663909 от 04.07.2023; Они же. Агентная модель трудоустройства выпускников ссузов. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023669464, 14.09.2023. Заявка № 2023667835 от 29.08.2023.

¹¹ Гайнанов Д. А., Мигранова Л. И., Минязев А. И. Результаты опроса выпускников вузов Республики Башкортостан. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023623020, 01.09.2023. Заявка № 2023622795 от 29.08.2023.

поведения индивидов при формировании образовательной или трудовой траектории лежат в основе построения более сложной модели – модели конкуренции на региональном рынке труда, реализующей комплексный взгляд на динамику занятости региона. В этой модели участники рынка, включая выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений, безработных, мигрантов и работников, ищущих новое место работы, вступают в конкуренцию за доступные рабочие места. Модель интегрирует различные переменные, такие как образовательный уровень, специализация, профессиональный опыт, готовность к переподготовке и миграции, а также ожидания по зарплате. Она также включает оценку потребностей предприятий в сотрудниках, основываясь на их экономической активности, образовательных требованиях к соискателям и специализации. Симуляция взаимодействия экономических агентов в модели позволит выявить структуру статусов кандидатов, предоставляя данные по образовательному уровню, направлению подготовки и группам соискателей. В зависимости от сценарных вариантов будет прогнозироваться структура удовлетворенных и невыполненных потребностей предприятий по видам экономической деятельности, уровню образования и направлениям подготовки¹².

На данном этапе исследования ведутся расчеты по таким сценарным вариантам, как оценка степени влияния заработной платы на структуру удовлетворенных и невыполненных потребностей предприятий, уровень миграции и численность безработных в регионе. В модель также внедряется ряд мероприятий, способствующих увеличению численности выпускников, работающих по специальности. Результаты моделирования будут представлены в последующих работах авторов.

В частности, в адаптивной модели, в зависимости от полноты необходимых входных данных, возможно внедрение следующего комплекса мер для выстраивания у абитуриентов/студентов/выпускников целевого поведения путем определения значимых для них факторов и условий влияния:

1) систематическая работа по двум направлениям: привлечение абитуриентов к дефицитным специальностям с помощью эффективной системы профориентации и карьерного консультирования в школах, университетах и центрах занятости, включая активное участие в этом процессе стратегических предприятий, и корректировка структуры подготовки специалистов через контрольные цифры приема (КЦП) на бюджетные места с учетом приоритетных направлений развития региона;

2) выявление причин выбытия (незавершения образования) в образовательной системе, а также работы не по специальности после завершения. Необходимо внедрение таких мер, как дополнительное информирование и повышение ответственности у абитуриентов при выборе профессии, повышение гибкости учебных планов и образовательных программ в соответствии с требованиями работодателей, популяризация и доступность образовательных кредитов;

¹² Гайнанов Д. А., Минязев А. И., Мигранова Л. И. Агентная модель конкуренции на региональном рынке труда. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023684740, 20.11.2023. Заявка от 03.11.2023.

3) стимулирование и поддержка молодых работников как хозяйствующими субъектами, так и государством в части заработной платы, формирования карьеры, социальной помощи в соответствии с ожиданиями выпускников по уровню заработной платы и карьерного роста. Это возможно путем разработки совместных программ кадровой поддержки перспективных и ведущих ВЭД региона;

4) проведение мероприятий по адаптации студентов к рынку труда с учетом их специализации. Недостаточное знание о состоянии рынка труда приводит к неэффективным действиям со стороны выпускников;

5) разработка государственных мер регулирования образовательной миграции путем поддержки и стимулирования поступающих в вузы региона, а также направление на целевое обучение по тем специальностям, которых нет в регионе. Необходимы также меры по возврату в регион после обучения выпускников с высокими баллами ЕГЭ, а также победителей олимпиад, поступивших в престижные вузы больших городских агломераций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Формирование поведения индивидов на рынке труда и сферы образования, а также корректировка такого поведения посредством выявления факторов и мер воздействия для удовлетворения перспективных кадровых потребностей региона являются актуальной управленческой задачей. Сложность выявления указанных факторов предопределяет необходимость использования подходов, которые учитывали бы индивидуальные характеристики человека, его желания и мотивы, условия среды.

2. Применение подходов теории сложных систем и теории принятия решений в контексте рынка труда на основе агент-ориентированного моделирования позволяет учитывать динамические связи, выявлять эмерджентные свойства и нелинейные взаимодействия агентов с их индивидуальными стратегиями поведения, включая принятие ими решений в системе координат, формирующей выбор и способной существенно влиять на динамику рынка труда.

3. Преимуществом для решения практических задач является реализация идеологии агент-ориентированного моделирования на мощных платформах моделирования, таких как AnyLogic, NetLogo. Они позволяют создавать простые в поддержке имитационные модели без привлечения дополнительных средств. На сегодняшний день в агент-ориентированном моделировании уже имеется большая библиотека разработанных моделей для всех этапов жизненного цикла человека (Smaidino, 2023)¹³.

Все это обеспечило возможность создания адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона, которая отражает реальные условия, притязания и потребности индивидов (Гайнанов и Минязев, 2022). Более того, вовлечение заинтересованных сторон – пред-

¹³ Библиотека моделирования процессов [Электронный ресурс] // Официальный сайт The AnyLogic Company. URL: <https://www.anylogic.ru/features/libraries/process-modeling-library/> (дата обращения: 23.03.2024).

ставителей бизнеса, образовательных учреждений и профсоюзов – в процесс разработки комплексной системы и реализации государственной политики в области занятости и рынка труда способствует принятию более сбалансированных и эффективных решений, отвечающих потребностям всех участников рынка.

Таким образом, реализация адаптивной системы мониторинга и прогнозирования кадровой обеспеченности региона на основе использования имитационного агент-ориентированного подхода может играть ключевую роль в управлении рынком труда, обеспечивая улучшение его эффективности и адаптивности к изменяющимся условиям и более результативное воздействие государственных мер на трудовую активность и трудовые и образовательные траектории индивидов.

Такие имитационные модели помогут исследователям и практикам лучше понять, какие факторы оказывают наибольшее влияние на динамику рынка труда, какие стратегии наиболее эффективны для регулирования этой системы, а также какие риски и возможности могут возникнуть в результате различных изменений или вмешательств. В целом применение в исследовании рынка труда подходов и инструментов теории сложных систем и теории выбора, учитывающих как характеристики индивидов, так и окружающую среду, в которой формируется выбор, способствует более глубокому и комплексному пониманию этой важной социально-экономической системы.

Список источников

Абрамов В. И., Дохолян А. С. Агент-ориентированное моделирование: возможности в условиях преобразования институциональной структуры экономики России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 4. С. 5–11.

Бурилина М. А., Евдокимов Д. С. Агент-ориентированное моделирование для поддержки принятия решений и прогнозирования в условиях перехода к цифровой экономике. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. 147 с.

Быкова Т. Е. Имитационная модель рынка труда Алтайского края // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 1. С. 21–30.

Гайнанов Д. А., Минязев А. И. Концептуальная модель прогнозирования потребности рынка труда в квалифицированных специалистах на основе агент-ориентированного подхода // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 4. С. 101–106. <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2022-0-4-101-106>.

Гайнанов Д. А., Сайфулина Л. Д. Стратегические приоритеты и кадровая обеспеченность развития промышленности региона // Финансовый бизнес. 2023. № 11. С. 99–105. <https://doi.org/10.48521/FINBIZ.2023.245.11.001>.

Кондратенко В. А., Кирюшина М. А., Богданов М. Б. Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.

Куракин Д. Ю., Латыпов И. А. Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 3. С. 11–32. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-11-32>.

Лукина А. А. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 133–160. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-2-133-160>.

Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д. Агент-ориентированные модели как инструмент апробации управленческих решений // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 16–25.

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 3. С. 8–37. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.3.9149>.

Маматов А. В., Машкова А. Л., Савина О. А. Прогнозирование динамики кадрового потенциала в регионах России с использованием методов агент-ориентированного моделирования [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2019. Т. 14, № 3. <https://doi.org/10.18254/S207751800006724-5>. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800006724-5-1/> (дата обращения: 04.05.2024).

Мигранова Л. И., Минязев А. И. Прогнозирование кадровой обеспеченности региона на основе агент-ориентированного подхода // Фундаментальные исследования. 2022. № 12. С. 130–136. <https://doi.org/10.17513/fr.43409>.

Пугачева Е. Г. Идеи теории сложных систем и их применение на практике // Проблеми системного підходу в економіці: Збірник наукових праць. Вип. 31 / За ред. В. В. Мова. Київ: Національний авіаційний університет, 2009. С. 36–45.

Россошанская Е. А. Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 1. С. 124–137. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.7>.

Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 4. С. 539–554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

Человеческий капитал территории: модели, технологии и механизмы регулирования / Под общ. ред. Д. А. Гайнанова. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2021. 258 с.

Arthur W. B. Complexity and the economy. New York: Oxford University Press, 2014. 192 p.

Arthur W. B. Chapter 32 Out-of-equilibrium economics and agent-based modeling // Handbook of computational economics. Vol. 2 / Ed. by L. Tesfatsion, K. L. Judd. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 1551–1564. [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02032-0](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02032-0).

Axelrod R. Advancing the art of simulation in the social sciences // Japanese Journal for Management Information System. 2003. Vol. 12, № 3. P. 21–40.

Blume L., Durlauf S. N. The economy as an evolving complex system III. New York: Oxford University Press, 2006. 377 p.

Judd K. L. Chapter 17 Computationally intensive analyses in economics // Handbook of computational economics. Vol. 2 / Ed. by L. Tesfatsion, K. L. Judd. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 881–893. [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02017-4](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02017-4).

Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. Educational choice of Russian high school students in grade nine // *International Studies in Sociology of Education*. 2020. Vol. 29, № 4. P. 326–343. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.

Mamatov A. V., Konstantinov I. S., Mashkova A. L. et al. Agent model for evaluating efficiency of regional human resource management // *Information systems architecture and technology: Proceedings of 40th Anniversary international conference on information systems architecture and technology – ISAT 2019*. ISAT 2019. *Advances in intelligent systems and computing*. Vol. 1052 / Ed. by Z. Wilimowska, L. Borzemski, J. Świątek. Cham: Springer, 2020. P. 211–220. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30443-0_19.

Smaidino P. E. Modeling social behavior: Mathematical and agent-based models of social dynamics and cultural evolution. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2023. 360 p.

Tesfatsion L. Chapter 16 Agent-based computational economics: a constructive approach to economic theory // *Handbook of computational economics*. Vol. 2 / Ed. by L. Tesfatsion, K. L. Judd. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 831–880. [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02016-2](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02016-2).

Информация об авторах

Д. А. Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 3017-4102

AuthorID (РИНЦ): 293628

Web of Science ResearcherID: 0-5141-2015

Л. И. Мигранова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 7710-9666

AuthorID (РИНЦ): 50151619

Web of Science ResearcherID: O-4506-2015

Л. Д. Сайфуллина – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 7964-1465

AuthorID (РИНЦ): 427755

Web of Science ResearcherID: AAC-8317-2022

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

References

Abramov, V. I. and Doholyan, A. S. (2019), "Agent-based modeling: opportunities in the context of transformation of the institutional structure of the Russian economy", *Regional Problems of Transforming the Economy*, no. 4, pp. 5–11.

Burilina, M. A. and Evdokimov, D. S. (2020), *Agent-orientirovannoe modelirovanie dly podderzhki prinyatiy reshenii i prognozirovaniy v usloviyakh perekhoda k tsifrovoi ekonomike* [Agent-based modeling for decision support and forecasting in the context of the digital economy transition], Central Economic and Mathematical Institute of the RAS, Moscow, Russia.

Bykova, T. E. (2019), "Simulation model of the labor market in the Altai Region", *Modern High Technologies. Regional Application*, no. 1, pp. 21–30.

Gainanov, D. A. and Minyazev, A. I. (2022), "A conceptual model for forecasting skills needs in the labour market based on an agent-based approach", *Izvestia Ufimskogo Nauchnogo Tsentra RAN (Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre)*, no. 4, pp. 101–106, <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2022-0-4-101-106>.

Gainanov, D. A. and Sayfullina, L. D. (2023), "Strategic priorities and staff availability for industrial development in the region", *Financial Business*, no. 11, pp. 99–105, <https://doi.org/10.48521/FINBIZ.2023.245.11.001>.

Kondratenko, V. A., Kiryushina, M. A. and Bogdanov, M. B. (2020), *Obrazovatel'nye prityazaniya rossiiskikh shkol'nikov: faktory i vozrastnaya dinamika* [Educational claims of Russian schoolchildren: Factors and age dynamics], HSE Publishing house, Moscow, Russia.

Kurakin, D. Yu. and Latypov, I. A. (2023), "Ecosystems of choice: On some limitations of rational choice theory and a strategy for overcoming them", *Journal of Economic Sociology*, vol. 24, no. 3, pp. 11–32, <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-11-32>.

Lukina, A. A. (2023), "Educational trajectories of first-generation students as a case of inequality in higher education", *Educational Studies Moscow*, no. 2, pp. 133–160, <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-2-133-160>.

Makarov, V. L., Bakhtizin, A. R. and Sushko, E. D. (2016), "Agent-based models as a means of testing of management solutions", *Administrative Consulting*, no. 12, pp. 16–25.

Malinovskiy, S. S. and Shibanova, E. Yu. (2022), "The reasons and drivers behind higher education ceasing to expand in Russia", *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, vol. 28, no. 3, pp. 8–37, <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.3.9149>.

Mamatov, A., Mashkova, A. and Savina, O. (2019), "Forecasting dynamics of regional human resource using agent-based simulation methods", *Artificial Socie-*

ties, vol. 14, no. 3, <https://doi.org/10.18254/S207751800006724-5> [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800006724-5-1/> (Accessed May 4, 2024).

Migranova, L. I. and Minyazev, A. I. (2022), “Forecasting regional staffing levels based on an agent-based approach”, *Fundamental Research*, no. 12, pp. 130–136, <https://doi.org/10.17513/fr.43409>.

Pugacheva, E. G. (2009), “Ideas of the theory of complex systems and their application in practice”, in Mova, V. V. (ed.), *Problemi sistemnogo pidkhodu v ekonomitsi: Zbirnik naukovikh prats'* [Problems of the systemic approach in economics: Collection of scientific papers], vol. 31, National Aviation University, Kyiv, Ukraine, pp. 36–45.

Rossoshanskaya, E. A. (2019), “Integrated agent-based model of labor potential reproduction of a municipal formation”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 12, no. 1, pp. 124–137, <https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.7>.

Havenson, T. E. and Chirkina, T. A. (2019), “Student educational choice after the 9th and 11th grades: Comparing the primary and secondary effects of family socioeconomic status”, *The Journal of Social Policy Studies provides*, vol. 17, no. 4, pp. 539–554, <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

Gainanov, D. A. (ed.) (2021), *Chelovecheskii kapital territorii: modeli, tekhnologii i mekhanizmy regulirovaniya* [The human capital of the territory: Models, technologies and regulatory mechanisms], Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia.

Arthur, W. B. (2006), “Chapter 32 Out-of-equilibrium economics and agent-based modeling”, in Tesfatsion, L. and Judd, K. L. (ed.), *Handbook of computational economics*, vol. 2, Elsevier, Amsterdam, The Netherlands, London, UK, pp. 1551–1564, [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02032-0](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02032-0).

Arthur, W. B. (2014), *Complexity and the economy*, Oxford University Press, New York, NY, US.

Axelrod, R. (2003), “Advancing the art of simulation in the social sciences”, *Japanese Journal for Management Information System*, vol. 12, no. 3, pp. 21–40.

Blume, L. and Durlauf, S. N. (2006), *The economy as an evolving complex system III*, Oxford University Press, New York, NY, US.

Judd, K. L. (2006), “Chapter 17 Computationally intensive analyses in economics”, in Tesfatsion, L. and Judd, K. L. (ed.), *Handbook of computational economics*, vol. 2, Elsevier, Amsterdam, The Netherlands, London, UK, pp. 881–893, [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02017-4](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02017-4).

Minina, E., Yanbarisova, D. and Pavlenko, E. (2020), “Educational choice of Russian high school students in grade nine”, *International Studies in Sociology of Education*, vol. 29, no. 4, pp. 326–343, <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.

Mamatov, A. V., Konstantinov, I. S., Mashkova, A. L. et al. (2020), “Agent model for evaluating efficiency of regional human resource management”, in Wiliowska, Z., Borzemski, L. and Świątek, J. (eds.), *Information systems architecture and technology: Proceedings of 40th Anniversary international conference on information systems architecture and technology – ISAT 2019. ISAT 2019. Advances in intelligent systems and computing*, vol. 1052, Springer, Cham, Switzerland, pp. 211–220, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30443-0_19.

Smaidino, P. E. (2023), *Modeling social behavior: Mathematical and agent-based models of social dynamics and cultural evolution*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, Oxford, UK.

Tesfatsion, L. (2006), "Chapter 16 Agent-based computational economics: a constructive approach to economic theory", in Tesfatsion, L. and Judd, K. L. (ed.), *Handbook of computational economics*, vol. 2, Elsevier, Amsterdam, The Netherlands, London, UK, pp. 831–880, [https://doi.org/10.1016/S1574-0021\(05\)02016-2](https://doi.org/10.1016/S1574-0021(05)02016-2).

Information about the authors

D.A. Gainanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute for Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia

SPIN-code (RSCI): 3017-4102

AuthorID (RSCI): 293628

Web of Science Researcher ID: 0-5141-2015

L. I. Migranov – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute for Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia

SPIN-code (RSCI): 7710-9666

AuthorID (RSCI): 50151619

Web of Science ResearcherID: O-4506-2015

L. D. Saifullina – Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute for Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia

SPIN-code (RSCI): 7964-1465

AuthorID (RSCI): 427755

Web of Science Researcher ID: AAC-8317-2022

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 481–497.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 481–497.

Научная статья

УДК 330.117

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-481-497>

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Руслан Раисович Садырtdинов¹✉, Екатерина Александровна Еремеева²

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ s_ryslan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8312-1390>

² anka_2007_901@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6344-0885>

Аннотация. Введение: в рамках изучения социальной депривации и неравенства в обществе актуальным является вопрос выявления факторов, усиливающих данные явления или смягчающих их. Индексы и модели, построенные с их учетом, активно используются во многих странах для проведения целенаправленной государственной политики в отношении наиболее уязвимых социальных групп. Авторами предпринята попытка изучить влияние отдельных факторов на социальную депривацию сельского населения России в условиях пандемии COVID-19. **Цель:** провести стратификацию сельских домохозяйств для определения степени их социальной депривации в период коронавирусной инфекции. **Методы:** метод построения стратификационных шкал по трем разным факторам – распределению дохода, обладанию активами, степени цифрового неравенства. Построение интегральной стратификационной шкалы позволяет классифицировать сельские домохозяйства и выделить среди них самые уязвимые группы, испытывающие наибольшую депривацию в условиях COVID-19. **Результаты:** предпринято комплексное исследование трех отдельных факторов депривации сельского населения в особой ситуации – в период эпидемии, когда проблема социальной депривации только обострилась. При этом оценивалось влияние каждого из выбранных факторов и полученные результаты объединялись для построения интегральной шкалы социального расслоения. Благодаря этому сельское население было разделено на пять основных групп по степени неравенства и социальной депривации. **Выводы:** установлено, что цифровое неравенство домохозяйств, живущих в крайней нищете и не имеющих широкополосного доступа к сети Интернет, значительно увеличивает их социальную изоляцию. В условиях физической самоизоляции в период COVID-19 данное обстоятельство только усугублялось отсутствием у половины сельских домохозяйств такого актива, как автомобиль. При этом более низкие доходы сельских жителей по сравнению с городскими не позволили изменить сложившуюся ситуацию и преодолеть проблему социальной депривации сельского населения России даже после завершения активного периода пандемии в 2020–2021 годах.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная депривация, цифровой разрыв, пандемия COVID-19, Россия, сельская территория

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01651 «Разработка модели взаимосвязи социальной депривации и включенности домохозяйств в цифровое общество для таргетирования государствен-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ной поддержки на наиболее уязвимые группы населения России в условиях экстремальной общественной ситуации (пандемия COVID-19)», <https://rscf.ru/project/23-28-01651/>.

Для цитирования: Садырtdинов Р. Р., Еремеева Е. А. Социальная стратификация сельских домохозяйств России в условиях пандемии COVID-19 // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 481–497. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-481-497>.

Original article

SOCIAL STRATIFICATION OF HOUSEHOLDS IN RURAL RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Ruslan R. Sadyrtdinov¹✉, Ekaterina A. Eremeeva²

^{1,2} Kazan Federal University, Kazan, Russia

¹ s_ryslan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8312-1390>

² anka_2007_901@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6344-0885>

Abstract. Introduction: in the context of studying social deprivation and inequality in society, the issue of identifying factors that enhance or mitigate these phenomena is relevant. Indices and models taking them into account are actively used in many countries to implement targeted government policies towards the most vulnerable social groups. As part of this study, an attempt was made to study the influence of individual factors influencing the social deprivation of the rural population in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. **Objectives:** to stratify rural households to determine the degree of their social deprivation during the coronavirus epidemic. **Methods:** a method for constructing stratification scales according to three different factors – income distribution, asset ownership and the degree of digital inequality. The construction of an integral stratification scale allows to classify rural households and identify the most vulnerable groups experiencing the greatest deprivation in the context of COVID-19. **Results:** three factors of the rural population deprivation were comprehensively studied in a special situation, namely, during an epidemic, which increased the social deprivation severity. In this case, an assessment is made of both the influence of each of the selected factors separately and the combination of the results obtained to construct an integral scale of social stratification of the rural population. Thus, the study made it possible to divide the rural population into five main groups according to the degree of inequality and social deprivation. **Conclusions:** it has been found that the digital divide among households living in extreme poverty without broadband access significantly increases their social exclusion. In conditions of physical self-isolation during the COVID-19 period, in half of rural households this circumstance was only aggravated by the lack of such an asset as a car. At the same time, lower incomes of the rural population, compared to the ones of urban population, do not allow to change the current situation and overcome social deprivation of the rural population in the Russian Federation even after the end of the active period of the pandemic in 2020–2021.

Keywords: social stratification, social deprivation, digital divide, COVID-19 pandemic, Russia

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01651 “Developing a model of the relationship between social deprivation and inclusion of households in the digital society for targeting state support to the most vulnerable groups of the Russian population in the context of an extreme social situation (COVID-19 pandemic)”, <https://rscf.ru/project/23-28-01651/>.

Forcitation: Sadyrtinov, R. R. and Ereemeeva, E. A. (2024), "Social stratification of households in rural Russia in the context of the COVID-19 pandemic", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 481–497, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-481-497>.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что бедность в сельской местности в последние десятилетия снижается, она по-прежнему остается преимущественно сельским явлением. При этом успехи в преодолении бедности не всегда приводят к снижению социальной депривации или сокращению разрыва между городом и деревней. Пандемия COVID-19 усугубила и без того нелегкое положение уязвимых групп сельского населения, сократив их доходы, ограничив мобильность и поставив под угрозу продовольственную безопасность и возможность получать средства к существованию.

Наблюдаемый непропорциональный уровень бедности и социальной изоляции, а также высокий уровень сезонной и неформальной занятости на деревне только обостряют проблему социальной защиты селян. Однако возможности ее решения здесь, как правило, ниже, чем в городах. Имеющиеся результаты исследований свидетельствуют о том, что сельские жители испытывают депривацию иначе, чем горожане. К числу особенностей жизни в сельской местности относятся повышенный расход топлива на отопление и транспорт, меньшая доступность социально значимых услуг, включая здравоохранение, и ограниченные возможности получения сопоставимого с городом дохода.

Неравенство в социальном классе, статусе и власти или способе производства наблюдается во всех обществах. В последнее время социологи акцентируют внимание на социальной депривации как одном из главных факторов стратификации, то есть ранжирования людей в обществе по определенным объективным критериям. Так, например, марксисты рассматривают стратификацию с точки зрения способа производства. Такой подход является историческим, в его основе – концепция производительных сил и производственных отношений. В свою очередь, подход к стратификации немецкого социолога Макса Вебера учитывает концепции богатства, власти и престижа. Богатство определяется как изобилие нематериальных и материальных ценностей (деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество), превышающее жизненные потребности. Престиж означает комфорт и стиль жизни, власть – способность контролировать или доминировать над ходом событий, составляющих социальную жизнь.

При изучении расслоения в сельской местности в качестве основных детерминантов стратификации учитываются специфические факторы, такие как собственность на землю, тип сельских жителей, их богатство, статус и власть, и это лишь подтверждает важность отдельного изучения факторов и специфики социальной депривации и стратификации в такой социальной группе, как сельское население. К тому же проблему социального расслоения могут усугублять различные ситуативные обстоятельства. В связи с этим изу-

чение социальной депривации и вызывающих ее обстоятельств представляется интересным и практически значимым для своевременной корректировки государственной политики в отношении наиболее уязвимых групп жителей сельской местности и населения в целом. Одним из таких обстоятельств стала пандемия COVID-19, наиболее активная фаза которой пришлось на 2020–2021 годы. В рамках данного исследования предпринята попытка выделить факторы, ставшие актуальными с точки зрения усугубления депривации среди сельского населения Российской Федерации в период эпидемии коронавируса, и оценить степень их влияния на проблему социального неравенства в стране.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении проблем социальной депривации и неравенства ученые исследуют различные факторы посредством методов корреляции, расчета различных индексов и моделей, которые далее используются на практике во многих странах для целенаправленного вмешательства и помощи наиболее уязвимым социальным группам с наиболее высоким уровнем лишений и ограничений.

Анализ научных трудов демонстрирует значительный интерес к таким факторам депривации, как доход, занятость, образование и т. д.

В одном из исследований ученые изучали специфичность и чувствительность индексов депривации в Великобритании при выявлении лиц, претендующих на получение пособий по соцобеспечению, которые связаны с доходом и занятостью. По всем индексам чувствительность и специфичность выявления лиц, лишенных дохода и работы, были низкими, при этом менее половины из них проживали в самых бедных районах. От 55 до 62 % людей, лишенных дохода, и от 56 до 63 % людей, лишенных работы, не попали в индексы на пороге 20 % депривации (McCartney et al., 2023, p. 23). Меры поддержки на основе индекса депривации в Великобритании имеют ограниченную чувствительность и специфичность для выявления лиц, лишенных дохода или работы. На основе этого авторы приходят к выводу, что поддержка на местном уровне вряд ли окажется эффективной для сокращения неравенства. Более целесообразным будет проведение мероприятий, учитывающих на основе связанных наборов данных социальные и экономические отношения между различными группами в обществе (McCartney et al., 2023, p. 23).

Изучение социальных потребностей имеет основополагающее значение для понимания динамики качества жизни, социальной изоляции, бедности или экономического неравенства, а также для разработки социальной политики. В Румынии исследование социальных представлений о хорошей жизни показало, что материальные устремления людей можно рассмотреть в двух измерениях: а) основные потребности, необходимые для выживания, которые универсальны и имеют внутренний источник; б) материальные потребности, отражающие социальные условия, в которых живут люди. При этом наиболее важными факторами, определяющими разницу в материальных лишениях и способности удовлетворить потребности, являются доход, занятость, образование и место жительства (Dumitru and Stănescu, 2014).

Л. Айяла, Дж. Мартин-Роман и К. Наварро проанализировали, как материальные лишения реагируют на резкие изменения уровня безработицы. Исследовав шоки безработицы, зарегистрированные в некоторых странах Европейского союза, они обнаружили, что, вопреки традиционному предположению о низкой чувствительности мер материальной депривации к изменениям в экономическом цикле, шоки безработицы оказывают значительное и быстрое влияние на материальную депривацию. Этот вывод остается в силе даже при продлении периода анализа, изменении показателя материальной депривации или изменении определения шока безработицы (Ayala et al., 2023).

В качестве актуального фактора социального неравенства рассматривается разный доступ к цифровым услугам и информационным технологиям, на основе которого формируется так называемое цифровое неравенство. В ряде исследований в качестве ключевого фактора социальной депривации называется отсутствие широкополосного доступа к сети Интернет (Clercq de et al., 2023; Chen S.-L. et al., 2023) или соответствующих цифровых навыков (Wang et al., 2023). При этом перечисленные факторы сказываются не только на расслоении домохозяйств и граждан, но и на развитии компаний. Так, в период пандемии COVID-19 предприятия малого и среднего бизнеса, лишенные доступа к цифровым технологиям и сети Интернет, были в большей степени ограничены в возможностях своего развития (Morris et al., 2022), тогда как доступ к цифровым технологиям и электронной коммерции способствовал расширению экономической деятельности компаний, в том числе и в сельской местности (Chen Ch. et al., 2023; Torabi et al., 2023).

Проведенные исследования затрагивают и пандемию коронавируса, которая обострила влияние некоторых факторов на проблему социальной депривации. Так, в одной из работ была проанализирована степень жилищной депривации, с которой столкнулись домохозяйства в европейских странах, когда были приняты меры по локализации COVID-19. Авторы обнаружили сходное распределение показателей жилищной депривации в странах с самой высокой и самой низкой степенью депривации по жилой площади. Тем не менее различие в уровне жилищной депривации в разных странах есть. На момент начала карантина восточноевропейские домохозяйства были значительно более лишены жилья, чем остальные. Это показывает, что последствия карантина для социального благосостояния не затронули всех европейцев в равной степени, и подчеркивает необходимость правительственных мер, способствующих обеспечению жильем граждан в отдельных странах Европы (Ayala et al., 2022). В рамках другого исследования рассматривается влияние COVID-19 на неравенство доступа к образовательным услугам, которые в эпоху самоизоляции были переведены в электронный формат. Опрос 492 китайских школьников средних классов позволил установить, что в период пандемии результативность образования оказалась зависима от таких факторов, как внутренняя мотивация, самоэффективность электронного обучения, поддержка родителей и учителей. При этом каждый из факторов зависел от цифровых навыков самих обучающихся, учителей и родителей (Zhao et al., 2022).

Отдельное место среди факторов социальной депривации занимает разрыв по многим социально-экономическим показателям между сельским

и городским населением. Так, Ш. Аринаитве в своей работе акцентирует внимание на бедности сельского населения Уганды. Ключевым фактором депривации сельского населения Уганды, по мнению ученого, становится доступ к активам, которые обеспечивают существование и при этом концентрируются в городах. Действенным выходом из сложившейся ситуации и способом сокращения социальной депривации сельского населения становится участие в общественных группах, ассоциациях и кооперативах (Arinaitwe, 2024). К аналогичному выводу о социальной депривации сельского населения и важности кооперации в преодолении этой проблемы приходят и авторы других исследований, основанных на опыте различных государств и изучении разных факторов (Wu et al., 2023), в том числе наличия транспорта и транспортной доступности территории (McGuire et al., 2022).

Осознавая влияние разрыва между городским и сельским населением, Дж. Маккартни и Р. Хоггетт попытались сравнить чувствительность шотландского индекса множественной депривации (SIMD) с целью выявления лиц, лишенных дохода и занятости, по классификации «город – село» и по муниципальным образованиям. В результате они обнаружили, что количество и доля людей, лишенных доходов и работы, в городах выше, чем в сельской местности. Однако учеными также было отмечено, что индекс SIMD упускает из виду более высокий процент людей, лишенных доходов и работы, в отдаленных, сельских и островных районах по пороговым значениям лишений, независимо от того, используются ли классификационные слои на национальном, местном уровне или по классификации «город – село» (McCartney and Hoggett, 2023).

Анализ литературы, посвященной российскому обществу, в том числе его социальной стратификации, и проблеме социальной депривации в нашей стране, демонстрирует актуальность изучения тех же факторов, которые ранее были рассмотрены на примере работ зарубежных ученых об опыте других государств. Эти факторы – доход, занятость, цифровое неравенство, влияние пандемии COVID-19, неравенство городского и сельского населения.

В. А. Аникин на основе данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 годов определяет Россию как «общество вертикально интегрированных классов», в основе выделения которых лежат «немонетарные характеристики возможностей россиян в четырех главных жизненных сферах: экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности, а также возможности потребления» (Аникин, 2020, с. 31).

Ю. П. Лежнина, используя веберовскую логику жизненных шансов и негативной/позитивной привилегированности, в своем исследовании приходит к выводу о том, что «позитивная привилегированность в российском обществе обеспечивается в первую очередь через экономические условия и возможности потребления, а негативная – через положение в производственной сфере». При этом негативная привилегированность «чаще всего локализуется в сельской местности» (Лежнина, 2019, с. 207–208).

Авторы другого исследования акцентируют свое внимание на неравенстве шансов на достижение жизненного успеха между жителями провин-

ции и жителями экономических и культурных «столиц» – Москвы и Санкт-Петербурга. Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, проявления клановости, неудовлетворенность условиями получения качественного образования становятся факторами не только социальной депривации, но и интенсификации внутренней мобильности в Российской Федерации (Реутов и др., 2020).

С. В. Коржук затрагивает еще один важный фактор, влияющий на расслоение общества, – инвалидность. Изложенные в работе результаты демонстрируют, что инвалидность одного из членов семьи в трудоспособном возрасте резко увеличивает риск бедности всего домохозяйства. А при наличии иных факторов, например проживания в сельской местности, наличия детей, риск бедности для таких семей возрастает еще больше (Коржук, 2021).

Как фактор, влияющий на социальное расслоение российского общества, рассматривается и пандемия COVID-19. Данное явление вызывает интерес прежде всего с точки зрения изменения поведения представителей разных социальных групп в условиях адаптации к новым реалиям ковидного и постковидного периодов в России (Горшков и Тюрина, 2021).

При изучении неравенства, возникающего между городским и сельским населением в Российской Федерации, Н. З. Сафиуллин и С. В. Куксин делают акцент на цифровом неравенстве. Социологический опрос, проведенный ими в 2020 году, показал, что отсутствие широкого электронного взаимодействия сельских жителей с органами власти в большей степени связано с низкой компьютерной грамотностью, что ограничивает сельчан в получении электронных государственных и муниципальных услуг. А это, в свою очередь, может стать причиной усугубления проблемы социальной депривации сельского населения (Сафиуллин и Куксин, 2022).

По итогам анализа работ отечественных и зарубежных авторов были выделены ключевые факторы, изучение которых представляется актуальным при исследовании вопроса социальной депривации именно среди сельского населения России, причем в условиях пандемии и такого явления, как самоизоляция.

В рамках данного исследования для оценки социальной депривации были построены стратификационные шкалы: три субшкалы и одна интегральная шкала. По первой субшкале все включенные в исследование домохозяйства распределяются по доходам как одному из ключевых факторов социального неравенства в современном обществе согласно большинству рассмотренных исследований; по второй субшкале – по обладанию социально значимыми активами, в том числе автомобилем, крайне важным для преодоления географической изоляции сельского населения, территориально отделенного от многих благ; по третьей субшкале – по цифровому неравенству, которое приобрело особую значимость в период пандемии COVID-19 и самоизоляции.

Каждая из построенных субшкал социальной стратификации включает в себя пять интервалов. Так, для ранжирования домохозяйств по первой субшкале используется показатель дохода на душу населения. Деление шкалы на интервалы начинается с определения середины третьего интервала. Это величина медианного дохода. Далее границы интервалов шкалы опреде-

ляются с шагом 0,4 от середины третьего интервала. Граница между первым и вторым интервалами, разделяющая все домохозяйства на бедные и небедные, установлена на уровне 50 % медианного дохода. В результате первая субшкала имеет пять интервалов, разделенных четырьмя границами.

Для второй субшкалы используется показатель социально значимых активов, отражающих богатство домохозяйства. К таким активам относятся право собственности на первое жилье, право собственности на дополнительное жилье, владение одним или несколькими автомобилями и наличие земельного участка, находящегося в собственности домохозяйства. Обладание всеми четырьмя активами позволяет домохозяйству попасть в пятый интервал шкалы, наличие трех активов – в четвертый интервал, наличие двух активов – в третий, наличие хотя бы одного актива – во второй. Отсутствие в домохозяйстве всех вышеперечисленных активов соответствует первому интервалу.

Для третьей субшкалы используются показатели цифрового разрыва. Это позволяет сделать вывод о цифровой включенности домохозяйств в различные социально-экономические процессы. К числу таких показателей относятся наличие компьютера или ноутбука, наличие доступа в Интернет, наличие кабельного/спутникового телевидения и использование услуг мобильной связи. Наличие всех четырех показателей позволяет домохозяйству попасть в пятый интервал шкалы, наличие трех показателей – в четвертый интервал, наличие двух показателей – в третий, наличие хотя бы одного показателя – во второй. Отсутствие в домохозяйстве всех вышеперечисленных показателей соответствует первому интервалу.

Построение интегральной шкалы социальной стратификации начинается с присвоения каждому домохозяйству балла, соответствующего номеру интервала на каждой из трех субшкал, в который оно попало. Предположим, что домохозяйство находится в пятом интервале шкалы, тогда ему присваивается пять баллов. Далее баллы по трем субшкалам для каждого домохозяйства суммируются, что позволяет ранжировать их по следующим группам:

- 1-я группа – крайне бедные (3–5 балла);
- 2-я группа – малообеспеченные (6–8 баллов);
- 3-я группа – средний класс (9–11 баллов);
- 4-я группа – высокообеспеченные (12–13 баллов);
- 5-я группа – богатые (14–15 баллов).

В результате каждый интервал соответствует определенной социальной группе домохозяйств. Самая уязвимая социальная группа в этом рейтинге находится в первом интервале: она испытывает депривацию не только в плане доходов, но и с позиции владения социально значимыми активами и цифровой включенности. Так выстраивается социальное расслоение сельских домохозяйств от самых богатых до крайне бедных.

Источником данных является ежегодный Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)¹.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Офф. сайт Высшей шк. экономики. URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 14.04.2024).

Мониторинг представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводимых на основе вероятностной стратифицированной многоэтапной территориальной выборки, разработанной с участием ведущих мировых специалистов в данной области.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обратимся к рассмотрению результатов построения субшкал по каждому из выбранных показателей социальной стратификации.

В таблице 1 представлено ранжирование домохозяйств по первой субшкале социальной стратификации – субшкале доходов.

В 2019 году 9,9 % домохозяйств (14,6 % физических лиц) со среднедушевым доходом 5,2 тыс. рублей находились в нижнем распределении по доходам. В 2020 году в период пандемии COVID-19 доля таких домохозяйств сократилась на 1,5 п.п. (доля индивидов – на 2,6 п.п.). Возможно, это связано с мерами правительства по поддержке семей, безработных, инвалидов и работающих пенсионеров. Однако доходы домохозяйств, оставшихся в первом интервале, в 2020 году практически не выросли. Это сделало их более уязвимыми к ограничениям в период самоизоляции. В 2021 году число бедных домохозяйств вернулось к допандемийным показателям и даже превысило их. Увеличение в 2020 году числа домохозяйств, попавших в четвертый интервал, произошло одновременно за счет увеличения доходов малообеспеченных домохозяйств и снижения числа высокодоходных домохозяйств. Доля домохозяйств в верхнем пятом интервале уменьшилось почти на 2 п.п. Средний доход домохозяйств вырос во всех интервалах.

В таблице 2 представлено ранжирование домохозяйств по второй субшкале социальной депривации – субшкале активов.

Существенных изменений в ранжировании домохозяйств по субшкале активов с 2019 по 2021 год не произошло. В 2020 году число домохозяйств в третьем интервале выросло на 1,2 п.п., в 2021 году оно незначительно уменьшилось. Число домохозяйств в пятом интервале в 2020 году сократилось на 0,6 п.п., что свидетельствует о снижении обеспеченности домохозяйств социально значимыми активами. Возможно, эти активы продавались для пополнения финансового бюджета домохозяйств или в связи с невозможностью их содержания. Следует отметить, что более 50 % домохозяйств на селе не имели легкового автомобиля в течение всего исследуемого периода. В условиях ограничений режима самоизоляции это обстоятельство можно считать значимым фактором географической и, как следствие, социальной изоляции сельчан.

В таблице 3 представлен рейтинг домохозяйств по третьей субшкале социальной стратификации – субшкале цифровой инклюзивности.

Число домохозяйств, находящихся в цифровом разрыве, сократилось с 4 до 2,8 % в 2020 году и осталось неизменным в 2021-м. В этих домохозяйствах нет компьютера, доступа в Интернет, мобильной связи и кабельного/спутникового телевидения. При этом количество домохозяйств, имеющих доступ ко всем цифровым ресурсам и попадающих в пятый интервал шкалы, увеличилось на 1,3 п.п. в 2020 году и на 1,8 п.п. в 2021-м. Однако даже в пятом

Таблица 1 / Table 1

Рейтинг домохозяйств по душевому доходу, 2019–2021 гг. / Households per capita income rating, 2019–2021

Показатель	Интервалы на субшкале доходов, по годам															Вся выборка				
	1			2			3			4			5							
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021		
Доля домохозяйств в общей выборке, %	9,9	8,7	10,9	22,0	23,1	23,2	34,3	33,9	32,5	16,7	19,3	19,5	17,1	15,0	13,9	100	100	100		
Доля индивидов в общей выборке, %	14,6	12,5	14,7	25,2	25,0	26,4	31,6	32,3	31,7	14,5	17,2	16,4	7,0	13,0	10,8	100	100	100		
Средний доход, тыс. руб.	5,2	5,6	7,4	9,9	10,5	13,4	15,0	15,7	19,9	20,8	21,8	27,7	34,4	36,1	52,1	17,2	17,9	23,0		

Источник: таблицы 1–4 рассчитаны авторами на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 2 / Table 2

Рейтинг домохозяйств по набору социально значимых активов, 2019–2021 гг. / Households socially important assets rating, 2019–2021

Показатель	Интервалы на субшкале активов, по годам															Вся выборка				
	1			2			3			4			5							
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021		
Доля домохозяйств в общей выборке, %	0,8	0,9	0,9	11,2	10,7	10,0	44,9	46,1	45,8	39,3	39,1	40,0	3,8	3,2	3,3	100	100	100		
Доля индивидов в общей выборке, %	0,7	0,8	0,9	8,3	7,9	6,7	38,4	39,0	38,8	47,6	48,3	49,4	5,0	3,9	4,2	100	100	100		
Доля домохозяйств с личным автомобилем в общем числе домохозяйств в интервале, %	0	0	0	2,3	3,4	2,7	9,5	11,3	10,8	97,5	96,5	96,4	100	100	100	-	-	-		

Таблица 3 / Table 3

Рейтинг домохозяйств по цифровой включенности, 2019–2021 гг. /Households digits inclusiveness rating, 2019–2021

Показатель	Интервалы на субшкале цифровой включенности												Вся выборка			
	1			2			3			4			5			
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2021
Доля домохозяйств в общей выборке, %	4,0	2,8	2,8	28,6	27,5	26,5	17,3	17,4	16,0	33,9	34,8	35,4	16,2	17,5	19,3	100
Доля индивидов в общей выборке, %	1,8	1,4	1,2	18,9	16,9	17,0	16,8	14,8	12,5	43,5	44,3	43,6	19,0	22,6	25,7	100
Доля домохозяйств, имеющих высокоскоростной доступ в Интернет в общем числе домохозяйств в интервале, %	0	0	0	0,3	0	0	6,1	9,5	7,8	57,5	55,0	54,2	63,9	66,1	53,9	–

Таблица 4 / Table 4

Социальная стратификация российских домохозяйств, 2019–2021 гг. / Households social stratification, 2019–2021

Показатель	Стратификационная шкала															Вся выборка		
	1			2			3			4			5			2019	2020	2021
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Доля домохозяйств в общей выборке, %	1,4	1,3	1,4	29,5	26,8	25,6	47,9	50,9	51,7	16,6	17,9	16,7	4,6	3,1	2,6	100	100	100
Доля индивидов в общей выборке, %	0,9	0,8	0,9	24,8	20,4	19,1	51,2	54,2	57,7	17,9	21,1	19,5	5,2	3,5	2,7	100	100	100
Средний доход, тыс. руб.	7,0	7,2	7,8	11,3	11,8	15,1	16,6	17,4	21,2	24,9	25,9	36,8	35,9	35,9	47,2	17,2	17,9	
Доля домохозяйств с личным автомобилем в общем числе домохозяйств в интервале, %	0	0	0	11,2	12,9	13,5	52,4	50,2	53,3	82,6	80,1	72,4	100	100	96,5	–	–	–
Доля домохозяйств с доступом в Интернет в общем числе домохозяйств в интервале, %	0	7,1	12,5	12,1	14,7	13,9	58,6	59,8	66,4	91,6	93,9	92,4	98,1	100	96,5	–	–	–

интервале не все домохозяйства имеют доступ к высокоскоростному Интернету, что может быть связано с неразвитостью инфраструктуры высокоскоростного Интернета в сельской местности по сравнению с городом.

В таблице 4 представлена стратификационная шкала российских домохозяйств, обобщающая результаты трех субшкал. Существенных изменений в социальной стратификации домохозяйств с 2019 по 2021 год не произошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях пандемии COVID-19 цифровой разрыв домохозяйств, живущих в крайней бедности, значительно увеличивает их социальную изоляцию и усиливает социальную депривацию. Это подтверждает продолжающееся расслоение по доходам городских и сельских жителей. Как показывает исследование, более 50 % домохозяйств на селе не имеют автомобиля. В условиях географической отдаленности сел и ограничений режима самоизоляции это становится значимым фактором социальной изоляции и, как следствие, депривации среди сельского населения. Низкие доходы и материальные лишения не позволяют таким домохозяйствам изменить сложившуюся ситуацию.

Список источников

Аникин В. А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 31–42. <https://doi.org/10.31857/S013216250008492-4>.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 739–754. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-739-754>.

Коржук С. В. Риски бедности для домохозяйств людей с инвалидностью // Регион: экономика и социология. 2021. № 4. С. 231–259. <https://doi.org/10.15372/REG20210409>.

Лежнина Ю. П. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 2. С. 207–222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 61–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>.

Сафиуллин Н. З. Куксин С. В. Анализ причин цифрового разрыва между городским и сельским населением России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2022. Т. 15, № 3. С. 163–172. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_163.

Arinaitwe C. Community groups as an enabler for access to livelihood capitals, deprivation of which contributes to multidimensional poverty in rural Uganda // World Development Perspectives. 2024. Vol. 34. Art. № 100582. <https://doi.org/10.1016/j.wdp.2024.100582>.

Ayala L., Bárcena-Martín E., Cantó O. et al. COVID-19 lockdown and housing deprivation across European countries // *Social Science & Medicine*. 2022. Vol. 298. Art. № 114839. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114839>.

Ayala L., Martín-Román J., Navarro C. Unemployment shocks and material deprivation in the European Union: A synthetic control approach // *Economic Systems*. 2023. Vol. 47, № 1. Art. № 101053. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2022.101053>.

Chen S.-L., Chen Ch.-J., Lee Y.-H. The correlation between broadband prices and the digital divide: A survey of Taiwan's north coast // *Telematics and Informatics*. 2023. Vol. 84. Art. № 102033. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2023.102033>.

Chen Ch., Gan Ch., Li J. et al. Linking farmers to markets: Does cooperative membership facilitate e-commerce adoption and income growth in rural China? // *Economic Analysis and Policy*. 2023. Vol. 80. P. 1155–1170. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.09.040>.

Clercq de M., D'Haese M., Buysse J. Economic growth and broadband access: The European urban-rural digital divide // *Telecommunications Policy*. 2023. Vol. 47, № 6. Art. № 102579. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102579>.

Dumitru M., Stănescu I. Social needs: A consensual approach to material deprivation // *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 8. P. 293–299. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(14\)00093-8](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00093-8).

McCartney G., Hoggett R. How well does the Scottish Index of Multiple Deprivation identify income and employment deprived individuals across the urban-rural spectrum and between local authorities? // *Public Health*. 2023. Vol. 217. P. 26–32. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.009>.

McCartney G., Hoggett R., Walsh D. et al. How well do area-based deprivation indices identify income- and employment-deprived individuals across Great Britain today? // *Public Health*. 2023. Vol. 217. P. 22–25. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.020>.

McGuire R., Longo A., Sherry E. Tackling poverty and social isolation using a smart rural development initiative // *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 89. P. 161–170. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.11.010>.

Morris J., Morris W., Bowen R. Implications of the digital divide on rural SME resilience // *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 89. P. 369–377. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.01.005>.

Torabi Z. Al., Rezvani M. R., Hall M. et al. On the post pandemic travel boom: How capacity building and smart tourism technologies in rural areas can help – Evidence from Iran // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. Vol. 193. Art. № 122633. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122633>.

Wang W., Zhang Y., Zhao J. Technological or social? Influencing factors and mechanisms of the psychological digital divide in rural Chinese elderly // *Technology in Society*. 2023. Vol. 74. Art. № 102307. <https://doi.org/10.1016/j.tech-soc.2023.102307>.

Wu L., Gao Y., Niu Z. et al. A study assessing the impact of income relative deprivation and cooperative membership on rural residents' health: A pathway towards improving the health status of rural residents // *One Health*. 2023. Vol. 16. Art. № 100494. <https://doi.org/10.1016/j.onehlt.2023.100494>.

Zhao L., Cao C., Li Y. et al. Determinants of the digital outcome divide in E-learning between rural and urban students: Empirical evidence from the COVID-19 pandemic based on capital theory // *Computers in Human Behavior*. 2022. Vol. 130. Art. № 107177. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107177>.

Информация об авторах

Р. Р. Садырtdинов – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 420000, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20

SPIN-код (РИНЦ): 4749-4258

Author ID (РИНЦ): 493048

Web of Science ResearcherID: M-2367-2015

Scopus Author ID: 55776340100

Е. А. Еремеева – ассистент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 420000, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20

SPIN-код (РИНЦ): 1514-1300

Author ID (РИНЦ): 885680

Web of Science Researcher ID: HLX-2241-2023

Scopus Author ID: 56539590100

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

References

Anikin, V. A. (2020), "Social classes of the new Russia: Unequal and different", *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 31–42, <https://doi.org/10.31857/S013216250008492-4>.

Gorshkov, M. K. and Tyurina, I. O. (2021), "The state and dynamics of the Russian mass consciousness and behavioral practices under the covid-19 pandemic", *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no. 4, pp. 739–754, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-739-754>.

Korzhuk, S. V. (2021), "Poverty risks for households with disabled people", *Region: Economics and Sociology*, no. 4, pp. 231–259, <https://doi.org/10.15372/REG20210409>.

Lezhnina, Yu. P. (2019), "The risks and capabilities of Russians as a base for social dynamics", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 207–222, <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>.

Reutov, E. V., Reutova, M. N. and Shavyrina, I. V. (2020), "Life success and chances for its achievement in the representations of the inhabitants of the Russian province", *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, pp. 61–71, <https://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>.

Safullin, N. Z. and Kuksin, S. V. (2022), "Investigation into the causes of the digital divide between urban and rural population of Russia", *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*, vol. 15, no. 3, pp. 163–172, https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_163.

Arinaitwe, C. (2024), "Community groups as an enabler for access to livelihood capitals, deprivation of which contributes to multidimensional poverty in rural Uganda", *World Development Perspectives*, vol. 34, art. no. 100582, <https://doi.org/10.1016/j.wdp.2024.100582>.

Ayala, L., Bárcena-Martín, E., Cantó O., et al. (2022), "COVID-19 lockdown and housing deprivation across European countries", *Social Science & Medicine*, vol. 298, art. no. 114839, <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114839>.

Ayala, L., Martín-Román, J. and Navarro, C. (2023), "Unemployment shocks and material deprivation in the European Union: A synthetic control approach", *Economic Systems*, vol. 47, no. 1, art. no. 101053, <https://doi.org/10.1016/j.eco-sys.2022.101053>.

Chen, S.-L., Chen, Ch.-J. and Lee, Y.-H. (2023), "The correlation between broadband prices and the digital divide: A survey of Taiwan's north coast", *Telematics and Informatics*, vol. 84, art. no. 102033, <https://doi.org/10.1016/j.tele.2023.102033>.

Chen, Ch., Gan, Ch., Li J. et al. (2023), "Linking farmers to markets: Does cooperative membership facilitate e-commerce adoption and income growth in rural China?", *Economic Analysis and Policy*, vol. 80, pp. 1155–1170, <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.09.040>.

Clercq de, M., D'Haese, M. and Buysse, J. (2023), "Economic growth and broadband access: The European urban-rural digital divide", *Telecommunications Policy*, vol. 47, no. 6, art. no. 102579, <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102579>.

Dumitru, M. and Stănescu, I. (2014), "Social needs: A consensual approach to material deprivation", *Procedia Economics and Finance*, vol. 8, pp. 293–299, [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(14\)00093-8](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00093-8).

McCartney, G. and Hoggett, R. (2023), "How well does the Scottish Index of Multiple Deprivation identify income and employment deprived individuals across the urban-rural spectrum and between local authorities?", *Public Health*, vol. 217, pp. 26–32, <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.009>.

McCartney, G., Hoggett, R., Walsh, D. et al. (2023), "How well do area-based deprivation indices identify income- and employment-deprived individuals across Great Britain today?", *Public Health*, vol. 217, pp. 22–25, <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.020>.

McGuire, R., Longo, A. and Sherry, E. (2022), "Tackling poverty and social isolation using a smart rural development initiative", *Journal of Rural Studies*, vol. 89, pp. 161–170, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.11.010>.

Morris, J., Morris, W. and Bowen, R. (2022), "Implications of the digital divide on rural SME resilience", *Journal of Rural Studies*, vol. 89, pp. 369–377, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.01.005>.

Torabi, Z. Al., Rezvani, M. R., Hall, M. et al. (2023), "On the post pandemic travel boom: How capacity building and smart tourism technologies in rural areas can help – Evidence from Iran", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 193, art. no. 122633, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122633>.

Wang, W., Zhang, Y. and Zhao, J. (2023), "Technological or social? Influencing factors and mechanisms of the psychological digital divide in rural Chinese elderly", *Technology in Society*, vol. 74, art. no. 102307, <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102307>.

Wu, L., Gao, Y., Niu, Z. et al. (2023), "A study assessing the impact of income relative deprivation and cooperative membership on rural residents' health: A pathway towards improving the health status of rural residents", *One Health*, vol. 16, art. no. 100494, <https://doi.org/10.1016/j.onehlt.2023.100494>.

Zhao, L., Cao, C., Li, Y. et al. (2022), "Determinants of the digital outcome divide in E-learning between rural and urban students: Empirical evidence from the COVID-19 pandemic based on capital theory", *Computers in Human Behavior*, vol. 130, art. no. 107177, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107177>.

Information about the authors

R. R. Sadyrtdinov – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Kazan Federal University, 6/20 Kremlevskaya Str., Kazan, 420000, Russia

SPIN-code (RSCI): 4749-4258

Author ID (RSCI): 493048

Web of Science Researcher ID: M-2367-2015

Scopus Author ID: 55776340100

E. A. Eremeeva – Assistant of the Department of State and Municipal Administration, Kazan Federal University, 6/20 Kremlevskaya Str., Kazan, 420000, Russia

SPIN-code (RSCI): 1514-1300

Author ID (RSCI): 885680

Web of Science Researcher ID: HLX-2241-2023

Scopus Author ID: 56539590100

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 498–512.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 498–512.

Научная статья

УДК 338.47

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-498-512>

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МИГРАЦИИ С УЧЕТОМ ТРАНСПОРТНОЙ СПЕЦИФИКИ

Анна Андреевна Бычкова¹

¹ Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

bychkova.aa@uiec.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8676-5298>

Аннотация. Введение: в статье описывается важность изучения взаимосвязей между миграционными потоками и транспортной системой для разработки стратегии пространственного развития территорий страны. Миграция рассматривается автором как процесс переселения граждан из региона в регион. **Цель:** смоделировать прирост миграции в регионах России для построения сценарных прогнозов на ближайший временной период, определить его основные тенденции. Анализ миграционного прироста предусматривает изучение социально-экономических факторов и текущего состояния на основе собранных данных за 2011–2021 годы. **Методы:** метод ARIMA – моделирование тенденций на ближайшие три года по трем различным сценариям: позитивному, инерционному и пессимистическому. **Результаты:** дан прогноз миграционного прироста. Все три сценария предполагают рост миграции после 2021 года, при этом наибольшая миграционная волна прогнозируется в позитивном сценарии, а наименьшая – в пессимистическом. Рассмотрено влияние миграционных потоков на транспортную инфраструктуру и планирование ее развития, поскольку миграционный процесс невозможен без использования транспортной системы Российской Федерации. **Выводы:** миграция является фактором, воздействующим на экономику страны; анализ миграционных потоков и процессов позволяет сформировать информационно-статистическую основу экономических, демографических и социальных изменений, происходящих в России. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в развитии исследований переселения граждан под воздействием социально-экономических факторов в российской практике.

Ключевые слова: миграция, ARIMA-моделирование, факторы миграции, прогноз, динамика, регионы, переселение

Благодарности: статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательской работы для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024 год.

Для цитирования: Бычкова А. А. Оценка и прогнозирование пространственной миграции с учетом транспортной специфики // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 498–512. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-498-512>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SPATIAL MIGRATION ASSESSMENT AND FORECASTING TAKING INTO ACCOUNT TRANSPORT SPECIFICS

Anna A. Bychkova¹

¹ Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia, bychkova.aa@uiec.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8676-5298>

Abstract. Introduction: the article focuses on the importance of studying the relationship between migration flows and the transportation system to develop a strategy for spatial development of the country's territories. The author considers migration as a process of population resettlement from region to region. **Objectives:** modeling migration growth in Russian regions to build scenario forecasts for the nearest time and identifying its main trends. Migration growth analysis includes studying socio-economic factors and the current state based on the data collected for 2011–2021. **Methods:** the ARIMA modeling method was used as the basis for building trends for the next three years in three different scenarios: positive, inertial and pessimistic. **Results:** forecasts of migration growth are given. All three scenario assume an increase in migration after 2021, with the largest migration wave projected in the positive scenario and the smallest one – in the pessimistic scenario. The article also considered the impact of migration flows on transportation infrastructure and planning of its development, since migration process is impossible without the use of the transportation system of the Russian Federation. **Conclusions:** migration is a factor affecting the country's economy; the analysis of migration flows and processes makes it possible to build an information and statistical basis for economic, demographic and social changes taking place in the country. The theoretical significance of the obtained results of the study of migration flows and forecasting consists in the development of research on population resettlement under the influence of socio-economic factors in Russian practice.

Keywords: migration, ARIMA modelling, migration factors, forecast, dynamics, regions, resettlement

Acknowledgements: the article was prepared as part of 2024 Research work plan for the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024.

For citation: Bychkova, A. A. (2024), "Spatial migration assessment and forecasting taking into account transport specifics", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 498–512, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-498-512>.

ВВЕДЕНИЕ

В мире постоянно происходят демографические, экономические, социальные, политические и глобализационные перемены, поэтому исследование изменений миграционных потоков является актуальным по целому ряду причин.

Перемещение населения может оказывать значительное влияние на демографическую ситуацию в стране. Исследование людских потоков позволяет понять, какие изменения происходят в составе населения и как это может

отразиться на обществе. Старение населения и низкая рождаемость ведут к увеличению числа мигрантов, которые перемещаются в поисках работы и лучших условий жизни.

Не менее значительно миграция может влиять и на экономическую ситуацию в стране. Например, мигранты вносят существенный вклад в национальную экономику, занимаясь низкооплачиваемым трудом (Islam et al., 2024), а также платя налоги и потребляя товары и услуги. Исследование миграционного движения способствует осознанию того, какие изменения происходят в экономике и как это определяет развитие страны в целом (Власов и Немец, 2020). Глобальные изменения в экономике, в частности в торговой политике, влияют на потоки переселения. Так, снижение торговых барьеров может увеличить число мигрантов, перемещающихся в поисках работы или улучшения своего положения (Вечканов, 1981).

Миграционные движения способны воздействовать и на социальную ситуацию в стране. Например, мигранты могут столкнуться с дискриминацией и трудностями интеграции в общество. Исследование потоков позволяет понять, какие социальные изменения происходят в обществе и как можно справиться с возникающими проблемами.

Наконец, переселение граждан является одним из выражений глобализации и связано с переменами в мировой экономике, культуре и политике; их исследование дает ответы на вопросы, как глобализация влияет на перемещение людей и как страны могут адаптироваться к этим процессам. Политические изменения, такие как войны, конфликты, диктатуры, государственные перевороты и т. д., ведут к росту числа беженцев и вынуждают людей переселяться в другие страны (Бурда, 2024).

Изучение изменений миграционной динамики, миграционных процессов важно не только для понимания демографических, экономических, социальных и глобализационных изменений, происходящих в современном мире, но и для разработки стратегий управления ими (Iashvili and Baratashvili, 2024). Поскольку активность переселения меняется ежегодно, цель данного исследования – моделирование прироста миграции в регионах России для построения сценарных прогнозов на ближайший временной период.

Задачами исследования являются:

- изучение социально-экономических факторов, которые оказывают воздействие на изменение прироста миграции населения;
- анализ текущего состояния миграции на основе собранных данных за 2018–2021 годы;
- построение прогнозных сценариев;
- определение перспектив миграции.

Так как все перемещения, в том числе миграционные, осуществляются непосредственно через транспортную систему, изучение этих взаимосвязей необходимо для разработки и корректировки стратегии пространственного развития территорий страны.

Гипотеза автора состоит в том, что сценарное моделирование миграции на транспорте позволяет прогнозировать и анализировать влияние различных факторов на пространственное развитие регионов, а также способствует

оптимизации транспортной инфраструктуры для улучшения миграционных процессов. Изучение потоков переселения дает возможность определить, какие направления миграции наиболее популярны и какие маршруты наиболее востребованы. Такого рода информация полезна при планировании транспортной инфраструктуры. Научная новизна данного исследования заключается в использовании ARIMA-моделирования для прогнозирования и анализа пространственного развития миграции, что предоставляет новые инструменты и формирует новые подходы к оптимизации развития регионов и инфраструктуры на основе временных данных. Это позволяет эффективнее учитывать временные изменения и взаимосвязи между переменными в контексте миграционных процессов.

Полученные данные можно применить в строительстве новых автомобильных и железных дорог, аэропортов, а также для развития других видов транспорта.

Систематический мониторинг миграционных потоков может помочь в разработке транспортной политики, определении тарифов на проезд, распределении транспортных средств и установлении правил перевозки пассажиров.

Исследование перемещений граждан позволит транспортным компаниям и организациям повысить качество оказываемых услуг путем добавления новых рейсов или улучшения обслуживания пассажиров.

Анализ миграционных потоков будет способствовать развитию мультимодальной транспортной системы, объединяющей различные виды транспорта, а это, в свою очередь, позволит мигрантам перемещаться быстрее и эффективнее, повысит уровень комфорта перевозок, увеличит степень доступности транспорта для передвижения в различные регионы страны, а также может снизить негативное влияние на окружающую среду – например, путем развития энергоэффективных транспортных средств или сокращения количества автомобилей на дорогах.

Информационный блок о концентрации мигрантов в определенных регионах позволит правительству и транспортным компаниям в целях обеспечения безопасности разрабатывать транспортные маршруты, развивать современную инфраструктуру на станциях, совершенствовать эксплуатацию транспорта.

В совокупности изучение миграционного движения и связанных с ним социально-экономических факторов поможет улучшить транспортную систему страны, обеспечить мобильность и безопасность мигрантов, а также оптимизировать использование транспорта в обществе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы

Миграционные процессы – это сложное явление, тесно связанное с экономикой, социальными и демографическими изменениями. Миграция внутри страны – это один из видов переселения, имеющий особое значение для социально-экономического развития государства. Российские ученые-

экономисты проводят исследования, в которых анализируют миграционные процессы, оценивают масштабы межрегиональной активности граждан, изучают факторы, влияющие на миграционные процессы, а также последствия миграции для различных регионов России.

Рассмотрим ряд отечественных исследований, посвященных миграции. О методах исследования миграции населения высказывался (Переведенцев, 1971). В работах (Рыбаковский, 2024; Рыбаковский и др., 2019) изучается последовательность переселения людей в России, социально-экономические и демографические факторы миграции, сезонная миграция населения. Теоретические и методологические аспекты процессов миграции в России также исследуют (Карцева и др., 2021). Они расширили проблематику, занимаясь межрегиональной миграцией в контексте молодежных переселений. Различные виды миграции, включая внутреннюю, а также факторы, которые могут способствовать или препятствовать ее развитию, рассматривают (Воробьева и Субботин, 2021; Леденева и Рахманов, 2023). И. А. Ефремовым проводилось исследование основных тенденций и проблем в области миграции, прослеживалась динамика изменений миграционного движения по его составу (Ефремов, 2023).

С. А. Сарыглар и С. Г. Максимова обсуждают факторы, влияющие на транзитную миграцию, и занимаются моделированием динамики этого явления с помощью математических моделей; изучают механизмы воспроизводства миграционных потоков и оценивают их влияние на экономическое и социальное развитие регионов. Полученные авторами результаты могут быть полезны для разработки политики в области миграции и управления миграционными потоками (Сарыглар и Максимова, 2020). На важность для миграции доступности транспортных средств и комфортности условий перевозок обратила внимание (Бардаль, 2021). Е. В. Павловский описал модели и алгоритмы расчетов миграционных процессов и указал на необходимость их учета в прогнозировании внешних выбытий из России (Павловский, 2018).

Ни для кого не секрет, что миграция является одним из самых значимых явлений современного мира, влияющим как на экономическое, социальное и культурное развитие стран и регионов, так и на жизнь отдельных людей. Именно поэтому многие зарубежные ученые исследуют различные аспекты миграции внутри стран и между ними.

С точки зрения (Ravenstein, 1885, 1889), для анализа потоков переселения между регионами, оценки дальности и направления миграции, а также исследования факторов, влияющих на принятие людьми решения о переезде, может быть использован географический подход. Д. С. Масси и его соавторы рассмотрели различные теории международной миграции и их применение в социологии, экономике и других дисциплинах. Они изучили теории, основанные на экономических, социологических, демографических и антропологических подходах. Среди описанных ими в статье – теория капитала, теория доходов, теория внутреннего рынка труда, теория сетей, теория культурной диффузии и теория мировых систем (Massey et al., 1993). Различные теории, а также методы исследования географии миграции изучаются в работе «Брексит, раса и миграция», в ней же приводятся некоторые существенные при-

меры и предложения их использования (Burrell et al., 2019). Об экологической миграции, когда перемещение людей является одним из ответов на изменения окружающей среды, пишут (Gamlen et al., 2018).

Ж. Дюмон и Ж.-К. Леметр определяют миграцию как явление, влияющее на демографические и экономические процессы в странах ОЭСР, и обсуждают методологические и концептуальные вопросы, связанные с оценкой миграционных потоков и статуса мигрантов в разных странах (Dumont and Lemaître, 2005). С. Сассен, изучая тему миграции и иммиграции и анализируя эффекты глобализации, утверждает, что глобализация приводит к росту международного переселения и создает новые формы глобальных неравенств, которые затрагивают и местные сообщества, и иммигрантов. Она также рассматривает, как эти процессы воздействуют на государственную политику и социальную структуру (Sassen, 1999). Нехватка рабочей силы, отмечают (Beckers et al., 2024), значительно влияет на решения о миграции: люди чаще стремятся уехать, если в стране назначения существует дефицит специалистов их профиля, а нехватка в родной стране, напротив, снижает их миграционные намерения. О важной роли вынужденной миграции в формировании Канады пишет (Clark-Kazak, 2024). Миграционная политика рассматривается автором с разных точек зрения и с опорой на документальные источники и жизненный опыт перемещенных людей на всех уровнях управления в стране.

Текущее состояние миграционного прироста

На сегодняшний день миграционные потоки в России распределяются неоднородно, регионы демонстрируют как прирост, так и убыль, при этом в целом по стране миграционный прирост имеет положительное значение.

Изменение миграционного прироста в России в течение последних нескольких лет было непредсказуемо, поскольку возникли непредвиденные риски в виде пандемии COVID-19 и ряда других экономических последствий (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика изменения миграции / Migration change dynamics

Год	Миграционный прирост, чел.	Изменение по отношению к предыдущему году, %
2011	334 924	–
2012	309 096	–7,7
2013	283 257	–8,4
2014	270 036	–4,7
2015	245 384	–9,1
2016	261 948	6,8
2017	211 878	–19,1
2018	124 854	–41,1
2019	285 103	128,8
2020	106 474	–62,7
2021	429 902	303,1

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Опираясь на данные таблицы 1, можно заключить, что с 2011 по 2015 год убыль населения была незначительной. В 2011 году страна столкнулась с экономическими проблемами, в том числе с падением цен на нефть и газ, что привело к замедлению экономического роста и увеличению безработицы. Эти факторы, очевидно, уменьшили привлекательность России для иностранных мигрантов. На миграционный прирост также могли повлиять происходившие в стране за последние годы политические и экономические изменения. Например, с 2014 года Россия ввела санкции против западных стран в ответ на их санкции против нее. Это ухудшило международные отношения и, как следствие, снизило поток мигрантов. Нельзя, наконец, не учитывать и демографические тенденции в России. С 2011 года рождаемость в стране снижалась, что могло привести к внутреннему миграционному приросту в 2016 году.

Особое внимание привлекает межрегиональная миграция в России за последние четыре года, отраженная в таблице 1. В 2018 году было запущено транспортное сообщение с Республикой Крым. Значительно повлияли на миграционные потоки ковидные ограничения 2020 года. В 2019-м в стране приняли Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹. Все это во многом объясняет переменный характер миграционного прироста в России в этот период: наиболее высокий прирост в 2019 году, существенное его снижение в 2020-м и значительное возрастание в 2021-м.

В целом межрегиональная миграция в России в 2018–2021 годах характеризуется сложными тенденциями, связанными с различными экономическими, социальными и демографическими факторами. Согласно данным на сайте Росстата², в 2018 году наибольший миграционный прирост был зарегистрирован в Московской области (105,5 тыс. чел.), городе Москве (98,7 тыс. чел.) и Краснодарском крае (47,5 тыс. чел.). Миграционная убыль была зафиксирована в Оренбургской области (–12 тыс. чел.), Республике Дагестан (–11 тыс. чел.) и Саратовской области (–10,3 тыс. чел.). В 2019 году топ-3 регионов с наибольшим миграционным приростом почти не изменился: Московская область (110,1 тыс. чел.), Москва (47,6 тыс. чел.) и Ленинградская область (37,9 тыс. чел.). Миграционная убыль была зафиксирована в Омской и Астраханской областях (соответственно –12 и –7,8 тыс. чел.) и Республике Коми (–7,7 тыс. чел.). В 2020 году в связи с пандемией COVID-19 и ограничениями на въезд в Россию миграционный прирост снизился почти во всех регионах. Тем не менее наибольший прирост населения был зарегистрирован в Московской области (51,2 тыс. чел.), Краснодарском крае (33,5 тыс. чел.) и Ленинградской области (31,8 тыс. чел.). Миграционная убыль фиксировалась в Омской области (–10,3 тыс. чел.), Хабаровском крае (– 7,3 тыс. чел.),

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 13.02.2019 № 207-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 23.02.2024).

² Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.02.2024).

Иркутской области (–7 тыс. чел.). Наконец, в 2021 году наибольший миграционный прирост был зарегистрирован в Московской области (113 тыс. чел.), Краснодарском крае (40,6 тыс. чел.) и Ленинградской области (37,9 тыс. чел.), а миграционная убыль зафиксирована в Омской области (–7,6 тыс. чел.), Забайкальском крае (–5,5 тыс. чел.) и Республике Коми (–4,2 тыс. чел.).

Изучение миграционных данных и теоретических основ за последние несколько лет позволяет заключить, что межрегиональная миграция в России подвержена значительным колебаниям. Несмотря на то, что в целом миграционный прирост наблюдался во многих регионах, есть и такие, где была зафиксирована миграционная убыль. Анализ миграционных данных может быть полезен для понимания экономических, социальных и демографических тенденций в разных регионах России, а также для принятия соответствующих решений в сфере государственной политики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миграция была и остается важной экономической и социальной проблемой, которая требует систематического исследования. Одним из инструментов для анализа миграционных данных является ARIMA-моделирование. ARIMA позволяет прогнозировать исследуемый показатель на основе значений прошлых лет, учитывая такие факторы, как тренд, сезонность и шум. Метод Бокса – Дженкинса – это один из наиболее распространенных подходов к моделированию ARIMA, включающий в себя ряд этапов:

1) определение модели – этап, на котором необходимо идентифицировать оптимальные параметры модели ARIMA (p, d, q) на основе анализа автокорреляционной функции (ACF) и частной автокорреляционной функции (PACF) для исходных данных;

2) оценка параметров модели – после выбора модели требуется определить значения параметров модели, таких как авторегрессионный коэффициент (AR) и коэффициент скользящего среднего (MA). Это можно сделать с помощью метода максимального правдоподобия (Безбочина, 2020);

3) проверка модели – на этом этапе исследователь должен проверить, насколько хорошо модель соответствует исходному временному ряду. Для этого используются различные статистические тесты и графические методы.

ARIMA-моделирование методом Бокса – Дженкинса широко используется в различных областях, включая финансовые рынки, экономику, климатологию и другие области, где данные временных рядов играют важную роль.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании используются суммарные данные миграционного прироста по 85 регионам за период 2011–2021 годов. ARIMA-модель по исследованию миграции представлена в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

**ARIMA-модель прироста миграции в России /
ARIMA model of migration growth in Russia**

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	z	P -значение	Степень значимости
const	258 477	12 731,1	20,30	<0,0001	***
phi_1	0,921 479	0,280 863	3,281	0,0010	***
phi_2	0,356 864	0,440 943	0,8093	0,4183	
phi_3	-0,720 105	0,256 445	-2,808	0,0050	***
theta_1	-1,468 90	0,973 195	-1,509	0,1312	
theta_2	1,128 57	2,144 36	0,5263	0,5987	
theta_3	-1,468 89	6,095 48	-0,241	0,8096	
theta_4	0,999 994	3,607 55	0,2772	0,7816	

Результаты проверки модели на достоверность

Среднее зависимой переменной	260 259,6	Стандартное отклонение зависимой переменной	90845,78
Среднее инноваций	3813,638	Стандартное отклонение инноваций	34 613,68
R -квадрат	0,861 959	Исправленный R -квадрат	0,654 899
Логарифмическое правдоподобие	-135,4833	Критерий Акаике	288,9667
Критерий Шварца	292,5477	Критерий Хеннана – Куинна	286,7093

Результаты моделирования

Переменные	Действительная часть	Мнимая часть	Модуль	Частота
AR				
Корень 1	0,8995	0,5062	1,0322	0,0816
Корень 2	0,8995	-0,5062	1,0322	-0,0816
Корень 3	-1,3035	0,0000	1,3035	0,5000
MA				
Корень 1	0,9611	-0,2761	1,0000	-0,0445
Корень 2	0,9611	0,2761	1,0000	0,0445
Корень 3	-0,2267	-0,9740	1,0000	-0,2864
Корень 4	-0,2267	0,9740	1,0000	0,2864

*Примечание: модель – ARIMA, использованы наблюдения 2011–2021 гг. ($T = 11$); зависимая переменная – RF; стандартные ошибки рассчитаны на основе Гессииана; *** – высокая значимость переменной.*

Источник: составлено автором.

В таблице 3 отражены значения по трем видам сценариев к 2024 году, спрогнозированные в результате данного моделирования. Для 95 % доверительных интервалов $z(0,025) = 1,96$.

Таблица 3 / Table 3

Прогнозные сценарии прироста миграции / Migration growth projected scenarios

Год	Инерционный сценарий	Пессимистический сценарий	Позитивный сценарий
2022	158 746	90 904	226 587
2023	417 458	340 116	494 799
2024	205 226	103 192	307 260

Источник: составлено автором.

Представлены результаты по миграционному приросту для трех прогнозных периодов на 2022, 2023 и 2024 годы.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущего тренда миграционных потоков. В этом сценарии ожидается умеренный рост переселения в 2022 году и продолжающийся в последующие годы. **Пессимистический сценарий** предполагает снижение миграционных потоков из-за экономических или политических причин. В этом сценарии ожидается существенное снижение переселения в ближайшие годы. Наконец, **позитивный сценарий** предполагает увеличение миграционных потоков благодаря экономическому росту или политическим изменениям. В этом сценарии прогнозируется значительный рост миграции в ближайшие годы. При этом во всех трех сценариях миграция в 2022 году по сравнению с 2021-м вырастет. В пессимистическом сценарии рост миграции будет наименьшим, а в позитивном – наибольшим. На протяжении всех трех лет наибольшая миграционная волна прогнозируется в позитивном сценарии, а наименьшая – в пессимистическом. Инерционный сценарий предполагает умеренный рост переселения населения в течение трех лет.

Однако важно понимать, что прогнозы могут быть неточными и зависят от многих факторов, включая ситуацию в политике и экономике, социальные тенденции, изменения в международной обстановке и т. д. Поэтому при принятии решений и разработке стратегий на основе этих прогнозов необходимо учитывать возможность их изменения и предусмотреть меры для адаптации к новым условиям.

Управление миграционными потоками представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Прежде всего, страны могут разрабатывать и внедрять юридические механизмы для контроля потока мигрантов: визовый режим, программы рабочей миграции и критерии получения гражданства. Эффективное управление также включает в себя контроль нелегальной миграции. Это может означать ужесточение пограничных процедур, внедрение систем контроля за нарушителями миграционного законодательства и сотрудничество с другими странами для обмена информацией.

Не менее важным аспектом управления миграцией является разработка политики, способствующей успешной интеграции мигрантов в социум. Это предполагает обеспечение доступа к образованию, здравоохранению и другим социальным услугам, а также создание условий для социокультурной адаптации. Ключевую роль в управлении миграцией играет и международное сотрудничество. Совместные усилия по разработке и согласованию миграционных политик, обмен опытом и информацией между странами могут способствовать более эффективному контролю над потоками мигрантов. В целом для успешного управления миграционными потоками необходим комплексный подход, учет различных факторов и постоянный мониторинг ситуации для адаптации политик в соответствии с изменяющимися обстоятельствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование миграционных процессов – важная задача, так как миграция является одним из ключевых факторов, влияющих на управление регионами и страной в целом. Во-первых, эти процессы меняют демографическую структуру населения, что, в свою очередь, влияет на социальные программы, здравоохранение и образование. С ростом числа мигрантов возникает необходимость в расширении инфраструктуры и обеспечении социальной поддержки. Во-вторых, миграция влияет на рынок труда. Приток квалифицированных специалистов способен усилить экономический рост и внедрение инноваций. В то же время большое количество неквалифицированных мигрантов может вызвать конкуренцию на рынке труда и повышение уровня безработицы. Третий аспект связан с влиянием на культуру и социум: мигранты приносят с собой новые культурные особенности, языки и традиции, а это означает новые вызовы в области социальной интеграции и поддержки.

Управление миграционными потоками требует комплексного подхода, учета экономических, социальных и культурных аспектов, а также разработки эффективных политик для обеспечения устойчивого развития страны.

Анализ данных Росстата за период с 2011 по 2021 год показал, что процессы переселения в России характеризуются сложными тенденциями, связанными с различными экономическими, социальными и демографическими факторами. Наибольший миграционный прирост за последние годы был зарегистрирован в Московской области, Москве и Краснодарском крае, а наибольшая миграционная убыль – в Оренбургской области, Республике Дагестан и Омской области. В 2020 году миграционный прирост был снижен почти во всех регионах из-за пандемии COVID-19 и ограничений на въезд в Россию, но в 2021 году он снова начал расти.

Миграционный прирост в России в ближайшие годы будет зависеть от экономических, политических и социальных факторов. Инерционный сценарий предполагает умеренный рост миграционных потоков, а пессимистический – их снижение. Однако позитивный сценарий предполагает значительный рост миграции благодаря экономическому подъему и политическим изменениям. В среднем ожидается умеренное повышение миграционного прироста в течение трех лет, начиная с 2022 года.

Данные исследования могут быть полезными для разработки государственных программ по улучшению демографической ситуации и развитию регионов.

Список источников

Бардадь А. Б. Потребности региональной социально-экономической системы в транспортных услугах // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3. С. 60–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-60-69>.

Безбоchina А. А. Моделирование процесса авторегрессии с помощью языка программирования статистической обработки данных // Наука, техника и образование. 2020. № 4. С. 12–16.

Бурда М. А. Модели миграционной политики современного государства // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10, № 3. С. 268–277.

Вечканов Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР: Политико-экономический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 143 с.

Власов Т. С., Немерюк Е. Е. Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20, № 4. С. 443–447. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>.

Воробьева О. Д., Субботин А. А. Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 32–41. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.3>.

Ефремов И. А. Предварительные итоги международной миграции населения в России в 2022 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 6. С. 64–66.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4. С. 162–180. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>.

Леденева В. Ю., Рахманов А. Х. Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов // Вестник МГИМО-университета. 2023. Т. 16, № 6. С. 250–269. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269>.

Павловский Е. В. Использование адаптивных гибридных моделей в прогнозировании внешних выбытий из России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 151–155.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975. 231 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М.: Изд-во «Юрайт», 2024. 480 с.

Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И. Миграционная подвижность населения и ее измерение // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 4–14. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00011>.

Сарыглар С. А., Максимова С. Г. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения

мигрантов в азиатском приграничье России // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3, № 1. С. 37–48. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-02).

Beckers P., Ghodsi M., Ivanović K. et al. Skills-oriented migration in the Western Balkans: Linking workers' migration aspirations to skill shortages in destination and origin countries // *GS4S Working Paper Series (D7.3)*. 2024. Art. № 1. 43 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.34383.70567>.

Burrell K., Hopkins P., Isakjee A. et al. Brexit, race and migration // *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2019. Vol. 37, № 1. P. 3–40. <https://doi.org/10.1177/0263774X18811923>.

Dumont J., Lemaitre G. Counting immigrants and expatriates in OECD countries: A new perspective // *OECD Social Employment and Migration Working Papers*. 2005. № 25. 44 p. <https://doi.org/10.1787/521408252125>.

Forced migration in/to Canada: From colonization to refugee resettlement / Ed. by C. R. Clark-Kazak. London: McGill-Queen's University Press, 2024. 600 p.

Gamlen A., Bardsley D., Wall J. The evolution and impacts of Graeme Hugo's environmental migration research // *Population and Environment*. 2018. Vol. 39. P. 301–318. <https://doi.org/https://doi.org/10.1007/s11111-018-0298-2>.

Iashvili G., Baratashvili A. Analysis of socio-economic impact of migration // *Economic Profile*. 2024. Vol. 19, № 1. P. 56–63. <https://doi.org/10.52244/ep.2024.27.01>.

Islam A. Z., Collins F. L., Alimi O. B. Temporary migration and wage inequality: The effects of skills, nationality and migration status in Aotearoa New Zealand // *Population, Space and Place*. 2024. Art. № e2811. <https://doi.org/10.1002/psp.2811>.

Massey D., Arango J., Hugo G. et al. Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

Ravenstein E. G. The laws of migration // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52, № 2. P. 241–305. <https://doi.org/10.2307/2979333>.

Ravenstein E. G. The laws of migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.

Sassen S. *Guests and aliens*. New York: New Press, 1999. 202 p.

Информация об авторе

А. А. Бычкова – младший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 4818-9384

AuthorID (РИНЦ): 977093

Web of Science ResearcherID: AAC-8061-2019

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

References

- Bardal, A. B. (2021), "Needs of the regional socio-economic system in transport services", *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3, pp. 60–69, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-60-69>.
- Bezbochina, A. A. (2020), "Modeling the autoregression process using the statistical data processing programming language", *Science, Technology and Education*, no. 4, pp. 12–16.
- Burda, M. A. (2024), "Modern state migration policy models: Migration protectionism as a factor of migration attractiveness", *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, vol. 10, no. 3, pp. 268–277.
- Vechkanov, G. S. (1981), *Migratsiya trudovykh resursov v SSSR: Politiko-ekonomicheskii aspekt* [Migration of labor resources in the USSR: Political and economic aspect], Publishing House of Leningrad State University, Leningrad, Russia.
- Vlasov, T. S. and Nemeryuk, E. E. (2020), "The mobility turn as an educational challenge in modern society", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 20, no. 4, pp. 443–447, <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>.
- Vorobieva, O. D. and Subbotin, A. A. (2021), "Historical aspects and modern features of internal migration in Russia", *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 17, no. 1, pp. 32–41, <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.3>.
- Efremov, I. A. (2023), "Preliminary results of international migration of the population in Russia in 2022", *Economic Development of Russia*, vol. 30, no. 6, pp. 64–66.
- Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V. and Florinskaya, Y. F. (2012), "Interregional migration and life strategies of the Russian youth", *Journal of the New Economic Association*, no. 4, pp. 162–180, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>.
- Ledeneva, V. Yu. and Rakhmonov, A. Kh. (2023), "The impact of 'migration potential' on the economic and demographic development of donor and recipient countries", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 16, no. 6, pp. 250–269, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269>.
- Pavlovskij, E. V. (2018), "Using adaptive hybrid models in forecasting foreign outflows from Russia", *Izvestiya St. Petersburg State Economic University*, no. 1, pp. 151–155.
- Perevedentsev, V. I. (1975), *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods of studying population migration], Nauka, Moscow, Russia.
- Rybakovsky, L. L. (2024), *Migratsiya naseleniya* [Population migration], Urait, Moscow, Russia.
- Rybakovsky, L. L., Mayevsky, D. P. and Kozhevnikova, N. I. (2019), "Migration mobility of the population and its measurement", *Population*, vol. 22, no. 2, pp. 4–14, <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00011>.
- Saryglar, S. and Maximova, S. (2020), "Migration behavior: Strategies and practices of social integration, specifics of adaptive behavior of migrants in the Asian borderland of Russia", *Society and Security Insights*, vol. 3, no. 1, pp. 37–48, [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-02).

Beckers, P., Ghodsi, M., Ivanović, K. et al. (2024), "Skills-oriented migration in the Western Balkans: Linking workers' migration aspirations to skill shortages in destination and origin countries", *GS4S Working Paper Series (D7.3)*, art. no. 1, 43 p, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.34383.70567>.

Burrell, K., Hopkins, P., Isakjee, A. et al. (2019), "Brexit, race and migration", *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 37, no. 1, pp. 3–40, <https://doi.org/10.1177/0263774X18811923>.

Dumont, J. and Lemaitre, G. (2005), "Counting immigrants and expatriates in OECD countries: A new perspective", *OECD Social Employment and Migration Working Papers*, no. 25, 44 pp., <https://doi.org/10.1787/521408252125>.

Clark-Kazak, C. R. (2024), *Forced migration in/to Canada: From colonization to refugee resettlement*, McGill-Queen's University Press, London, UK.

Gamlen, A., Bardsley, D. and Wall, J. (2018), "The evolution and impacts of Graeme Hugo's environmental migration research", *Population and Environment*, vol. 39, pp. 301–318, <https://doi.org/10.1007/s11111-018-0298-2>.

Iashvili, G. and Baratashvili, A. (2024), "Analysis of socio-economic impact of migration", *Economic Profile*, vol. 19, no. 1, pp. 56–63, <https://doi.org/10.52244/ep.2024.27.01>.

Islam, A. Z., Collins, F. L. and Alimi, O. B. (2024), "Temporary migration and wage inequality: The effects of skills, nationality and migration status in Aotearoa New Zealand", *Population, Space and Place*, art. no. e2811, <https://doi.org/10.1002/psp.2811>.

Massey D., Arango J., Hugo G. et al. (1993), "Theories of international migration: A review and appraisal", *Population and Development Review*, vol. 19, no. 3, pp. 431–466, <https://doi.org/10.2307/2938462>.

Ravenstein, E. G. (1889), "The laws of migration", *Journal of the Royal Statistical Society*, vol. 52, no. 2, pp. 241–305. <https://doi.org/10.2307/2979333>.

Ravenstein, E. G. (1885), "The laws of migration", *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no. 2, pp. 167–235.

Sassen, S. (1999), *Guests and aliens*, New Press, New York, NY, US.

Information about the author

A. A. Bychkova – Junior Research Fellow of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN-code (RSCI): 4818-9384

AuthorID (RSCI): 977093

Web of Science ResearcherID: AAC-8061-2019

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 15.04.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 513–532.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 513–532.

Научная статья

УДК 332.1:338.24

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-513-532>

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕТОДОМ DATA ENVELOPMENT ANALYSIS (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ И РЕГИОНОВ-КОНКУРЕНТОВ)

Глеб Геннадьевич Красильщиков^{1✉}, Елизавета Александровна Троицкая²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ [krasilshchikov@gmail.com✉](mailto:krasilshchikov@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-7342-589X>

² troitzkaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3710-4447>

Аннотация. Введение: несмотря на явную централизацию в системе государственной власти, регионы, находясь в неодинаковых условиях и обладая разным набором ресурсов, реализуют отличные друг от друга управленческие практики. **Цель:** оценка эффективности регионального управления. В качестве исследовательского кейса были выбраны Пермский край и его регионы-конкуренты – Республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области. **Методы:** Data Envelopment Analysis (DEA), или анализ среды функционирования (АСФ), метод линейного масштабирования, метод ранговых корреляций Спирмана, табличный метод. **Результаты:** на основе статистических данных Росстата и Минфина России проведена оценка эффективности регионального управления по 9 субъектам Российской Федерации в период с 2005 по 2019 год. Разработан агрегированный показатель «Индекс результативности регионального управления» (ИРРУ), который отражает достижение исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации результатов в развитии экономики и человеческого потенциала. **Выводы:** Пермский край за весь исследуемый период имел наименьший ИРРУ в изучаемой выборке, но оставался лидером по среднегодовым темпам роста ИРРУ (106,46 %). Регионом с самой эффективной системой государственного управления является Республика Татарстан, чья средняя оценка эффективности методом DEA за 15 лет равна 1. На втором и третьем местах – Краснодарский край и Республика Башкортостан соответственно. Пермский край занимает последнее 9-е место, ему не удалось сократить отставание от регионов-конкурентов.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: государственное управление, реформирование государственного управления, эффективность органов государственной власти, индекс результативности регионального управления, регионы России, анализ среды функционирования, оболочечный анализ

Для цитирования: Красильщиков Г. Г., Троицкая Е. А. Оценка эффективности регионального управления методом Data Envelopment Analysis (на материалах Пермского края и регионов-конкурентов) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 513–532. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-513-532>.

Original article

ASSESSMENT OF REGIONAL GOVERNANCE EFFICIENCY USING DATA ENVELOPMENT ANALYSIS (BASED ON THE MATERIALS OF PERM TERRITORY AND COMPETING REGIONS)

Gleb G. Krasilshchikov¹✉, Elizaveta A. Troitskaya²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ krasilshchikov@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7342-589X>

² troitskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3710-4447>

Abstract. Introduction: despite the obvious centralization in the system of state power, the regions, being in different conditions and possessing different resources, implement various governance practices. **Objectives:** to assess the regional governance efficiency. Perm Territory and its competing regions – Republic of Bashkortostan, Republic of Tatarstan, Krasnodar Territory, Nizhny Novgorod, Samara, Sverdlovsk, Tyumen and Chelyabinsk regions were selected as research cases. **Methods:** Data Envelopment Analysis (DEA), the linear scaling method, the Spearman rank correlation method, the tabular method. **Results:** based on statistical data from Rosstat and the Ministry of Finance of the Russian Federation, an assessment of regional governance efficiency was studied in 9 constituent entities of the Russian Federation from 2005 to 2019. An aggregated indicator, the Regional Governance Performance Index (RGPI), has been developed which reflects the achievement of results in economic and human potential development by regional executive bodies. **Conclusions:** Perm Territory had the lowest RGPI in the studied sample for the entire study period but remained the leader in terms of average annual RGPI growth rates (106.46 %). The region with the most effective public administration system was the Republic of Tatarstan, whose average efficiency rating by DEA over 15 years was 1. Krasnodar Territory and the Republic of Bashkortostan were in second and third place, respectively. Perm Territory was in the last 9th place, it failed to reduce the gap with its competing regions.

Keywords: public administration, public administration reform, government efficiency, regional governance performance index, regions of Russia, data envelopment analysis

For citation: Krasilshchikov, G. G. and Troitskaya, E. A. (2024), "Assessment of regional governance efficiency using Data Envelopment Analysis (based on the materials of Perm Territory and competing regions)", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 513–532, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-513-532>.

ВВЕДЕНИЕ

Оценка эффективности государственного управления – важная исследовательская задача в современной науке, которая усложняется непрерывным процессом реформирования системы организации органов публичной власти. Современные государства должны постоянно совершенствоваться и адаптировать систему управления под влиянием быстро меняющихся политических, экономических, социальных и культурных процессов.

Одним из заметных примеров поиска новых эффективных форм организации публичного управления является Российская Федерация. После распада Советского союза, особенно в 2000-е годы, начинается активный этап государственного строительства. В России, как и во многих других странах, осуществлявшаяся в тот период административная реформа ориентировалась на положения концепции нового государственного менеджмента (Hood, 1991; Osborne and Gaebler, 1993; Kettl, 2005; McLaughlin et al., 2005). Реформирование государственного управления прошло несколько этапов, а учитывая масштаб территории, важную роль в этом процессе играли субъекты Российской Федерации. В этой связи появляется потребность в комплексном изучении и оценке эффективности реализованных управленческих практик на региональном уровне.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Определение понятия «эффективность» достаточно давно привлекает внимание ученых. При этом в научной литературе отсутствует консенсус в понимании данного термина в контексте государственного управления.

Так, некоторые исследователи рассматривают эффективность как характеристику процесса достижения организационных (стратегических) целей (Waheed et al., 2011, p. 63). Стоит отметить, что, как правило, данный подход распространен в самих государственных институтах и применяется при разработке методик оценки эффективности органов власти. В российской практике такая методика содержится в Указе Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹. Тем не менее данный подход несвободен от ряда методологических недостатков – открытым остается вопрос, какой уровень достигнутых результатов можно считать эффективным, учитывая, что различные социально-экономические системы, к которым можно отнести и российские регионы, функционируют в разных условиях и обладают неодинаковым ресурсным потенциалом? При таком подходе практически не учитываются затраченные ресурсы, следовательно, можно говорить об оценке

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 04.02.2021 № 68. URL: <https://base.garant.ru/400281504/> (дата обращения: 23.03.2024).

не эффективности, а результативности управления, которую следует понимать как достижение определенных показателей (Князева и Самков, 2023).

Проводимые в разных странах мира административные реформы, направленные на внедрение в управленческую практику элементов концепций “new public management” и “good governance” (Маратова, 2022; Андрюшенков и Денисов, 2022) подтолкнули ряд исследователей к определению эффективности государственного управления с экономических позиций, как степени соответствия реальности эталонной или идеальной модели организации государственных институтов (Красильников и др., 2014, с. 48). В рамках данного подхода внимание уделяется не только формальным, но и неформальным «правилам игры», постановке целей реформаторами и средствам их достижения. Однако, как отмечают ряд экспертов, отсутствие однозначной корреляции между порядком организации государственных институтов и достижением показателей социально-экономического развития создает ощутимые исследовательские трудности (Kurtz and Schrank, 2007; Юрескул, 2016).

Необходимость осмысления и выработки новых подходов к оценке эффективности различных уровней государственного управления подтверждаются не только вышеуказанными научно-методологическими сложностями, но и неослабевающим интересом к данному направлению исследований (Ахременко и др., 2019а, 2019b; Федорова и др., 2019; Добролюбова, 2021; Добролюбова и Южаков, 2021; Добролюбова и др., 2021; Богатырева, 2022; Галимуллина и др., 2023).

В настоящей статье эффективность понимается как соотношение затрат и результатов и является относительным показателем, поскольку, по мнению авторов, выразить эффективность государственного управления в единицах измерения не представляется возможным. В этом контексте оценка эффективности того или иного института имеет смысл только в сравнении с другими подобными объектами.

Цель работы заключается в оценке эффективности регионального управления методом Data Envelopment Analysis (DEA) на материалах Пермского края и регионов-конкурентов² в период с 2005 по 2019 год, то есть с образования нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа и до начала пандемии COVID-19, значительно повлиявшей на социально-экономическое развитие регионов и ставшей катализатором изменений не только в экономике, но и государственном управлении, ускорив его цифровую трансформацию.

Теоретико-методологической основой исследования является системный подход к изучению эффективности сложных социально-экономических систем, к которым можно отнести и субъекты Российской Федерации. В рамках систем-

² Регионы-конкуренты имеют схожие показатели социально-экономического развития и структуру экономики, а также являются предпочтительными территориями для потенциального переезда жителей Пермского края (Петрова, 2017; Латышева и Лоскутникова, 2018). Термин широко использовался в публичных выступлениях и докладах представителей органов власти Пермского края, нашел свое отражение в стратегических документах региона. См., напр., *О стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года* [Электронный ресурс]: Постановление Законодат. Собр. Перм. края от 01.12.2011 № 3046. URL: <https://base.garant.ru/16129164/> (дата обращения: 15.02.2024).

ного подхода модель управления регионом рассматривается как целостная и взаимосвязанная система организации государственной власти, обладающая определенными свойствами и характеристиками и направленная на достижение значимых для территории социально-экономических результатов.

В качестве исследовательского кейса были выбраны Пермский край и регионы-конкуренты – Республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области. В Пермском крае во второй половине 2000-х годов были наиболее полно реализованы идеи нового государственного менеджмента для построения модели управления регионом (Красильников и Троицкая, 2011), которая получила название функционально-целевой (Сухих и Блусь, 2009). В рамках данной модели, учитывая множественность сфер ответственности государства, было предложено структурирование целей при управлении субъектом Российской Федерации, что позволяет оценить соотношение затраченных ресурсов и достигнутых регионом результатов социально-экономического развития.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные Росстата и Минфина России по 9 субъектам Российской Федерации в период с 2005 по 2019 год.

Выбранный в качестве основного метода исследования Data Envelopment Analysis также называют в отечественных исследованиях анализом среды функционирования (АСФ) или оболочечным анализом. Данный метод изначально применялся для сравнения производительности коммерческих структур (Charnes et al., 1978). Но постепенно его (а также различные его вариации) стали все чаще использовать для изучения эффективности разного рода и порядка социально-экономических систем и институтов, оценки государственной политики в отдельных отраслях (Hammond, 2002; Afonso and Aubyn, 2005; Месропян, 2011; Balaguer-Coll et al., 2012; Wang and Wang, 2022; Flegl and Gress, 2023; Gareev et al., 2023; Федорова и Губанов, 2024).

В методологии DEA эффективность определяется как соотношение затрат и результатов исследуемых объектов относительно друг друга. Изучаемые объекты или Decision Making Unit (DMU) представляют собой центры принятия решений, которые рассматриваются как «черные ящики», превращающие входы (затраты) в выходы (результаты). В настоящем исследовании сложившиеся в регионах модели управления и являются теми самыми центрами принятия решений, обладающими некоторым набором ресурсов и достигающими определенных социально-экономических результатов.

Применение данного подхода подразумевает, что все изучаемые центры принятия решений находятся в пространстве производственных возможностей, которое образовано всеми возможными сочетаниями затрат и результатов. Те DMU, которые находятся на границе данного пространства – так называемой «границе производственных возможностей» (ГПВ) – считаются эффективными. Таким образом, достижение ГПВ, а соответственно, и эффективности, возможно как за счет сокращения затрат, так и за счет увеличения результатов. В методологии DEA различают модели, ориентированные на вход (достижение ГПВ за счет сокращения затрат), и модели, ориентированные на выход (достижение ГПВ за счет увеличения результата). Выбор

ориентации модели зависит от исследовательских задач и стратегических целей изучаемой организации. Если говорить о системе регионального управления, направленной на увеличение показателей социально-экономического развития территории, наиболее логичным представляется использование модели, ориентированной на выход.

В прикладных исследованиях эффективности государственного управления методом DEA, как правило, используют переменные эффекты масштаба. В этом случае в качестве эталонных DMU выбираются несколько наиболее эффективных центров принятия решений, обладающих разным соотношением затрат и результатов. Линия, соединяющая наиболее эффективные DMU, при использовании данного подхода и будет считаться границей производственных возможностей. Если исходить из того, что определенным образом выстроенная структура исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации позволяет повысить эффективность управления в целом, то в качестве DMU может рассматриваться модель управления регионом, в которой функции и полномочия распределены между ее элементами, взаимодействующими посредством формальных и неформальных коммуникаций для достижения стратегических целей региона.

В качестве входа модели используются расходы консолидированного бюджета региона на душу населения с учетом индекса бюджетных расходов, применяемого Минфином России³. Включение в модель подушевого показателя, скорректированного на индекс бюджетных расходов, позволяет учесть экономические и социально-географические различия рассматриваемых субъектов Российской Федерации для получения валидных результатов.

В качестве выхода модели используется разработанный авторами индекс результативности регионального управления (ИРРУ). Использование одного выхода позволяет сохранить низкую размерность модели, при этом учесть достаточно большое количество факторов, отражающих достижение целей регионального развития.

ИРРУ позволяет измерить уровень достигнутых результатов в изучаемых регионах в период с 2005 по 2019 год по следующим показателям:

- 1) коэффициент естественного прироста населения на 1 000 человек;
- 2) коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек;
- 3) коэффициент младенческой смертности;
- 4) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- 5) уровень безработицы;
- 6) число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек;
- 7) подындекс благосостояния населения;
- 8) подындекс качества среды обитания;
- 9) численность исследователей с учеными степенями;
- 10) численность студентов на 10 000 человек населения;
- 11) валовый региональный продукт на душу населения.

³ Индекс бюджетных расходов показывает, насколько больше (меньше) необходимо затратить бюджетных средств (в расчете на душу населения) в данном субъекте Российской Федерации, с учетом объективных региональных факторов и условий, по сравнению со средним по стране уровнем для предоставления одного и того же объема бюджетных услуг.

Если исходить из того, что ключевой задачей региональных органов исполнительной власти является развитие экономики и человеческого потенциала, то включение в разработанный авторами ИРРУ вышеуказанных показателей соотносится с методологией построения других индексов качества жизни населения⁴.

Для приведения компонентов ИРРУ к одинаковой размерности был использован метод линейного масштабирования, суть которого заключается в отображении показателя в интервале от 0 до 1 при сохранении всех пропорций между отдельными значениями. Чтобы иметь возможность динамического сопоставления показателей, максимумы и минимумы каждой переменной фиксируются для всего изучаемого временного периода. Показатели, которые отрицательно связаны с повышением результативности регионального управления (уровень безработицы, число зарегистрированных преступлений, коэффициент младенческой смертности), подвергались процедуре обратного линейного масштабирования – масштабированная величина вычиталась из единицы⁵.

В качестве компонентов ИРРУ используются два подындкса – благосостояния населения и качества среды обитания. Они образуются путем усреднения нескольких величин. Подындекс благосостояния населения является средним арифметическим линейно масштабированных переменных «Отношение среднедушевых доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг» и «Число населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума». Подындекс качества среды обитания также представляет собой среднее арифметическое линейно масштабированных переменных «Удельный вес аварийного жилого фонда в общей площади всего жилого фонда», «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя», «Отношение среднедушевых доходов населения к стоимости квадратного метра на первичном рынке жилья» и «Удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом».

Индекс результативности регионального управления является средним арифметическим всех его компонентов, имеющих одинаковые веса.

Расчеты производились с помощью свободно распространяемой программы Open Source DEA⁶.

Для того чтобы исключить дублирование оценок различными компонентами индекса одной и той же величины, необходимо проверить их на независимость по отношению друг к другу. Под независимостью компонентов понимается отсутствие сильных корреляционных связей между ними. Для проверки компонентов на независимость использовался метод ранговых корреляций Спирмана. Ниже представлена матрица ранговых корреляций Спирмана для всех пар компонентов ИРРУ в 2019 году (табл. 1).

⁴ См., напр., Индекс развития человеческого потенциала ООН; «Политический атлас современности» МГИМО; Рейтинг качества жизни российских регионов, который составлял Независимый институт социальной политики в 2000–2005 годы.

⁵ Использование метода линейного масштабирования не является новаторским в отечественной политической науке. Он применялся, например, при построении индекса качества жизни регионов России (Ахременко и Евтушенко, 2010).

⁶ Open Source DEA [Online]. URL: <https://opensourcedea.org> (Accessed Feb. 4, 2024).

Таблица 1 / Table 1

Матрица ранговых корреляций Спирмана для всех пар компонентов индекса результативности регионального управления в 2019 году /
Spearman rank correlation matrix for all pairs of components for the Regional Governance Performance Index, 2019

Коэффициент корреляции	Коэффициент естественного прироста населения	Коэффициент миграционного прироста населения	Коэффициент младенческой смертности	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Уровень безработицы	Число зарегистрированных преступлений	Индекс благосостояния населения	Индекс качества среды обитания	Численность исследователей с учеными степенями	Численность студентов	Валовый региональный продукт на душу населения
Коэффициент естественного прироста населения	1,00	0,29	-0,15	0,63	-0,60	-0,09	0,50	-0,18	-0,47	-0,19	0,45
Коэффициент миграционного прироста населения	0,29	1,00	-0,67	0,52	-0,30	-0,43	0,29	0,43	-0,18	-0,23	0,32
Коэффициент младенческой смертности	-0,15	-0,67	1,00	-0,13	-0,05	0,04	0,01	0,03	0,30	0,30	-0,22
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	0,63	0,52	-0,13	1,00	-0,68	-0,50	0,59	0,58	-0,26	0,31	0,40
Уровень безработицы	-0,60	-0,30	-0,05	-0,68	1,00	0,53	-0,74	-0,23	0,01	-0,42	-0,66
Число зарегистрированных преступлений	-0,09	-0,43	0,04	-0,50	0,53	1,00	-0,57	-0,41	-0,18	-0,25	0,00
Индекс благосостояния населения	0,50	0,29	0,01	0,59	-0,74	-0,57	1,00	0,22	0,42	0,39	0,42
Индекс качества среды обитания	-0,18	0,43	0,03	0,58	-0,23	-0,41	0,22	1,00	0,10	0,40	-0,36

Коэффициент корреляции	Коэффициент естественного прироста населения	Коэффициент миграционного прироста населения	Коэффициент младенческой смертности	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Уровень безработицы	Число зарегистрированных преступлений	Индекс благосостояния населения	Индекс качества среды обитания	Численность исследователей с учеными степенями	Численность студентов	Валовый региональный продукт на душу населения
Численность исследователей с учеными степенями	-0,47	-0,18	0,30	-0,26	0,01	-0,18	0,42	0,10	1,00	0,33	-0,34
Численность студентов	-0,19	-0,23	0,30	0,31	-0,42	-0,25	0,39	0,40	0,33	1,00	-0,29
Валовый региональный продукт на душу населения	0,45	0,32	-0,22	0,40	-0,66	0,00	0,42	-0,36	-0,34	-0,29	1,00

Источник: таблицы 1–4 составлены и рассчитаны авторами.

Таблица 2 / Table 2

Индекс результативности регионального управления (ИРРУ), 2005–2019 / Regional Governance Performance Index, 2005–2019

Регионы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Башкортостан	0,33	0,37	0,41	0,46	0,45	0,45	0,46	0,48	0,50	0,50	0,47	0,49	0,48	0,52	0,52
Республика Татарстан	0,48	0,51	0,55	0,59	0,56	0,59	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,67	0,66	0,69	0,69
Краснодарский край	0,36	0,38	0,44	0,48	0,47	0,50	0,54	0,56	0,59	0,58	0,60	0,60	0,58	0,62	0,59
Пермский край	0,21	0,25	0,30	0,32	0,33	0,36	0,42	0,44	0,45	0,46	0,47	0,45	0,45	0,47	0,49
Нижегородская область	0,36	0,40	0,47	0,50	0,48	0,47	0,52	0,55	0,58	0,58	0,58	0,59	0,58	0,58	0,62
Самарская область	0,44	0,44	0,47	0,48	0,47	0,48	0,51	0,53	0,53	0,54	0,53	0,53	0,52	0,55	0,56
Свердловская область	0,37	0,43	0,49	0,53	0,51	0,51	0,58	0,58	0,59	0,58	0,59	0,57	0,58	0,60	0,62
Тюменская область	0,44	0,47	0,53	0,55	0,55	0,55	0,62	0,63	0,60	0,61	0,61	0,65	0,65	0,68	0,68
Челябинская область	0,34	0,43	0,45	0,43	0,41	0,45	0,49	0,48	0,48	0,50	0,48	0,48	0,47	0,49	0,52

Как видно из таблицы 1, между компонентами индекса отсутствуют сильные корреляционные связи. Это означает, что они характеризуют различные аспекты результативности регионального управления и не дублируют друг друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Используемые в качестве выходов модели показатели ИРРУ в период с 2015 по 2019 год представлены в таблице 2.

Из таблицы 2 следует, что Пермский край за весь исследуемый период имеет наименьший индекс результативности регионального управления в изучаемой выборке.

Однако стоит отметить, что в период с 2005 по 2009 год Пермский край увеличил ИРРУ до 0,33 (у Челябинской области, находившейся в 2009 году на 8-м месте, ИРРУ составил 0,41, а у занимавшего первое место Татарстана – 0,56). К 2012 году ИРРУ Пермского края увеличился до 0,44, в то время как ближайшие конкуренты – Челябинская область и Республика Башкортостан – достигли значения ИРРУ только 0,48, а лидер – Республика Татарстан – 0,65.

В период с 2013 по 2016 год ИРРУ Пермского края колебался в значениях от 0,45 до 0,47. ИРРУ Челябинской области и Республики Башкортостан как наиболее близких по значению показателя к Пермскому краю также не претерпевал существенных изменений и составлял от 0,47 до 0,5. Республика Татарстан в указанный период оставалась на первом месте; ее ИРРУ находился в границах от 0,65 до 0,67.

В период с 2017 по 2019 год ИРРУ Пермского края несколько увеличился и остановился на 0,49. Челябинская область и Республика Башкортостан достигли показателя ИРРУ к 2019 году в 0,52. Республика Татарстан сохранила лидерство с показателем 0,69.

Ниже приведены темпы роста индекса регионального управления в процентах к предыдущему году в период с 2006 по 2019 год (табл. 3).

В 2006 и 2007 годах Пермский край показывал наибольшие темпы роста ИРРУ (119 и 120 % к показателю прошлого года). Также стоит отметить, что в 2009 году Пермский край был единственным регионом, ИРРУ которого вырос. Это свидетельствует о том, что регион достаточно неплохо прошел кризис 2008 года. В целом в период с 2006 по 2009 год среднегодовые темпы роста индекса в Пермском крае составили 112,2 % (лучший показатель среди всех исследуемых регионов).

В 2010–2012 годах регион также сохранил лидерство по темпам роста ИРРУ (среднегодовые темпы роста составили 110,2 %), а наибольших темпов роста (116,7 %) удалось добиться в 2011-м. Среднегодовые темпы роста индекса других субъектов Российской Федерации в указанный период не превышали 106 %.

С 2013 по 2016 год среднегодовые темпы роста ИРРУ Пермского края заметно замедлились и составили всего 100,6 %. Особо стоит отметить 2016 год, когда данный показатель показал минимальное значение за весь исследуемый период – 95,7 %. Регионы-конкуренты также не демонстрировали

Таблица 3 / Table 3

Темпы роста индекса результативности регионального управления, в % к предыдущему году, 2006-2019 /
Growth rate of the Regional Governance Performance Index, in % to the previous year, 2006-2019

Регионы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Башкортостан	112,1	110,8	112,2	97,8	100	102,2	104,3	104,2	100	94	104,3	98	108,3	100
Республика Татарстан	106,3	107,8	107,3	94,9	105,4	110,2	100	100	100	100	103,1	98,5	104,5	100
Краснодарский край	105,6	115,8	109,1	97,9	106,4	108	103,7	105,4	98,3	103,4	100	96,7	106,9	95,2
Пермский край	119	120	106,7	103,1	109,1	116,7	104,8	102,3	102,2	102,2	95,7	100	104,4	104,3
Нижегородская область	111,1	117,5	106,4	96	97,9	110,6	105,8	105,5	100	100	101,7	98,3	100	106,9
Самарская область	100	106,8	102,1	97,9	102,1	106,3	103,9	100	101,9	98,1	100	98,1	105,8	101,8
Свердловская область	116,2	114	108,2	96,2	100	113,7	100	101,7	98,3	101,7	96,6	101,8	103,4	103,3
Тюменская область	106,8	112,8	103,8	100	100	112,7	101,6	95,2	101,7	100	106,6	100	104,6	100
Челябинская область	126,5	104,7	95,6	95,3	109,8	108,9	98	100	104,2	96	100	97,9	104,3	106,1

Таблица 4 / Table 4

Оценка эффективности регионального управления методом DEA, 2005–2019 / Assessment of regional governance efficiency using DEA, 2005–2019

Регионы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Башкортостан	0,88	0,83	0,92	1	1	1	0,83	1	1	0,99	1	1	1	1	1
Республика Татарстан	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Краснодарский край	0,99	1	1	0,96	0,93	0,96	0,89	0,89	0,97	0,98	1	1	1	1	1
Пермский край	0,51	0,55	0,60	0,61	0,64	0,71	0,73	0,83	0,84	0,84	0,88	0,84	0,80	0,79	0,83
Нижегородская область	1	0,96	1	0,97	0,94	0,92	1	0,85	0,89	1	0,97	0,98	0,98	0,93	1
Самарская область	1	0,90	0,89	0,87	0,90	0,91	0,84	0,90	0,86	0,87	0,85	0,84	0,85	0,87	0,89
Свердловская область	0,95	0,93	0,91	0,96	1	1	0,97	1	0,97	0,97	0,97	0,92	0,96	0,93	0,96
Тюменская область	0,92	0,92	0,96	0,93	0,98	0,93	0,95	0,97	0,92	0,94	0,94	0,97	0,98	0,99	0,99
Челябинская область	0,92	1	0,97	0,84	1	0,95	0,86	0,94	0,94	1	0,95	0,91	0,88	0,81	0,88

высоких темпов роста, однако Нижегородская область, Краснодарский край, Тюменская область, Республики Татарстан и Башкортостан опередили Пермский край, который уступил лидерство и опустился на 6-е место.

В период с 2017 по 2019 год Пермский край снова показывал наилучшие среднегодовые темпы роста среди регионов-конкурентов, которые тем не менее в среднем за три года составили всего 102,9 %.

В целом за весь анализируемый период Пермский край оставался лидером по среднегодовым темпам роста ИРРУ (106,46 %), на втором месте с отставанием более чем на 2 п.п. расположилась Нижегородская область (104,12 %), далее в диапазоне от 103,94 % до 103,27 % следуют Свердловская область, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Челябинская и Тюменская области. Замыкают список Республика Татарстан (102,71 %) и Самарская область (101,77 %).

Оценка эффективности регионального государственного управления предполагает не только достижение определенного результата, но и учет затраченных ресурсов. Ниже, в таблице 4, представлены результаты оценки эффективности методом DEA. Напомним, что при использовании данного метода эффективными считаются DMU (в нашем кейсе – регионы), которые лежат на границе производственных возможностей (ГПВ). Показатель эффективности таких регионов равен 1. Соответственно, чем ближе показатель к единице, тем эффективнее регион в данный момент времени.

Под затратами в исследовании понимаются расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на душу населения, скорректированные на индекс бюджетных расходов.

Регионом с самой эффективной системой государственного управления за весь исследуемый период является Республика Татарстан, чья средняя оценка эффективности за 15 лет равна 1. На втором и третьем местах – Краснодарский край и Республика Башкортостан соответственно. Пермский край занимает последнее 9-е место.

Тем не менее стоит отметить, что в период с 2005 по 2015 год Пермский край из года в год увеличивал показатель эффективности регионального управления, за исключением 2014 года, когда показатель остался на том же уровне, что и в 2013-м. Так, в 2005 году показатель эффективности был самым низким среди исследуемых субъектов Российской Федерации и составлял всего 0,51, а у Республики Башкортостан, занимавшей предпоследнее 8-е место, он был равен 0,88. Уже к 2010 году эффективность Пермского края выросла до 0,71, а к 2015-му достигла 0,88, максимального значения в анализируемый период. Кроме того, регион сократил отставание от ближайших конкурентов (0,71 против 0,91 у Самарской области), а в 2015 году уже опередил Самарскую область (0,88 против 0,85) и занял 8-е место.

С 2016 по 2018 год наблюдается постепенное снижение показателей эффективности Пермского края до 0,79. Показатели ближайших конкурентов (Челябинская и Самарская области) варьируются от 0,81 до 0,91. В 2019-м эффективность регионального управления в Пермском крае составляла 0,83.

Отсутствие стабильной положительной динамики показателя эффективности в Пермском крае связано с тем, что в 2013–2019 годах темпы роста

в регионе по ряду показателей ИРРУ по сравнению с регионами-конкурентами существенно снизились. Так, по среднегодовым темпам роста ожидаемой продолжительности жизни Пермский край опустился с 1-го (2005–2012) на 7-е (2013–2019) место, подындексам благосостояния и качества среды обитания – с 3-го на 6-е, по численности студентов – со 2-го на 7-е место.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, разработан агрегированный показатель «Индекс результативности регионального управления», который отражает достижение исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации результатов в развитии экономики и человеческого потенциала.

Во-вторых, для оценки эффективности регионального управления апробирован метод Data Envelopment Analysis, который позволяет оценить не только достижение целей социально-экономического развития, но и соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов, что достаточно редко используется в отечественной практике оценки эффективности деятельности органов публичного управления.

Наконец, проведена оценка эффективности регионального управления Пермского края и регионов-конкурентов в период с 2005 по 2019 год. Исходя из результатов данной оценки можно отметить, что первая половина изучаемого периода была для Пермского края наиболее успешной как по темпам роста показателей результативности регионального управления, так и по динамике эффективности регионального управления. В последующий период ИРРУ и показатель эффективности Пермского края существенно не менялись, а сократить отставание от регионов-конкурентов так не удалось.

Дальнейшее направление исследований видится в оценке эффективности регионального управления в пандемийный период, характеризовавшийся разнообразием реализованных в субъектах Российской Федерации практик поддержки бизнеса и населения. Интерес представляет и адаптация регионов к санкционному давлению со стороны недружественных стран.

Список источников

Андрюшенков В. А., Денисов Ю. П. Парадигма государственного и муниципального управления в России в контексте современных политических процессов // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 11. С. 21–25. <https://doi.org/10.24158/per.2022.11.2>.

Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019а. № 3. С. 49–68. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>.

Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира?

Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019b. № 2. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>.

Ахременко А. С., Евтушенко С. А. Качество жизни регионов России: политологический аспект, методология и методика измерения // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки. 2010. № 1. С. 67–83.

Богатырева О. В. Оценка эффективности и качества государственного управления в экономике региона // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 3. С. 63–67.

Галимуллина Н. А., Игнатьева О. Н., Сизоненко З. Л. Государственное управление и возможность количественной оценки эффективности // Дискуссия. 2023. № 3. С. 128–140. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-3-118-128-140>.

Добролюбова Е. И. Оценка качества государственного управления в России и других крупных экономиках мира // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 1. С. 19–27.

Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Диагностика качества российского государственного управления // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 4. С. 170–197. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-4-170-197>.

Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Оценка качества государственного управления: обоснованность, результативность, эффективность. М.: Дело, 2021. 282 с.

Князева Е. Г., Самков К. Н. От результативности к эффективности финансирования государственных программ субъектов Российской Федерации // Journal of New Economy. 2023. Т. 24, № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-2-1>.

Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi (Искусство управления). 2014. № 2. С. 45–62.

Красильников Д. Г., Троицкая Е. А. Практика использования основных инструментов NPM в Пермском крае // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 157–166.

Латышева А. И., Лоскутникова Н. А. Анализ миграционных процессов Пермского края в контексте социально-экономической привлекательности региона [Электронный ресурс] // Концепт. 2018. № 10. С. 256–260. <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.10.18210>. URL: <https://e-koncept.ru/2018/184052.htm> (дата обращения: 02.04.2024).

Маратова Х. Б. Эволюция развития моделей государственного управления: Public Administration, New Public Management и Good Governance // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 6. С. 12–19. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-6-12-19>.

Месропян К. Э. Современные подходы к измерению эффективности региональной экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2011. Т. 10, № 21. С. 34–41.

Петрова М. Д. Анализ миграционных настроений молодежи Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 315–322.

Сухих В. А., Блусь П. И. Деятельность Правительства Пермского края

- как элемент управления регионом // *Ars Administrandi*: Ежегодник – 2009 / Под ред. В. А. Сухих. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 62–73.
- Федорова Е. А., Губанов А. А. Эффективность проектов государственно-частного партнерства в период пандемии COVID-19 // *Финансы: теория и практика*. 2024. Т. 28, № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-3-6-18>.
- Федорова Е. А., Черникова Л. И., Мусиенко С. О. Оценка эффективности регионального управления // *Экономика региона*. 2019. Т. 15, № 2. С. 350–362. <https://doi.org/10.17059/2019-2-4>.
- Юрескул Е. А. Эффективность государства: новые подходы // *Политическая наука*. 2016. № 4. С. 74–92.
- Afonso A., Aubyn M. S. Non-parametric approaches to education and health efficiency in OECD countries // *Journal of Applied Economics*. 2005. Vol. 8, № 2. P. 227–246. <https://doi.org/10.1080/15140326.2005.12040626>.
- Balaguer-Coll M. T., Prior D., Tortosa-Ausina E. Output complexity, environmental conditions, and the efficiency of municipalities // *Journal of Productivity Analysis*. 2013. Vol. 39. P. 303–324. <https://doi.org/10.1007/s11123-012-0307-x>.
- Charnes A., Cooper W. W., Rhodes E. Measuring the efficiency of decision making units // *European Journal of Operational Research*. 1978. Vol. 2, № 6. P. 429–444. [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(78\)90138-8](https://doi.org/10.1016/0377-2217(78)90138-8).
- Flegl M., Gress E. S. H. A two-stage Data Envelopment Analysis model for investigating the efficiency of the public security in Mexico // *Decision Analytics Journal*. 2023. Vol. 6. Art. № 100181. <https://doi.org/10.1016/j.dajour.2023.100181>.
- Gareev T. R., Peker I. Yu., Kuznetsova T. Yu. et al. Evaluating the efficiency of the research sector in Russian regions: A dynamic data envelopment analysis // *Baltic region*. 2023. Vol. 15, № 2. P. 82–102. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-5>.
- Hammond C. J. Efficiency in the provision of public services: A data envelopment analysis of UK public library systems // *Applied Economics*. 2002. Vol. 34, № 5. P. 649–657. <https://doi.org/10.1080/00036840110053252>.
- Hood C. A public management for all seasons? // *Public Administration*. 1991. Vol. 69, № 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1991.tb00779.x>.
- Kettl D. F. The global public management revolution. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2005. 108 p.
- Kurtz M. J., Schrank A. Growth and governance: A defense // *The Journal of Politics*. 2007. Vol. 69, № 2. P. 563–569. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00551.x>.
- New public management: Current trends and future prospects / Ed. by K. McLaughlin, S. P. Osborne, E. Ferlie. London, New York: Routledge, 2005. 368 p.
- Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. New York: Plume, 1993. 432 p.
- Waheed A., Mansor N., Ismail N. A. Delivering better government: Assessing the effectiveness of public sector organizations // *Asia-Pacific Social Science Review*. 2011. Vol. 11, № 1. P. 61–78.
- Wang Z., Wang X. Research on the impact of green finance on energy efficiency in different regions of China based on the DEA-Tobit model // *Resources Policy*. 2022. Vol. 77. Art. № 102695. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102695>.

Информация об авторах

Г. Г. Краси́льщикoв – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код (РИНЦ): 6496-2931

AuthorID (РИНЦ): 986384

Web of Science ResearcherID: M-6092-2018

Е. А. Троицкая – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код (РИНЦ): 5915-0745

AuthorID (РИНЦ): 621621

Web of Science ResearcherID: M-5790-2018

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 04.07.2024; принята к публикации 04.07.2024.

References

Andryushenkov, V. A. and Denisov, Yu. P. (2022), “The paradigm of state and municipal governance in Russia in the context of modern political processes” *Society: Politics, Economics, Law*, no. 11, pp. 21–25, <https://doi.org/10.24158/pep.2022.11.2>.

Akhremenko, A. S., Gorelskiy, I. E. and Melville, A. Yu. (2019a), “How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 8–23, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>.

Akhremenko, A. S., Gorelskiy, I. E. and Melville, A. Yu. (2019b), “How and why should we measure and compare state capacity of different countries? An experiment with empirical research”, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 49–68, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>.

Akhremenko, A. S. and Evtushenko, S. A. (2010), “Quality of life in Russian regions: Politological aspect, method and methodology of measurement”, *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 1, pp. 67–83.

Bogatyreva, O. V. (2022), “Assessment of the effectiveness and quality of public administration in the economy of the region”, *Natural-Humanitarian Studies*, no. 3, pp. 63–67.

Galimullina, N. A., Ignatyeva, O. N. and Sizonenko, Z. L. (2023), "Public administration and the ability to quantify efficiency", *Diskussiia (Discussion)*, no. 3, pp. 128–140, <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-3-118-128-140>.

Dobrolyubova, E. I. (2021), "Assessing the quality of public administration in Russia and other large economies of the world", *Gosudarstvennaya sluzhba*, vol. 21, no. 1, pp. 19–27.

Dobrolyubova, E. I. and Yuzhakov, V. N. (2021), "Diagnostics of public governance quality in Russia", *Economic Policy*, vol. 16, no. 4, pp. 170–197, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-4-170-197>.

Dobrolyubova, E. I., Yuzhakov, V. N. and Starostina, A. N. (2021), *Otsenka kachestva gosudarstvennogo upravleniya: obosnovannost', rezul'tativnost', effektivnost'* [Evaluating governance quality: Validity, effectiveness, efficiency], Delo Publishers RANEPa, Moscow, Russia.

Knyazeva, E. G. and Samkov, K. N. (2023), "From performance to efficiency of government programmes' financing in the subjects of the Russian Federation", *Journal of New Economy*, vol. 24, no. 2, pp. 6–27, <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-2-1>.

Krasilnikov, D. G., Sivintseva, O. V. and Troitskaya, E. A. (2014), "Modern western management models: Synthesis of New Public Management and Good Governance", *Ars Administrandi*, no. 2, pp. 45–62.

Krasilnikov, D. G. and Troitskaya, E. A. (2011), "Practice of using of main instruments of NPM in Perm krai", *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 157–166.

Latysheva, A. I. and Loskutnikova, N. A. (2018), "Analysis of the migration processes in the Perm region in the context of the socio-economic attractiveness of the region", *Koncept*, no. 10, pp. 256–260, <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.10.18210> [Online], available at: <https://e-koncept.ru/2018/184052.htm> (Accessed Apr. 2, 2024).

Maratova, Kh. B. (2022), "Evolution of public administration models: Public Administration, New Public Management, and Good Governance", *Public Administration*, vol. 24, no. 6, pp. 12–19, <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-6-12-19>.

Mesropyan, K. E. (2011), "Modern approaches to measuring the effectiveness of regional economy", *Economic Analysis: Theory and Practice*, vol. 10, no. 21, pp. 34–41.

Morgunov, E. P. and Morgunova, O. N. (2018), "Review of software implementing the method of Data Envelopment Analysis", *Reshetnevskiy chteniye*, 2018, vol. 2, pp. 359–360.

Petrova, M. D. (2017), "Analysis of the migration moods of Perm's youth", *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, no. 1, pp. 315–322.

Sukhih, V. A. and Blus, P. I. (2009), "The activities of the Perm Krai Government as an element of regional governance", in Sukhih, V. A. (ed.), *Ars Administrandi: Ezhegodnik – 2009* [Ars Administrandi: Yearbook – 2009], Perm State University, Perm, Russia, pp. 62–73.

Fedorova, E. A. and Gubanov, A. A. (2024), "The effectiveness of public-private partnership projects during the COVID-19 pandemic", *Finance: Theory and Practice*, vol. 28, no. 3, pp. 6–18, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-3-6-18>.

Fedorova, E. A., Chernikova, L. I. and Musienko, S. O. (2019), "Assessment of the regional government's efficiency", *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 350–362, <https://doi.org/10.17059/2019-2-4>.

Yureskul, E. A. (2016), "State effectiveness: New approaches", *Political Science*, no. 4, pp. 74–92.

Afonso, A. and Aubyn, M. S. (2005), "Non-parametric approaches to education and health efficiency in OECD countries", *Journal of Applied Economics*, vol. 8, no. 2, pp. 227–246, <https://doi.org/10.1080/15140326.2005.12040626>.

Balaguer-Coll, M. T., Prior, D. and Tortosa-Ausina, E. (2013), "Output complexity, environmental conditions, and the efficiency of municipalities", *Journal of Productivity Analysis*, vol. 39, pp. 303–324, <https://doi.org/10.1007/s11123-012-0307-x>.

Charnes, A., Cooper, W. W. and Rhodes, E. (1978), "Measuring the efficiency of decision making units", *European Journal of Operational Research*, vol. 2, no. 6, pp. 429–444, [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(78\)90138-8](https://doi.org/10.1016/0377-2217(78)90138-8).

Flegl, M. and Gress, E. S. H. (2023), "A two-stage Data Envelopment Analysis model for investigating the efficiency of the public security in Mexico", *Decision Analytics Journal*, vol. 6, art. no. 100181, <https://doi.org/10.1016/j.dajour.2023.100181>.

Gareev, T. R., Peker, I. Yu., Kuznetsova, T. Yu. et al. (2023), "Evaluating the efficiency of the research sector in Russian regions: A dynamic data envelopment analysis", *Baltic Region*, vol. 15, no. 2, pp. 82–102, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-5>.

Hammond, C. J. (2002), "Efficiency in the provision of public services: A data envelopment analysis of UK public library systems", *Applied Economics*, vol. 34, no. 5, pp. 649–657, <https://doi.org/10.1080/00036840110053252>.

Hood, C. (1991), "A public management for all seasons?", *Public Administration*, vol. 69, no. 1, pp. 3–19, <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1991.tb00779.x>.

Kettl, D. F. (2005), *The global public management revolution*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US.

Kurtz, M. J. and Schrank, A. (2007), "Growth and governance: A defense", *The Journal of Politics*, 2007, vol. 69, no. 2, pp. 563–569, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00551.x>.

McLaughlin, K., Osborne, S. P. and Ferlie, E. (eds.) (2005), *New public management: Current trends and future prospects*, Routledge, London, UK, New York, NY, US.

Osborne, D. and Gaebler, T. (1993), *Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*, Plume, New York, NY, US.

Waheed, A., Mansor, N. and Ismail N. A. (2011), "Delivering better government: Assessing the effectiveness of public sector organizations", *Asia-Pacific Social Science Review*, vol. 11, no. 1, pp. 61–78.

Wang, Z. and Wang, X. (2022), "Research on the impact of green finance on energy efficiency in different regions of China based on the DEA-Tobit model", *Resources Policy*, vol. 77, art. no. 102695, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102695>.

Information about the authors

G. G. Krasilshchikov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

SPIN-code (RSCI): 6496-2931

AuthorID (RSCI): 986384

Web of Science ResearcherID: M-6092-2018

E. A. Troitskaya – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Governance, Senior Researcher of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

SPIN-code (RSCI): 5915-0745

AuthorID (RSCI): 621621

Web of Science ResearcherID: M-5790-2018

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.04.2024; approved after reviewing 04.07.2024; accepted for publication 04.07.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 533-554.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 3, pp. 533-554.

Научная статья

УДК 323.21

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-533-554>

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Ксения Евгеньевна Косыгина^{1✉}, Юлия Викторовна Уханова²

^{1,2} Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

¹ sene4ka.87@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

² yuliya.uhanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7307-9520>

Аннотация. Введение: муниципальная публичная политика способствует созданию условий для открытого и конструктивного диалога между властью и обществом. В структуре муниципальной публичной политики особое место занимает гражданское участие населения, понимаемое как процесс, посредством которого объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими политическими институтами с целью решения общественно значимых задач. **Цель:** аналитическое обоснование особенностей и барьеров гражданского участия населения в контексте реализации муниципальной публичной политики. **Методы:** анкетный опрос населения в столичных городах Вологодской области и Республики Карелии (2021 год, по городам n = 800) и экспертные интервью с представителями органов муниципального управления, некоммерческих организаций, активистами (2023 год, n = 27). **Результаты:** уровень гражданского участия в г. Вологде несколько выше, чем в г. Петрозаводске (интегральный индекс соответственно 0,27 и 0,22). Востребованными являются заявительные форматы взаимодействия с органами власти. Отсутствует доминантная форма общественно-государственных отношений в онлайн-среде. В Вологде среди населения распространены подписание онлайн-петиций и электронное голосование по инициативам; в Петрозаводске – обращение в интернет-приемные органов власти и онлайн-благотворительность, волонтерство в соцсетях. Ситуация с вовлеченностью местного сообщества в деятельность НКО более позитивна в Во-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

логде, чем в Петрозаводске. Однако в обоих городах зафиксированы относительно низкие показатели реального участия граждан в работе НКО. **Выводы:** онлайн-ресурсы создают возможности для гражданского участия, но их эффективность недостаточно высока. Иногда сетевые формы коммуникации носят имитационный характер или являются симулякрom вовлечения граждан в политику. Некоммерческий сектор занимает значимое место в формировании и реализации публичной политики, хотя существуют проблемы с его взаимодействием с государственными/муниципальными органами. Стратегическое планирование муниципального развития должно включать субъектов гражданского участия для более эффективной реализации программ развития и проектов на местах.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, гражданское участие, некоммерческий сектор, общественно-государственное партнерство, цифросетевые форматы взаимодействия, онлайн-участие

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества», <https://www.rscf.ru/project/23-28-01587/>.

Для цитирования: Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 3. С. 533–554. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-533-554>.

Original article

CIVIC PARTICIPATION OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF MUNICIPAL PUBLIC POLICY IMPLEMENTATION

Ksenia E. Kosygina¹✉, Yulia V. Ukhanova²

^{1,2} Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

¹ sene4ka.87@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

² yuliya.ukhanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7307-9520>

Abstract. Introduction: municipal public policy contributes to creating conditions for an open and constructive dialogue between government and society. In the structure of public policy, a special place is occupied by the civic participation of the population, which is understood as a process through which associations or individuals are involved in relationships with the state and other political institutions to resolve socially significant problems. **Objectives:** analytical substantiation of the civil participation characteristics in the context of the municipal public policy implementation. **Methods:** population questionnaire survey in capital cities of the Vologda region and the Republic of Karelia (2021, n = 800) and expert interviews with representatives of municipal authorities, non-profit organizations, activists (N = 27; 2023). **Results:** the level of civic participation in Vologda is slightly higher than in Petrozavodsk (integral index 0.27 and 0.22). Declarative formats of interaction with authorities are in demand. There is no dominant form of public-state relations in online environment. In Vologda, signing online petitions and electronic voting on initiatives are common among the population, whereas in Petrozavodsk these would be contacting the Internet reception centers of government authorities, online charity and volunteering online. Involvement of local community into NPOs activities is more positive in Vologda than in Petrozavodsk. However, both cities reveal relatively low rates of real citizen participation in NPOs work. **Conclusions:** online resources create opportunities for civic participation, but their effectiveness does not reach an adequate level. Sometimes network

communication forms are imitative in nature or are a simulacrum of citizen involvement in politics. The non-profit sector occupies a significant place in the formation and implementation of public policy, although there are problems in its interaction with state/municipal authorities. Municipal strategic development planning should involve civic participation subjects for more effective implementation of local development programs and projects.

Keywords: municipal public policy, civic participation, non-profit sector, public-state partnership, digital network formats of interaction, online participation

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-2801587 “Overcoming social contradictions in small areas: Local community participation”, <https://www.rscf.ru/project/23-28-01587/>.

For citation: Kosygina, K. E. and Ukhanova, Yu. V. (2024), “Civic participation of the population in the context of municipal public policy implementation”, *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 3, pp. 533–554, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-533-554>.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие страны напрямую зависит от устойчивого роста экономических показателей муниципальных образований и достижения социального благополучия их населения, укрепления гражданского самосознания и расширения потенциала локальных сообществ, что актуализирует рассмотрение местного уровня управления. Субъектами управления могут быть не только органы, наделенные властными полномочиями, но и заинтересованные группы населения, некоммерческие неправительственные организации, бизнес, различные институционализированные структуры (советы, общественные палаты, сходы и т. д.). Взаимодействие заинтересованных сторон в обеспечении функционирования территорий и жизнедеятельности сообществ, а также в принятии решений является одним из параметров современного государственного или, иначе, общественно-государственного управления (Сунгуров и Дмитриева, 2023; Agnafors, 2013; Rothstein and Teorell, 2008).

В свою очередь, отмеченные формы взаимодействия относятся к разным аспектам гражданского участия населения в развитии территорий (Уханова, 2022), к формальным или неформальным практикам, что выступает условием реализации муниципальной публичной политики (Никовская и Якимец, 2022) в рамках практикоориентированного концепта нового общественно-государственного управления (Барабашев, 2016). В современных условиях ограниченности бюджетных ресурсов и реформирования местного самоуправления (Ворошилов, 2021; Кожевников и др., 2021) роль муниципальной публичной политики и гражданского участия как факторов внутреннего развития муниципальных образований возрастает (Мухин и Урасова, 2024).

Актуальность темы определяет решение ключевого исследовательского вопроса, который состоит в необходимости осмысления, с одной стороны, особенностей и перспективности гражданского участия населения в реализации муниципальной публичной политики в различных формах

его проявления, с другой стороны, барьеров, препятствующих данному процессу, что позволит расширить теоретико-методический подход к проблеме исследования.

Таким образом, цель исследования – аналитическое обоснование особенностей и барьеров гражданского участия населения в контексте реализации муниципальной публичной политики. Для достижения цели представляется необходимым: рассмотреть теоретические концепты гражданского участия и муниципальной публичной политики, определить понятия; проанализировать характеристики гражданского участия (формальные и неформальные практики) на примере Вологодской области и Республики Карелии с учетом цифровизации и тенденций регионального социально-экономического развития; выявить барьеры гражданского участия в реализации муниципальной публичной политики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В теоретическом плане обращение к понятию муниципальной публичной политики необходимо начать с феномена публичной политики в целом, так как муниципальная публичная политика является самым полным выражением сути публичной политики как социально-политического и управленческого явления. Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, что предполагает их структурное обособление, но они интегрированы в единый государственный механизм управления страной.

На практике и в научном дискурсе публичная политика рассматривается как условие повышения эффективности государственного управления на принципах выстраивания конструктивного взаимодействия между различными стейкхолдерами политического процесса. На сегодняшний день публичная политика представляет собой «зонтичную» концепцию, охватывающую многие измерения политического (Гандалоева и др., 2017). Эти измерения отражаются в основных направлениях реализации публичной политики. В первую очередь современные технологии публичного управления требуют пересмотра классической вертикальной структуры в пользу отношений в горизонтальной плоскости партнерства по поводу удовлетворения общественных интересов и развития территорий. Горизонтальное взаимодействие предполагает активное вовлечение населения в подготовку, совместное принятие политических решений и разработку стратегических документов, социальных программ и проектов (Никовская и Якимец, 2022). При этом неотъемлемой частью развития современного публичного управления является интеграция цифровых технологий в обеспечение эффективного взаимодействия между гражданами, общественными (некоммерческими) организациями и государством. Эти технологии включают в себя различные формы – от онлайн-консультирования властей на специализированных платформах до электронного участия в политических процессах, а также прямое участие граждан в государственном управлении путем голосования и обращений (Nabatchi et al., 2017; Соколов и Исаева, 2022). Не менее значим процесс ком-

муниципации общественных групп и власти при помощи создания диалоговых площадок или институциональных структур-посредников.

Концепт публичной политики является рамочным для муниципальной публичной политики, но с поправкой на местный уровень управления. Согласно определению Л. И. Никовской и В. Н. Якимца, которое в данном исследовании принято за основу, муниципальная публичная политика представляет собой «социально-политическое явление, которое связано с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и органов управления, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории» (Никовская и Якимец, 2024, с. 6). В исследованиях справедливо отмечается, что сфера гражданского участия в производстве публичных решений определяет управленческо-технологическое измерение публичной политики (Гандалоева и др., 2017) и, как следствие, муниципальной публичной политики.

Исходя из отмеченных основных направлений реализации публичной политики в современных условиях и определения муниципальной публичной политики, можно утверждать, что в их концептуальной структуре особое место занимает такой элемент, как гражданское участие населения.

Необходимо отметить, что изначально понятие «гражданское участие» чаще всего ассоциировалось с политической активностью, различными способами взаимодействия общества и государства. Затем методологическое понимание гражданского участия расширилось: стали рассматриваться такие виды деятельности, как волонтерство и общественная работа. В дальнейшем понятие гражданского участия, охватывавшее гражданское поведение и поступки, распространилось и на гражданские ценности, навыки и знания, мотивационные установки (Phan and Kloos, 2023). Исследователи-приверженцы этой теории утверждают, что гражданское участие позволяет формировать активную, критическую и ответственную гражданскую позицию (Kiwan, 2007). Таким образом, постепенно формируется многомерный, комплексный подход к концептуализации и измерению гражданского участия. В рамках такого подхода гражданское участие трактуется нами как процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие) или с другими социально-политическими институтами, а также между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач (Уханова, 2022, с. 67; Ukhanova et al., 2024, p. 59). При этом важно, чтобы система коммуникации между населением и органами власти была взаимной и предполагала не только директивное участие, навязанное сверху, но и самоорганизацию.

Обобщение подходов к определению структурных элементов гражданского участия позволило выявить, что отличительными чертами этого феномена являются следующие:

- связано как с политическими, так и неполитическими процессами;
- реализуется в индивидуальных и коллективных практиках;
- происходит в оффлайн- и онлайн-среде;

- осуществляется в формальных (юридический статус организации) и неформальных (ситуативные и спонтанные) формах;
- отражает возможности для проявления прав, интересов и обязанностей гражданина (подчеркивается важность осознания личной ответственности со стороны человека);
- характеризуется публичным характером (может возникать на границе общественного и частного, но вне рамок института семьи);
- основывается как на активных формах (участие-действие), так и на пассивных (присутствие, принадлежность, но не действие);
- направлено на достижение общественного блага (из определения гражданского участия исключены деструктивные практики).

Таким образом, концепция гражданского участия предполагает получение общественно значимого результата благодаря конструктивной активности населения, что соотносится с основной целью процесса реализации муниципальной публичной политики, как отмечено в принятом за основу определении.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве объекта исследования были отобраны два региона Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – Вологодская область и Республика Карелия и их муниципальные образования (столичные города) – г. Вологда и г. Петрозаводск. При прочих равных условиях это два типичных региона СЗФО с относительно аналогичным уровнем социально-экономического развития, что является важным стартовым параметром для оценки гражданского участия в реализации муниципальной публичной политики.

Исследование опиралось на комплексную методiku с использованием методов количественной и качественной социологии, а именно стратегию последовательного смешивания методов (mixed methods research).

В 2021 году в Вологде и Петрозаводске были организованы опросы общественного мнения горожан. Метод опроса – анкетирование. Выборка по исследуемым городам составила 800 респондентов. Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором наблюдаемых единиц.

В ходе анализа также был использован индексный метод. Интегральный индекс гражданского участия рассчитывался на основе результатов анкетирования и ответа на вопрос «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных мероприятий и как часто Вы участвовали за последний год?», в котором перечислены мероприятия и имеется шкала с вариантами ответов. Ответам «Регулярно», «Иногда», «Один раз» присваивался 1 балл, «Никогда» – 0 баллов. Значение индекса варьировалось от 0 до 1. Соответственно, чем больше было значение показателя, тем выше уровень вовлеченности населения в различные практики развития городов.

Гражданское участие населения в вопросах муниципального развития и взаимоотношений с местной властью рассматривалось исходя из форм вовлеченности (волонтерская работа, социальное проектирование и инициативное бюджетирование, а также диалоговые площадки с органами власти

как онлайн, так и офлайн). Особое внимание уделялось деятельности некоммерческих организаций (НКО) как формализованной практике гражданского участия и субъекту муниципальной публичной политики.

Далее с целью углубленного анализа имеющихся дисфункций включения местного сообщества в реализацию муниципальной публичной политики применялся качественный метод социологического исследования. Количественная стратегия отражает общие тренды, но не позволяет в комплексе оценить специфические проблемы и особенности процесса гражданского участия населения в осуществлении муниципальной публичной политики и предложить их аналитическое обоснование. В основу легли глубинные интервью с экспертами по заранее разработанному гайду. Интервью подверглись транскрибации, затем с учетом смыслового контекста выбирались высказывания, касающиеся проблемы исследования. В 2023 году было проведено двадцать семь глубинных интервью с муниципальными служащими, сотрудниками и руководителями НКО, активистами и общественными деятелями городов Вологды и Петрозаводска.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Характеристика гражданского участия в контексте муниципальной публичной политики

Несмотря на кризисы последних лет (пандемия COVID-19, экономические санкции западных стран, реформа местного самоуправления), Вологда и Петрозаводск в социальном и экономическом развитии показали весьма хорошую адаптивность. В целом социально-экономическая ситуация в обоих городах характеризуется следующими тенденциями: они обладают развитой социальной и культурной инфраструктурой, привлекательны для туристов, имеют диверсифицированную промышленность. Однако в демографии в 2019–2022 годах наблюдается убыль населения в г. Вологде (–0,4 – 0,7 %) и незначительный прирост в г. Петрозаводске (+0,1 %). Важными показателями являются уровень безработицы и оплата труда, которые, несмотря на различия между городами, отражают общую тенденцию стагнации. В экономическом плане Петрозаводск более устойчив, с растущими инвестициями в основной капитал и объемами продукции, однако в нем наблюдается снижение оборота розничной торговли. В то время как в Вологде, хотя и отмечается рост промышленного производства, фиксируется нестабильность в сфере розничной торговли и инвестиционной деятельности (Белехова и Жданова, 2023, с. 29–30). Тем не менее рассматриваемые территориальные образования сталкиваются с новыми проблемами, вызовами турбулентной нестабильности и требуют разработки инновационных стратегий их развития для улучшения жизни населения, что предполагает реализацию муниципальной публичной политики с использованием потенциала гражданского участия населения и усилением неэкономических факторов развития территорий.

Как демонстрирует проведенное исследование, уровень гражданского участия населения в городском развитии в Вологде несколько выше,

чем в Петрозаводске (значение интегрального индекса 0,27 против 0,22). При этом заметен разрыв между оценками участия в деятельности НКО: в Вологде показатель составил 0,38, тогда как в Петрозаводске – только 0,22. Однако участие в ситуативном (неорганизованном), вне рамок деятельности НКО, волонтерстве выше в Петрозаводске – 0,24 против 0,18, что может быть связано с особенностями социокультурной среды и традициями города.

Среди предложенных практик гражданского участия в вопросах городского развития наиболее востребованы заявительные форматы взаимодействия с органами власти в обоих городах, что подтверждает их значимую роль при рассмотрении вовлеченности населения в развитие территорий в контексте муниципальной публичной политики. Распространены такие практики, как обращение в органы власти и инициативное бюджетирование. Из полученных данных видно, что эти практики больше развиваются в Вологде, чем в Петрозаводске. Протестные акции по поводу решения городских проблем находят меньший отклик, в отличие от конструктивного взаимодействия (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Формы участия населения в вопросах развития городов Вологды и Петрозаводска
в индексной оценке в 2021 году / Forms of population participation in the development
of Vologda and Petrozavodsk, the 2021 index assessment**

Практики	Интегральный показатель	
	г. Вологда	г. Петрозаводск
Добровольческая деятельность вне НКО	0,18	0,24
Участие в деятельности НКО	0,38	0,22
Благоустройство города в рамках проектов инициативного бюджетирования	0,35	0,28
Подписание обращений, жалоб, петиций в органы власти	0,38	0,32
Участие в обсуждении проектов муниципальных правовых актов, отчетов по вопросам местного значения	0,21	0,17
Грантовые конкурсы проектов по формированию комфортной городской среды	0,36	0,18
Публичные протестные акции по поводу городских проблем	0,11	0,15
Интегральный индекс	0,27	0,22

Источник: индекс гражданского участия рассчитан авторами по данным социологического опроса Вологодского научного центра РАН, 2021 г.

В целом следует констатировать, что, несмотря на отставание развития гражданского участия населения Петрозаводска по сравнению с Вологдой, наблюдается общая картина: в меньшей степени в публичном поле получают распространение практики самоорганизации граждан снизу вверх (например, добровольческая деятельность вне НКО, протестные акции) и все больше раз-

вивается участие как гражданская вовлеченность сверху вниз, когда инициатива исходит от органов власти с целью стимулирования граждан к обсуждению, оцениванию и контролю текущей политики, проектов и программ, где смысловой акцент сделан на инициативе по созданию условий для участия граждан в публичном управлении. Это практики по благоустройству города в рамках проектов инициативного бюджетирования (значение индекса 0,28–0,35); обращения в органы власти (0,32–0,38); грантовые конкурсы проектов по формированию комфортной городской среды (0,18–0,36). На наш взгляд, гражданская самоорганизация и гражданское вовлечение в контексте гражданского участия не являются взаимоисключающими: инициативы власти, основанные на вовлечении общественности в управление, могут перерасти в усилия по самоорганизации, а самоорганизация, напротив, может быть интегрирована или институционализирована в формальные структуры, возглавляемые органами власти.

Цифросетевые форматы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества в публичном пространстве

Как отмечалось в теоретической части статьи, одним из направлений реализации муниципальной публичной политики является выстраивание диалога между обществом и властью с помощью интернет-сетевого взаимодействия. Внедряются более удобные и снижающие временные издержки цифровые технологии для обращений граждан, совершенствуется система обратной связи. Как отмечают исследователи, взаимодействие органов публичной власти и населения в сетевых форматах способствует согласованию позиций и мнений, помогая корректировать административные процедуры государственного управления (Соколов и Исаева, 2022). Приверженцы концепции цифрового участия убеждены, что онлайн-практики по своей эффективности не уступают традиционному активизму (Пырма, 2020; Christensen, 2011).

Интернет-практиками гражданского участия в радиусе публичной политики выступают действия населения на таких цифровых платформах обратной связи, как, например, «Заяви о проблеме», «Активный горожанин», «Вологда в порядке», «Народный контроль Карелия». В идеальной ситуации эти технологические платформы сетевых сервисов должны выступать в качестве одного из ключевых элементов системы принятия решений по вопросам благоустройства территорий и определения приоритетов их социально-экономического развития.

Важно обратить внимание, что в современных условиях сформировался запрос на систематизацию и повышение эффективности онлайн-взаимодействия власти и населения. В 2020 году по всей стране были созданы центры управления регионом (ЦУР) с зонтичной структурой (отделениями) в муниципальных образованиях. Функции этих центров заключаются в проведении мониторинга, обработки и анализа обращений и сообщений жителей, в обеспечении межведомственного взаимодействия органов власти для сокращения времени получения ответа и решения проблемного вопроса гражданина. Однако, на наш взгляд, процесс реального взаимодействия может осложниться внедрением искусственного интеллекта, которое планируется

в 2024 году, для предварительной подготовки ответов органов власти в социальных сетях, что повысит формализм ответов. В этих условиях возникает вопрос, насколько ЦУР останутся «инструментом прямой и эффективной коммуникации жителей и власти с целью решения проблем и предотвращения их возникновения в будущем»¹?

Данные социологического опроса в территориальном прочтении демонстрируют отсутствие в онлайн-среде доминантной формы общественно-государственных отношений. В Вологде среди населения наиболее распространены следующие цифровые коммуникации: подписание онлайн-петиций (26 %) и голосование в Интернете по различным инициативам (23 %). В Петрозаводске, в отличие от Вологды, жители предпочитают использовать интернет-платформы для обращения в органы власти и участия в благотворительных акциях и волонтерстве. Также в Петрозаводске большая, по сравнению с Вологдой, доля людей обсуждают общественные проблемы на специализированных сайтах и в социальных сетях. Однако использование интернет-технологий для участия в общественных слушаниях и гражданском протесте в обоих городах явление довольно редкое (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Онлайн-участие населения в практиках общественно-политической жизни,
в % от тех, кто пользуется Интернетом / Online participation of the population
in socio-political life, % of Internet users**

Онлайн-форма участия	г. Вологда	г. Петрозаводск
Голосование на интернет-ресурсах по различным инициативам	22,7	18,6
Обращения, направленные в электронной форме в органы власти	18,1	28,5
Подписание петиций на онлайн-платформах	26,2	19,4
Обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях	18,4	21,5
Интернет-слушания по вопросам местного значения	10,5	10,6
Благотворительность и добровольчество на интернет-ресурсах	9,9	22,1
Электронный гражданский протест	6,7	4,2

Источник: здесь и далее в таблицах 3 и 5 приведены результаты социологического опроса Вологодского научного центра РАН, 2021 г.

Относительно эффективности онлайн-коммуникации с властью в решении городских проблем фиксируются следующие оценки населения. Как в Вологде, так и в Петрозаводске более трети респондентов считают, что такие формы

¹ Центры управления регионами [Электронный ресурс] // Офиц. сайт АНО по развитию цифровых проектов в сфере обществ. связей и коммуникаций «Диалог Регионы». URL: <https://dialog.info/projects/region-management-center/> (дата обращения: 09.04.2024).

гражданского участия в основном помогают обозначить вопрос, требующий решения. Эффективность онлайн-форм в преодолении проблем городских сообществ все еще остается довольно спорной. И в то время как в Петрозаводске наблюдается в целом положительное отношение к цифровым формам, в Вологде мнения более критичные. Значительна доля респондентов, которые отмечают, что цифровые формы с использованием Интернета неспособны эффективно решать общественно важные проблемы, а всего лишь создают видимость (иллюзию) активности без конкретного положительного влияния (табл. 3). Это означает, что в городском сообществе еще не сложилось единого мнения относительно эффективности использования онлайн-форм для взаимодействия с властью. Важно отметить, что отсутствие определенного мнения может быть связано с тем, что данные технологии относительно новы и требуют времени для понимания их настоящего потенциала.

Таблица 3 / Table 3

Эффективность онлайн-форм гражданского участия в оценках населения городов, в % от тех, кто пользуется Интернетом / The effectiveness of civic participation online forms in urban population estimates, % of Internet users

Мнение об эффективности онлайн-форм	г. Вологда	г. Петрозаводск
Реально способствуют решению проблем	20,8	26,3
Функция онлайн-форм только в сборе информации о проблемах	40,8	36,3
Совершенно не решают общественно значимые проблемы	21,4	19,3
Создают видимость, имитируют активную деятельность по решению различных проблем	17,0	18,1

Результаты экспертных интервью свидетельствуют о мобилизующих функциях интернет-технологий в части расширения поля публичного обсуждения проблем муниципальных образований. Онлайн-сервисы, в том числе и социальные сети, рассматриваются как инструмент привлечения внимания населения к общественно значимым вопросам. *Сегодня Интернет играет ключевую роль в общественном обсуждении городских проблем... Работают разные интернет-сообщества в «ВКонтакте», где наши жители обмениваются мнениями о благоустройстве; граждане и сами создают их и обсуждают на госапбликах или специальных платформах (представитель администрации, г. Петрозаводск). Наши подписчики регулярно нам пишут, оставляют отзывы, предлагают помощь (представитель НКО, г. Вологда).*

В то же время наблюдения экспертов подтверждают данные социологического опроса об отсутствии единого мнения относительно эффективности использования онлайн-форм гражданского участия в области конструирования реальных гражданских и политических действий в целях развития территорий или решения проблем граждан. *Пообсуждали проблему и забыли, дальше никаких действий не последовало (гражданский активист, г. Вологда). Существуют сообщества, которые просто используют Интернет в каче-*

стве удобного инструмента для общения (представитель администрации, г. Петрозаводск). Иногда обращение в Интернете действительно приносит результат, это особенно касается разных бытовых проблем (гражданский активист, г. Вологда).

По наблюдениям экспертов, поиск новых моделей взаимодействия общества и власти в цифровом поле требует совершенствования системы в части снижения ее бюрократизации. Интернет-сервисы коммуникации власти с населением не обеспечивают эффективного использования данных ресурсов, поскольку сотрудничество ограничивается формальными рамками. Также выделяются проблемы информированности. *Возьмем наш портал «Активный горожанин». Не все, к сожалению, об этом знают, и не все понимают, что там проводятся различные форумы, опрос, в котором каждый может принять участие, а тем самым повлиять на результат реально* (представитель НКО, г. Петрозаводск).

Таким образом, несмотря на интернет-активность жителей и развитие специализированных платформ, остаются проблемы в эффективном использовании онлайн-форм гражданского участия. Выявлено, что не всегда обсуждение в Интернете приводит к реальным действиям. Нет сомнений, что специализированные сервисы обратной связи играют важную роль в выстраивании диалога с представителями власти в решении городских проблем, тем не менее формальный подход и недостаточная информированность об этих ресурсах снижают их эффективность. Необходимо более активное привлечение жителей к участию и повышение осведомленности о возможностях онлайн-платформ.

Некоммерческие организации как формализованная практика гражданского участия и субъект муниципальной публичной политики

Вовлечение некоммерческих негосударственных организаций (как формализованной практики гражданского участия) в решение социально значимых проблем местного сообщества способствует формированию институциональной основы диалога и, как следствие, более успешной реализации публичной политики. Данное партнерство позволяет учитывать интересы граждан, получать дополнительные ресурсы, как материальные, так и человеческие, и способствует повышению уровня доверия в обществе (Гужавина, 2020). Кроме того, некоммерческие организации, будучи каналом артикуляции интересов общества, создают дополнительные возможности для развития социальных услуг и благ. Их участие способствует решению насущных проблем и актуализации потребностей населения, что в итоге приводит к улучшению качества жизни граждан и повышению уровня социальной гармонии (Ressler et al., 2021). Важно отметить, некоммерческий сектор обладает уникальным опытом и знаниями в работе на местах, что делает его ценным партнером для муниципальных органов управления. Совместная работа обеих сторон позволяет находить оптимальные пути решения социальных проблем и использования ресурсов (Григорьева и Парфенова, 2021).

Участие некоммерческих организаций, с учетом их преимуществ, в развитии общественно-государственных отношений является условием совре-

менного управления и реализации публичной политики на местном уровне. Взаимодействие сторон позволяет создавать коммуникативную среду для достижения общих целей в интересах развития территорий. Данное взаимодействие строится в основном на базе поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), при помощи различных форм и инструментов. Среди таких инструментов – государственные и муниципальные гранты (субсидии) для реализации проектов социального значения, выполнение работ в рамках государственного/муниципального заказа, а также имущественная и консультативная помощь. В региональном законодательстве, регулирующем деятельность СОНКО, особое место занимают программные нормативно-правовые акты, которые определяют общую стратегию в развитии приоритетных направлений общественной сферы. С 2013 года запущен ряд региональных и муниципальных программ поддержки СОНКО².

Исследования показывают, что, несмотря на положительную динамику передачи средств из региональных бюджетов местным бюджетам на реализацию муниципальных программ поддержки СОНКО, на уровне муниципалитетов ощутима нестабильность финансирования деятельности таких организаций. Особенно выделяется Республика Карелия, где бюджетное субсидирование СОНКО на местах с 2018 по 2022 год сократилось на 62 %. В Вологодской области темпы прироста тоже снижаются, но объем бюджетных средств, выделяемых на муниципальные программы для СОНКО, остается значительно выше, чем в Республике Карелия (Косыгина и Уханова, 2024, с. 199–200). Кроме того, необходимо отметить, что в Вологодской области такие программы приняты практически во всех муниципальных образованиях.

По состоянию на 2022 год в России действует 129,9 тыс. СОНКО, при этом в долгосрочной динамике их количество снижается: еще пять лет назад, в 2018 году, их насчитывалось 140,2 тыс. единиц. В Республике Карелия зарегистрировано 923 СОНКО, в Вологодской области – 1193. Только часть этих организаций получают поддержку власти и муниципальных органов управления: 568 СОНКО в Вологодской области (из них 256 организаций находятся в г. Вологде) и 357 СОНКО в Республике Карелии (из них 284 организации – в г. Петрозаводске)³. Вместе с тем некоммерческий сектор в Республике Карелии менее развит, что нашло отражение в количестве занятых в СОНКО, как добровольцев, так и работников (табл. 4).

² См., например, *О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области»* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологод. обл. от 27.05.2019 № 491. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561405478> (дата обращения: 18.01.2024); *Об утверждении государственной программы Республики Карелия «Развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина»* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Карелия от 28.02.2024 № 63-П. URL: docs.cntd.ru/document/407141156 (дата обращения: 18.01.2024); *Об утверждении муниципальной программы «Создание условий для развития гражданского общества и информационной открытости»* [Электронный ресурс]: Постановление Администрации г. Вологды от 10.10.2014 № 7661. URL: <https://base.garant.ru/20427211/> (дата обращения: 18.01.2024).

³ *Социально ориентированные некоммерческие организации* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва эконом. развития Рос. Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko> (дата обращения: 21.01.2024).

Таблица 4 / Table 4

**Информация о СОНКО за 2022 год по регионам /
Information about SONCO for 2022, by region**

Регион	Республика Карелия	Вологодская область
Количество организаций, ед.	923	1 193
Количество работников, чел.	2 170	4 140
Количество добровольцев, чел.	7 213	14 311
Среднее число работников на 1 СОНКО	2,4	3,4
Среднее число добровольцев на 1 СОНКО	7,8	11,9

Источник: подготовлено авторами на основе данных Росстата⁴.

Необходимость развития организаций некоммерческого сектора как формы гражданского участия и актора муниципальной публичной политики требует анализа степени вовлеченности населения в их деятельность. Индикаторы вовлеченности включают уровень осведомленности общества о работе НКО, доверие к ним, реальное участие и оценку жителями значимости некоммерческих организаций для развития муниципальных образований. Результаты социологических исследований показали, что в Петрозаводске население меньше участвует в деятельности НКО, чем в Вологде. По индикатору влияния на жизнь города наблюдается аналогичная тенденция. При этом информированность местного сообщества выше в Петрозаводске, чем в Вологде. Показатели доверия жителей равнозначны в обоих городах; доверие к НКО выше, чем реальное участие и оценка значимости организаций некоммерческого сектора для развития этих территорий (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

**Вовлеченность населения в работу НКО, в % /
Population involvement in the work of NPOs, %**

Индикатор	г. Вологда	г. Петрозаводск
Слышал о деятельности НКО	57,3	61,4
Участвовал в деятельности НКО, получал услуги	13,4	10,4
Деятельность НКО имеет значение для развития города	33,5	27,6
Доверяю НКО	38,3	36,5

В целом можно заключить, что ситуация с вовлеченностью местного сообщества в деятельность НКО более позитивно складывается в Вологде, чем в Петрозаводске. Однако в обоих городах на фоне высокой информированности о деятельности некоммерческих организаций и при среднем уровне

⁴ Основные сведения о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций по субъектам Российской Федерации в 2012–2022 гг. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SONKO_2012-2022.xlsx (дата обращения: 21.01.2024).

доверия к ним со стороны населения зафиксированы относительно невысокие показатели реального (деятельностного) участия граждан в работе НКО. Как показали данные опроса, онлайн-взаимодействие населения и НКО остается на низком уровне. В среднем на цифровые площадки НКО заходили 28 % опрошенных пользователей Интернета, напротив, 65 % никогда этого не делали. Интересуется информацией о вступлении в волонтерское движение НКО 16 %, в то время как благотворительные пожертвования через онлайн-ресурсы НКО осуществляют 14 % в среднем по опросу.

Диагностика и анализ имеющихся дисфункций в диалоговых форматах взаимодействия органов местной власти и гражданских инициатив

Данные экспертных интервью демонстрируют определенные противоречия во взаимодействии некоммерческих организаций с муниципальным сектором, когда дело касается создания институциональных условий для их развития. В частности, недостаток поддержки инициатив со стороны государственных/муниципальных органов затрудняет эффективную работу НКО. *Возможно, есть некоторые сложности во взаимодействии с органами власти. Не могу сказать, что наши инициативы поддерживаются на 100 %. Хотя региональные власти нас признают. Но не могу сказать, что идет колоссальная поддержка и продвижение* (руководитель НКО, г. Вологда).

Касательно муниципального уровня некоторые организации отмечают, что они не ищут поддержки у местных органов власти из-за ограниченных возможностей и отсутствия с их стороны явной заинтересованности. Это свидетельствует о необходимости улучшения взаимодействия НКО с муниципалитетами для обеспечения развития сектора и использования его потенциала для развития территорий. *По поводу муниципального уровня, то тут никакой поддержки мы не ищем, так как на местах еще меньше возможностей. Мы сами не обращаемся к местными органам власти* (представитель НКО, г. Петрозаводск). *Власти зачастую не интересно с нами сотрудничать, они не понимают смысла или надеются только на свои социальные организации* (гражданский активист, г. Вологда).

В связи с изменениями в законодательстве некоммерческие организации испытывают трудности в соблюдении требований законов. Недостаточная осведомленность о новых нормативных актах приводит к негативным последствиям при проверках и аудитах. *Законодательство меняется нельзя сказать, что часто. Дело в том, что мы должны следовать ему, но не всегда бываем осведомлены об этих изменениях* (руководитель НКО, г. Вологда).

Часть экспертов полагают, что, формируя условия для развития, государство пытается установить строгие границы для НКО, что выступает как фактор предотвращения финансовых нарушений при выделении значительных бюджетных средств на социальные проекты НКО. Тем самым спектр проблем, на которые должна быть направлена активность НКО, определяется «сверху». В то время как представителям некоммерческих организаций роль государства видится в определении общих правил и норм их функционирования, что не предполагает прямого вмешательства во внутренние процессы. *Сейчас условия для развития, конечно, создаются... Но власть пытается установить*

контроль над НКО. Лучшие бы просто устанавливала рамки, в которых нужно действовать (представитель НКО, г. Петрозаводск). *Чрезмерный контроль со стороны властей на всех этапах реализации деятельности некоммерческой организации* (гражданский активист, г. Вологда).

Одним из барьеров, по оценкам экспертов, является формальный подход органов управления к выстраиванию конструктивных и результативных общественно-государственных отношений. *Взаимодействие очень формальное. На наши мероприятия редко ходят. Не могу сказать, что существует реальное общение и наше мнение сильно где-то учитывается* (руководитель ресурсного центра для НКО, г. Вологда).

Формальный подход и выполнение преимущественно контрольных функций со стороны органов управления обусловлены в ряде случаев конкуренцией за финансовые, административные и информационные ресурсы государственных/муниципальных учреждений и организаций некоммерческого сектора, недостаточной квалификацией и дефицитом специалистов государственных и муниципальных структур в выстраивании взаимодействия с общественностью. Также эксперты отмечали, что необходимо создавать условия для обучения и развития специалистов некоммерческого сектора, чтобы те могли активно участвовать в партнерстве на равных условиях. *В течение многих лет администрация города и отдел культуры смотрели на мою работу как на угрозу, а не как на дополнение к общему культурному пространству. Это приводило к неприятным ситуациям, когда потенциальные спонсоры были отговариваемы от сотрудничества со мной* (руководитель НКО, г. Петрозаводск). *Когда обращаемся в администрацию, видим, что они сами не знают, как помочь нам, перенаправляют обычно вопросы в разные структуры* (гражданский активист, г. Вологда).

Еще один ряд барьеров обусловлен недостаточным развитием информационных ресурсов и каналов обмена знаниями о нормативных нововведениях, проблемах, связанных с грантовой поддержкой, и запросом на организацию просвещения в этом направлении. *Думаю, что улучшение информированности и консультационная поддержка относительно изменений в законодательстве могут способствовать более эффективной нашей работе* (руководитель НКО, г. Петрозаводск). *Вот нужно разъяснительную работу проводить и информационные кампании* (руководитель ресурсного центра для НКО, г. Вологда). Именно вследствие информационного барьера возникают сложности в построении доверительных отношений между некоммерческим сектором и органами местного самоуправления, что препятствует получению кумулятивного эффекта от объединения ресурсов.

Таким образом, выявленные препятствия гражданского участия и взаимоотношений с органами муниципального управления в рамках публичной политики носят и социальный, и институциональный характер. К социальным факторам в первую очередь относится низкий уровень участия населения в просоциальных практиках, как формальных (НКО), так и неформальных, на местном уровне. Барьеры институционального характера отражаются в ограниченной информации при взаимодействии с органами власти; проявляются слабой эффективностью онлайн-форм коммуникаций на фоне

их высокой востребованности; организационными и административными дисфункциями в общественно-государственных отношениях, в том числе неполным пониманием содержания деятельности субъектов гражданского участия органами управления территориями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Муниципальная публичная политика способствует созданию среды для открытого и продуктивного диалога между властью и гражданами. Важным элементом структуры этой политики является гражданское участие населения. Основная задача повышения эффективности публично-частного партнерства заключается в грамотной адаптации общественной активности для развития, поддержки и интеграции гражданских инициатив в систему государственного и муниципального управления.

В Вологодской области и Республике Карелии в качестве эффективного воздействия на органы местного самоуправления общественность предпочитает прямую коммуникацию. Выявляются по меньшей мере два общих тренда. Первый – население защищает свои интересы и взаимодействует с властью через подписание обращений, петиций, жалоб, а не путем участия в публичных протестных акциях. Второй – фиксируется увеличение гражданской вовлеченности, инициируемой «сверху», со стороны власти, а не путем произвольной самоорганизации.

Исследование показало, что онлайн-ресурсы создают возможности для гражданского участия населения, формируют пространство взаимодействия с властью и расширяют его, однако их эффективность, по оценкам населения и экспертов, на настоящем этапе развития не достигла высоких показателей. Интернет-платформы, включая соцсети, рассматриваются как средство привлечения внимания общественности к социально значимым вопросам. Однако часто обсуждения в сети Интернет или обращения не приносят конкретных результатов. Системы обратной связи (цифровые сервисы муниципального управления) занимают значимое место в выстраивании диалога с властью для решения проблем граждан, но формальный подход и недостаточное информирование о них снижают их эффективность. Отмечено, что иногда сетевые формы коммуникации носят имитационный характер или являются симулякром вовлечения граждан в политику. Представляется, что выявленные проблемы могут быть решены, поскольку институты формируются и оттачиваются годами и десятилетиями.

Использование возможностей негосударственного некоммерческого сектора при формировании и реализации муниципальной публичной политики активно внедряется в практику управления, поле публичности расширяется. Организации некоммерческого сектора закрепляются как полноценные субъекты муниципальной публичной политики, действующие в публичной сфере и влияющие на ее формирование. Их деятельность не только помогает привлекать и инвестировать ресурсы в решение социальных проблем, улучшение жизни городского населения, но также является ключевым инструментом для повышения эффективности властных решений, расширения радиуса доверия граждан к органам управления и самоуправления.

Выявлены особенности функционирования НКО-сектора в Вологодской области и Республике Карелии, и обозначены проблемные точки взаимодействия с субъектами муниципального/государственного управления. Барьеры сводятся к низкому участию населения в деятельности НКО; недостаточной информированности представителей организаций о правовых актах, регламентирующих их деятельность; неполной осведомленности о возможностях финансовой и иной поддержки на муниципальном уровне. Возникают ситуации, когда НКО в муниципальном образовании сталкиваются с недоверием и непониманием со стороны власти и формальным подходом к вовлечению НКО в оказание социальных услуг населению и решение проблем в социальной сфере. Отмечается конкуренция между государственными/муниципальными социальными учреждениями и организациями некоммерческого сектора, предоставляющими социальные услуги.

Понимание значимости, особенностей и препятствий для гражданского участия в реализации муниципальной публичной политики является основой для совершенствования стратегического планирования муниципального развития. В настоящее время важно включение субъектов гражданского участия в планы реализации муниципальных программ и национальных, региональных проектов для активизации местного сообщества и концентрации усилий на разрешении социально-экономических проблем территорий.

Список источников

Барабашев А. Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.

Белехова Г. В., Жданова А. Э. Особенности муниципальной публичной политики в субъектах Северо-Западного федерального округа (на примере Вологодской области и Республики Карелия) // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6, № 4. С. 24–41. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.2>.

Ворошилов Н. В. Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 5. С. 105–124. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.7>.

Григорьева И. А., Парфенова О. А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>.

Гужавина Т. А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 191–203. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11>.

Кожевников С. А., Ворошилов Н. В., Секушина И. А. Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 232 с.

Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 1. С. 192–215. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>.

Мухин М. А., Урасова А. А. Оценка взаимодействия некоммерческих организаций с системой муниципального управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 226–241. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.13>.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 1. С. 4–22. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.101>.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне // Местное право. 2022. № 4. С. 3–20.

Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 74–81. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7137>.

Соколов А. В., Исаева Е. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>.

Сунгуров А. Ю., Дмитриева А. Е. Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 103–125. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125>.

Уханова Ю. В. Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 255 с.

Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия / М. Т. Гандалова, И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова и др. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.

Agnafors M. Quality of government: Toward a more complex definition // American Political Science Review. 2013. Vol. 107, № 3. P. 433–445. <https://doi.org/10.1017/s0003055413000191>.

Christensen H. S. Political Activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? // First Monday. 2011. Vol. 16, № 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.

Kiwan D. Uneasy relationships?: Conceptions of ‘citizenship’, ‘democracy’ and ‘diversity’ in the English citizenship education policymaking process // Education, Citizenship and Social Justice. 2007. Vol. 2, № 3. P. 223–235. <https://doi.org/10.1177/1746197907081260>.

Nabatchi T., Sancino A., Sicilia M. Varieties of participation in public services: The who, when, and what of coproduction // Public Administration Review. 2017. № 5. P. 766–776. <https://doi.org/10.1111/puar.12765>.

Phan V., Kloos B. Examining civic engagement in ethnic minority youth populations: A literature review and concept analysis // American Journal of Community Psychology. 2023. Vol. 71, № 1–2. P. 54–78. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12643>.

Ressler R. W., Paxton P., Velasco K. et al. Nonprofits: A public policy tool for the promotion of community subjective well-being // Journal of Public Administration Research and Theory. 2021. Vol. 31, № 4. P. 822–838. <https://doi.org/10.1093/jopart/ruab010>.

Rothstein B., Teorell J. What is quality of government? A theory of impartial government institutions // *Governance*. 2008. Vol. 21, № 2. P. 165–190. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x>.

Ukhanova Y., Kopytova E., Zhestyannikov S. Impact of citizen participation on solving the social problems of small regional towns in Russia // *Changing Societies & Personalities*. 2024. Vol. 8, № 1. P. 57–77. <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.263>.

Информация об авторах

К. Е. Косыгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социокультурных и политических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», 160014, Россия, г. Вологда, ул. М. Горького, 56а
SPIN-код (РИНЦ): 5799-0295
AuthorID (РИНЦ): 895817
Web of Science ResearcherID: K-7910-2018

Ю. В. Уханова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных и политических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», 160014, Россия, г. Вологда, ул. М. Горького, 6а
SPIN-код (РИНЦ): 7812-4133
AuthorID (РИНЦ): 726664
Web of Science ResearcherID: Q-7225-2017
Scopus Author ID: 57208543168

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 16.07.2024.

References

Barabashev, A. G. (2016), “Crisis of state governance and its influence on basic administrative paradigms of state and bureaucracy”, *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 163–194.

Belekhova, G. V. and Zhdanova, A. E. (2023), “Features of municipal public policy in the subjects of the Northwestern Federal District (on the example of the Vologda region and the Republic of Karelia)”, *Caucasian Science Bridge*, vol. 6, no. 4, pp. 24–41, <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.2>.

Voroshilov, N. V. (2021), “Trends and prospects for changes in the municipal-territorial structure in Russia”, *Problems of Territory's Development*, vol. 25, no. 5, pp. 105–124, <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.7>.

Grigorieva, I. and Parfenova, O. (2021), "Socially-oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization in social services: Barriers and opportunities", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 7–22, <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>.

Guzhavina, T. A. (2020), "Collective actions and social capital: Implications of concepts", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 1, pp. 191–203, <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11>.

Kozhevnikov, S. A., Voroshilov, N. V. and Sekushina, I. A. (2021), *Munitsipal'nye obrazovaniya regiona: problemy i puti samorazvitiya* [Municipalities of the region: Problems and ways of self-development], VolRC RAS, Vologda, Russia.

Kosygina, K. E. and Ukhanova, Yu. V. (2024), "Cross-sector social partnership as the basis of municipal public policy", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (*The Journal of Sociology and Social Anthropology*), vol. 27, no. 1, pp. 192–215, <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>.

Mukhin, M. A. and Urasova, A. A. (2024), "Assessing the interaction between non-profit organizations and the municipal management system", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 3, pp. 226–241, <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.13>.

Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2024) "Municipal public policy in the context of local government reform", *Political Expertise: POLITEX*, vol. 20, no. 1, pp. 4–22, <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.101>.

Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2022), "Municipal public policy as an indicator of the quality of interaction between government and society at the local level", *Mestnoe pravo*, no. 4, pp. 3–20.

Pyrma, R. V. (2020), "Concepts of civil activism in the digital space of communications", *Vlast' (The Authority)*, vol. 28, no. 2, pp. 74–81, <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7137>.

Sokolov, A. V. and Isaeva, E. A. (2022), "Transforming the interaction between authorities and civil society in digital: The evidence from the Yaroslavl region", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4, pp. 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>.

Sungurov, A. Yu. and Dmitrieva, A. E. (2023), "Public participation in government activities: Public and participatory budgeting and participatory design at the level of St. Petersburg municipalities", *Public Administration Issues*, no. 2, pp. 103–125, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125>.

Ukhanova, Yu. V. (2022), *Grazhdanskoe uchastie territorial'nogo soobshchestva: teoreticheskie osnovy i prakticheskoe razvitie* [Civil participation of the territorial community: Theoretical foundations and practical development], VolRC RAS, Vologda, Russia.

Gandaloeva, M. T., Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. et al. (2017), *Frontir setevogo obshchestva kak prostranstvo politicheskogo vzaimodeistviya* [The frontier of the network society as a space of political interaction], *Perspektivy obrazovaniya*, Krasnodar, Russia.

Agnafors, M. (2013), "Quality of government: Toward a more complex definition", *American Political Science Review*, vol. 107, no. 3, pp. 433–445, <https://doi.org/10.1017/s0003055413000191>.

Christensen, H. S. (2011), "Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means?", *First Monday*, vol. 16, no. 2, <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.

Kiwan, D. (2007), “Uneasy relationships?: Conceptions of ‘citizenship’, ‘democracy’ and ‘diversity’ in the English citizenship education policymaking process”, *Education, Citizenship and Social Justice*, vol. 2, no. 3, pp. 223–235, <https://doi.org/10.1177/1746197907081260>.

Nabatchi, T., Sancino, A. and Sicilia, M. (2017), “Varieties of participation in public services: The who, when, and what of coproduction”, *Public Administration Review*, vol. 77, no. 5, pp. 766–776, <https://doi.org/10.1111/puar.12765>.

Phan, V. and Kloos, B. (2023), “Examining civic engagement in ethnic minority youth populations: A literature review and concept analysis”, *American Journal of Community Psychology*, vol. 71, no. 1–2, pp. 54–78, <https://doi.org/10.1002/ajcp.12643>.

Ressler, R. W., Paxton, P., Velasco, K. et al. (2021), “Nonprofits: A public policy tool for the promotion of community subjective well-being”, *Journal of Public Administration Research and Theory*, vol. 31, no. 4, pp. 822–838, <https://doi.org/10.1093/jopart/muab010>.

Rothstein, B. and Teorell, J. (2008), “What is quality of government? A theory of impartial government institutions”, *Governance*, vol. 21, no. 2, pp. 165–190, <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x>.

Ukhanova, Y., Kopytova, E. and Zhestyannikov, S. (2024), “impact of citizen participation on solving the social problems of small regional towns in Russia”, *Changing Societies & Personalities*, vol. 8, no. 1, pp. 57–77, <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.263>.

Information about the authors

K. E. Kosygina – Candidate of Economics, Senior Researcher at the Center for Sociocultural and Political Research, Department for Research of the Level and Lifestyle of the Population, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky Str., Vologda, 160014, Russia

SPIN-code (RSCI): 5799-0295

AuthorID (RSCI): 895817

Web of Science ResearcherID: K-7910-2018

Y. V. Ukhanova – Candidate of History Sciences, Leading Researcher at the Center for Sociocultural and Political Research, Department for Research of the Level and Lifestyle of the Population, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky Str., Vologda, 160014, Russia

SPIN-code (RSCI): 7812-4133

AuthorID (RSCI): 726664

Web of Science ResearcherID: Q-7225-2017

Scopus Author ID: 57208543168

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 16.07.2024.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2024. Т. 16, № 3 (368–554)

Редакторы – *Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *И. Р. Саматов, А. А. Костарева*
Переводчик – *М. Г. Мильман*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, И. Р. Саматов*

Дата выхода в свет 30.09.2024. Формат 70х100/16
Усл. печ. л. 15,9. Тираж 500 экз. Заказ № 306 948

Редакция научного журнала “Ars Adminisrandi” («Искусство управления»)
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Издательский центр
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно